

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-1 (47)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-1 (47), 2020

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-1 (47)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-1 (47), 2020

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Candidate of History *A.H. Borov*;
Doctor of Philology *A.M. Gutov*; Doctor of History *A.G. Kazharov*;
Candidate of History *Z.M. Kesheva*; Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Кабары и Кабарда в составе Хазарии	7
<i>Абазов А.Х.</i> Особенности деятельности Моздокского верхнего пограничного суда в 1816–1822 гг.	15
<i>Кожев З.А.</i> Параллели в социальной структуре политий Западного Кавказа на примере сословий пшикеу и ашнакума	23
<i>Тхамокова И.Х.</i> Российская историография XIX в. о выселении черкесов в Османскую империю в 1864 г.	30
<i>Варивода Н.В.</i> Ценностные установки и поведенческие стереотипы казачек Северного Кавказа в конце XVIII – начале XX в.	41
<i>Дзуганов Т.А.</i> Ювелирные и оружейные промыслы Нальчикского округа (вторая половина XIX–XX вв.)	49
<i>Кармов А.Х.</i> Снабжение населения Кабардино-Балкарии орудиями сельскохозяйственного производства в 1925–1929 гг.	56

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Биццло Б.Ч.</i> Субъект, объект IуэхуцIэхэм адыгэбзэм щхьэкIэ зэрыщыза-хъуэжым хэль нэщэнэхэр	67
<i>Жылэтеж Х.Ч.</i> Адыгэбзэм и гъэзэщIэным бгъэдэль грамматикэ нэщэнэхэр	75
<i>Аппоев А.К., Биттиева Ф.А.</i> Названия женской одежды в карачаево-балкарском языке	86
<i>Махиева Л.Х.</i> Устаревшая лексика и ее отражение в новом «Русско-карачаево-балкарском словаре»	93
<i>Токмакова М.Х.</i> Именные фразеомотивы кабардино-черкесского языка	98
<i>Бухуров М.Ф., Хагожеева Л.С.</i> Мотивы позднего типа в сказаниях о Малечипх	105
<i>Гутов А.М.</i> Об истоках героико-исторического жанра (Поэтика и стиль)	115
<i>Гергокова Л.С.</i> Тематическое многообразие пословиц и поговорок в карачаево-балкарских народных сказках о животных	123
<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i> К истории записи и публикации малых жанров карачаево-балкарского фольклора	129
<i>Гутова Л.А.</i> Сватовство и женитьба у адыгов по фольклорным источникам	136
<i>Хьэвжожьуэ Л.Б.</i> IутIыж Борис и усыгъэр: мотив нэхьыщхьэхэр, жанрхэр, гъэпсыкIэр	146
<i>Хакуашева М.А.</i> Черкесское литературоведение и литературная критика в научных трудах Л.А. Бекизовой	154

IN MEMORIAM

<i>Фоменко В.А.</i> Памяти Барасби Хачимовича Бгажнокова	160
--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Kabars and Kabarda as part of Khazaria	7
<i>Abazov A.H.</i> Peculiarities of activity of the Mozdok upper border court in 1816–1822	15
<i>Kozhev Z.A.</i> Parallels in the social structure of polities in the Western Caucasus on the example of soslovi <i>pshikeu</i> and <i>ashnakum</i>	23
<i>Tkhamokova I.H.</i> Russian 19th-century historiography on the expulsion of the circassians to the Ottoman empire in 1864	30
<i>Varivoda N.V.</i> Value attitudes and behavioral stereotypes of the cossacks of the North Caucasus at the late XVIII – early XX centuries	41
<i>Dzuganov T.A.</i> Jewelry and weapons crafts in the Nalchik District (second half of the 19 th –20 th centuries)	49
<i>Karmov A.H.</i> Supply of the population of Kabardino-Balkaria with agricultural tools in 1925–1929	56

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bizhoev B.C.</i> Specific characteristics of the paradigmatics of conjugation of subject and object involves in the kabardino- circassian language	67
<i>Zhiletezhev H.C.</i> Grammatical features of the predicate in the kabardino-circassian language	75
<i>Appoev A.K., Bittieva F.A.</i> Names of women's clothing in the karachay-balkar language	86
<i>Makhieva L.H.</i> Outdated vocabulary and its reflection in the new «Russian-karachayev-balkarian dictionary»	93
<i>Tokmakova M.H.</i> Name phraseoemotives kabardino-circassian language	98
<i>Bukhurov M.F., Hagozheeva L.S.</i> Late-type motives in stories about Malechipkh	105
<i>Gutov A.M.</i> About the origins of the historical and heroic genre (Poetics and style)	115
<i>Gergokova L.S.</i> Thematic diversity of proverbs and sayings in karachay-balkar folk tales about animals	123
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i> To the history of collection and publication of small genres of karachay-balkarian folklore	129
<i>Gutova L.A.</i> According folk sources	136
<i>Khavzhokova L.B.</i> Boris Utizhev's poetry: main motives, genre specifications, poetics	146
<i>Hakuasheva M.A.</i> Cherkesskie literary studies and literary criticism in the scientific works of L.A. Bekizova	154

IN MEMORIAM

<i>Fomenko V.A.</i> In memory of Barasbi Khachimovich Bgazhnokov	160
--	-----

УДК 94 (470. 6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-7-14

КАБАРЫ И КАБАРДА В СОСТАВЕ ХАЗАРИИ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

Проблема кабаров, как племенного объединения и правящего клана Хазарии, породила целый ряд гипотез относительно их происхождения и места в этнической истории народов Северного Кавказа. В настоящей публикации поддерживается и рассматривается гипотеза, согласно которой это подразделение черкесского народа, известное под названием кабардинцев. Отмечается также, что в Армянской географии, отражающей ситуацию первой половины VII века, кабары фигурируют под именем хебуров/хебаров. Подчеркивается вместе с тем, что кабары являются частью этнического массива, связанного исторически с хаттами, касситами, возможно, с каспами. Особое внимание уделяется реликтам хазарского периода Кабарды, отложившимся в языке и культуре кабардинцев, черкесов в целом. Поднимаются вопросы, связанные с восстанием кабаров и присоединением значительной части кабарских племен к венграм в 860-х годах, с их расселением в различных районах к северу от Кавказских гор и местом в политической жизни Хазарии и Алании.

Ключевые слова: Северный Кавказ, хазары, кабары, кабардинцы, черкесы, венгры, Хазарский каганат, Аланская конфедерация, Кабарда.

1.

Кабары, которых принято считать самой влиятельной группой туземного населения Хазарии, восходят, как мы понимаем, к хебурам (хебарам) Армянской географии. С другой стороны кабаров идентифицируют с касогами древнерусских летописей, а также с современными кабардинцами и Кабардой. Поэтому кабардинцем принято считать касожского князя Редедю, с которым в 1022 г. за обладание Тмутараканским княжеством вступил в единоборство внук Святослава Мстислав Владимирович.

О том, что кабары или кабардинцы Приазовья это кашаки, касахи, касоги (черкесы), восставшие против кагана и изгнанные из Центральной Хазарии, писал Ф. Брун [Брун 1879: 113]. Ссылаясь в данной связи также и на то, что боярин Хабар Симский, как сказано у Н.М. Карамзина, вел свой род от Редеди, князя касогов [Карамзин 1989: 36]. Еще раньше, в 1775 году в таком же духе высказывался Дж.Эллиас. Утверждается, что имеется прямая связь между современными кабардинцами (черкесами) и племенным объединением, инкорпорированным в состав Хазарии под именем кабаров (Sabari), что это тот же самый народ, который упоминается у Плиния Старшего под именем Agedi (адыги) [Ellias 1788: 29–30].

«Статус» кабаров как кавказского народа, тождественного адыгам, кабардинцам, поддерживают и языковеды [Мудрак 2010: 382].

Вместе с тем кабары и кабарские племена в целом относятся к числу касского (кашакского) этнического массива, исторически связанного с хаттами, с касситами

и касками II тыс. до н.э., с каспами античного времени. Не исключено, что этноним *хебур*, *хебар* в Армянской географии восходит к названию одного из самых крупных и воинственных касситских племен – *хабиру*. Показательна в свете этой гипотезы взаимозаменяемость этнических имен *хабиру* и *кас/каси*. Еще в 1916 г. Г. Хьюзинг указывал на письменные источники, в которых касситов по одному и тому же поводу и событию называют то хабирами (*hapiri, habiri*), то касами (*kas, sa-kas, kas-sa, kas-si*) [Hüsing 1916: 94–95].

Константин Багрянородный представляет кабаров как воинственный народ Хазарии, бежавший из страны после неудачного восстания и присоединившийся к венграм (к тюркам у Константина) Леведии. Указывается также, что кабары, вошедшие в конфедерацию венгров, состояли из трех племен [Константин Багрянородный 1989: 163]. Н. Голб и О. Притцак существенно дополняют эти сведения, подчеркивая, что Хазарию покинула только часть кабарских (каварских) племен, непосредственно вовлеченная в конфликт [Голб, Притцак 1997: 75–76].

Можно предположить, таким образом, что в уже в VII в. кабары или кабардинцы были ядром касских племен, преобладающим населением Центрального Кавказа. Не исключено, что уже в этот период за областью, занимаемой кабарями в Центральном Предкавказье, закрепилось название Кабартай с тюрко-монгольским окончанием *тай*.

2.

Длительное время кабары были одной из самых влиятельных групп туземного населения Хазарии, «правлящим кланом» [Голб, Притцак 1997: 54] государства, политической и военной опорой его правителей – кагана и бега (бака, шада). С этим связано, как видно, одно из значений термина *кабар* – древнеевр. «товарищ», основанное на народной этимологии.

Так же как и другие кавказские племена в составе Хазарии кабары относились к числу так называемых «белых» или свободных хазар, главной обязанностью которых была, по свидетельству Ал-Истахри, военная служба. Как опытные воины и военачальники длительное время они составляли ядро царской гвардии, состоящей из 12 тысяч воинов, что позволяло им принимать активное участие в управлении страной, в определении ее внутренней и внешней политики, в избрании не только царя (шада, бека), но и кагана.

По всей видимости, из числа кабаров избирались неоднократно цари (беки) Хазарии, например, Ханукка, брат Обадиини. Отсюда, по мнению А.В. Гадло, «одно из наиболее популярных имен адыгской аристократии» – *Канока* [Гадло 1998: 196]. От имени кагана Хазарии Барсбека/ Барджиля (упр. 722–731) произошло, возможно, распространенное кабардинское имя Барасби (Барсбей). К имени одного из самых ранних хазарских царей восходит, похоже, черкесская фамилия Цымбыл. По всей видимости, она имеет связь с именем хазарского царя Зибеля (евр. Сабриэль), первого правителя Хазарии, перешедшего в иудаизм и заключившего в 626 (625) году военный союз против персов с византийским императором Гераклием, который в награду за это отдал Сабриэлю замуж свою дочь [Григорьев 1876: 76].

Как видим, есть сверх всего сказанного некоторые основания думать, что цари Хазарии Ханукка и Сабриэль, имена которых не относятся к числу библейских, выдвинулись из числа кабарской знати.

Хазаро-кабарские (иудейские) корни имеют, по всей вероятности, две самые древние и знатные дворянские фамилии Кабарды – Куденетовы и Тамбиевы. Сохранились предания о еврейских корнях Куднетовых и армянском происхождении Тамбиевых. Семейным знаком и гербом Куднетовых не случайно является шестиконечная звезда. Известно также, что фамилии Куднетовых и Тамбиевых

восходят в свою очередь к древнему роду Генардуко. В то же время имя *Генардуко* (Гену), родоначальника одного из кашакских (кабарских колен) соотносится с названием «тюркского» (венгерского) племени Генах, включенного Константином Багрянородным в состав восьми основных родов каваров и турок (венгров), с именем покровителя адыгов (шапсугов) Гену, прах которого покоился в лесистом кургане близ аула Тхамаха под Краснодаром [Каменев 1866: 170–171].

Реликтом хазаро-черкесского культурного взаимодействия является, видимо, и тот факт, что хазарский титул *ellig /ilig* – «царь», «принц» [Golden 1978: 230] лежит в основе черкесских имен и фамилий (в том числе княжеских) *Альдж*, *Альджыкьуэ*. По свидетельству Константина Багрянородного этим именем был назван второй сын венгерского правителя Арпада, которого некоторые исследователи считают выходцем из кабарской знати.

Вне всякого сомнения, имела место иудизация значительной части кабаров, а также восприятие ими большого числа культурных традиций Хазарии. Отсюда, кроме всего прочего, распространенная среди черкесов родовая фамилия священников – *Шоген*, восходящая к титулу наследственных еврейских священников – *когенов* (а не греческих, как полагал Ш.Б. Ногмов). Реликтом иудейской веры можно считать также и подобие шафара (семисвечника), которое использовалось адыгами кашакской (касожской) ветви в ритуале в честь божества Созереша, покровителя хлебопашества [Хан-Гирей 1978: 98].

Особого внимания заслуживает распространение среди всех групп современного черкесского населения родовой фамилии *Ашынэ*, которая восходит к тюркской династии Ашина, передавшей (в начале VIII века) хазарам титул кагана, верховного правителя империи. К слову сказать, таких фамилий и имен нет, кажется, ни у одного другого народа на Кавказе. То же самое касается современных черкесских фамилий и имен *Шад/Жьадэ*, *Кьэндур* (см. ниже), *Тэрхъан*, *Чеуж*, *Бакь*, *Бэчыжь* и др., уходящих своими корнями в список известных родов, титулов и административных должностей Хазарии.

Эти и многие другие факты, которые более подробно приводились мной ранее, свидетельствуют об активном участии и особом месте кабаров в социальной, культурной, религиозной, политической жизни Хазарии. Но после интенсивной иудизации правящей верхушки Хазарии и принятия в 861 г. иудаизма как государственной религии кабары, как принято считать, восстали против верховной власти [Dunlop 1954: 203].

Другой, наиболее достоверной причиной восстания считают возвышение бека (царя) и превращение его власти в наследственную [Zuckerman 1995: 53]. Несомненно это существенно изменило социально-политическую обстановку в Хазарии, стало дополнительным источником напряженности в стране. Дело в том, что до конца VIII века исполнительная власть в лице царя (бека), включавшая управление всеми земными делами страны, включая командование войсками, еще не формировалась и не действовала как наследственная [Ludwig 1882: 112–201]. Титул бека (шада) функционировал, главным образом, как институт временных военачальников – «мажордомов». К середине IX века, в отличие от этого, сложилась практика дуального царствования (dual kingship), при котором каган становился сакральной, табуированной и высоко почитаемой фигурой, а все полномочия по фактическому, каждодневному управлению делами государства передавались беку и его наследникам [Golden 2007: 161–194].

Следует думать, одним словом, что основанием для возмущения и восстания кабаров (кабардинцев) стало совокупное действие обеих указанных причин. А именно: возведение иудаизма в ранг государственной религии и в еще большей степени – узурпация исполнительной власти царем, шадом (беком) без учета мнения и должного участия в этих преобразованиях кабарской знати.

Восстание не было успешным, часть кабаров была истреблена, а уцелевшая часть разделилась, как выясняется, на две группы. По мнению Дж. Эллиаса,

основанному, как видно, на этногенетических преданиях кабардинцев, одна группа осталась в Кабарде (см. об этом ниже) обеспечив себе покровительство и защиту Арабского халифата и ее «вассала» Персии. Другая часть, состоящая из трех племен и, как сказано выше, непосредственно вовлеченная в конфликт, ушла на север и фактически была вынуждена покинуть страну.

Присоединившись к венграм, враждовавшим с хазарами, кабары-изгнанники расселились в степном Предкавказье, в низовьях Дона (по его берегам справа и слева). Большая группа кабаров вместе с венграми осела также на северо-восточном и восточном побережье Азовского моря и в Крыму [Gyorffy 1985: 31; Цукерман 1997: 672]. Отсюда фиксируемый на итальянских картах XV–XVI вв. населенный пункт *Кабарди* (Sabardi) на северо-востоке Таганрогского залива. См. также неподалеку от Кабарди пункт *Кашаки* (Cachaki) [Фоменко 2011: 394, 396], как факт, свидетельствующий о том, что кабары (кабардинцы) и кашаки один и тот же адыгский народ Северного Кавказа.

3. Кашаки (кабары), венгры и печенеги

Воюя с печенегами, хазарами, а позднее и с половцами кашаки (кабардинцы), покинувшие Центральное Предкавказье, оставались в указанных районах длительное время и после того, как венгры вынуждены были покинуть (в 889 г.) Припонтийские степи. Есть основание думать, что в IX веке кабары (кабардинцы) сохраняли за собой земли Приазовья, Придонья и отдельные районы Восточного Крыма. Видимо этому способствовала и активная поддержка многочисленной юго-западной ветви адыгских племен – зихов. На это указывает датированное первой половиной IX века письмо хазарского царя Иосифа еврейско-испанскому государственному деятелю Хасдаю Ибн-Шапруту (текст Шехтера). Зихи ZYKWS (SYBWS) названы в этом документе в числе главных врагов хазар, наряду с буртасами, огузами, норманнами и Баб ал-Абваб (лезгами?) [Голб, Притцак 1997: 172].

Нетрудно понять после всего сказанного, почему на некоторых ретроспективных средневековых картах Кабарда (Sabarda) отмечена в низовьях Дона (рис. 1), а к югу от Кабарды от Черного до Каспийского моря расположены пятигорские черкесы (Petigori) и черкесы (Circassi). Это потомки кабар (кабардинцев) которые после восстания 860-х годов остались в Хазарии. До прихода к власти Инала II ими управляла, по всей вероятности, древняя кабаро-хазарская знать: Кундетовы, Тамбиевы, Анзоровы. С этим связано также производимое Ф. Бруном выделение «азовских черкес» (по обоим берегам низовьев Дона) из массива кавказских (пятигорских черкес) [Брун 1997: 172].

Рис. 1. Фрагмент Карты Европы Хенрико Хондио начала XVII века.

О проживании черкесов (кабардинцев) на нижнем Дону в непосредственной близости от Саркела писал также М.И. Артамонов. Сообщается, в частности, что во время археологической экспедиции 1935 г., проводившейся под его руководством, погребения, на которые натыкались жители Багаевской станицы, также как и находки из этих погребений местные жители приписывали черкесам [Артамонов 1935: 114].

В фольклоре адыгов, как мы убеждаемся, не зря содержится упоминание Хазарского Саркела, как пограничной, чужой стороны [Colarusso 1991: 63–75]. Сохраняются также тексты адыгского нартского эпоса, в которых печенеги – *чинты* (ср. визант. *пачинакиты*) фигурируют как самые ненавидимые враги черкесов, нападения которых постоянно отражают адыгские воины.

4.

В союзе (или в составе венгров) кабары (касоги, кабардинцы), которые в то время включали в себя позднейших бесленейцев, темиргоевцев, хатукаевцев, хегаков, оставались, как мы видим, недолго. В общей сложности всего около 25–30 лет. Но в течение этого короткого времени произошло много событий. Усилившись за счет энергичных, воинственных и хорошо вооруженных кабаров (Константин Багрянородный не зря подчеркивал, что кабары храбрее венгров), жаждавших отомстить хазарам, венгры выбили хазар из Крыма, заняли в 873 г. Керчь, а затем, переправившись через Керченский пролив, вытеснили хазар из Фанагории (Тмутаракани). Кроме того, они отвоевали у хазар значительную часть степного Предкавказья, на что указывает местоположение и название древнего города Маджары, от этнического имени «мадьары».

При этом едва ли кабары-изгнанники находились в сильной зависимости от венгров. Скорее всего, это был союз равноправных народов, основанный на борьбе против общего врага – Хазарского каганата. Некоторые ученые (Й. Маркварт, Варади и др.) полагают даже, что Леведия, верховный правитель венгров, добровольно передал свой титул Арпаду, который был, по их мнению, выходцем из кабарской знати. Отголоском этих далеких событий является, видимо, родовая черкесская фамилия *Кандур/Кандор*. В ее основе лежит, упомянутое в сочинении Ибн-Рустэ обозначение заимствованного у тюрко-хазар титула сакрального правителя венгров – *kündä/kundu*. Аналогичные ассоциации вызывают родовые фамилии *Къуалэ, Къуалэкъуэ*. Похоже, что они восходят к венгерскому названию титула главы исполнительной власти – *gyula* [Golden 1978: 234].

Можно добавить к этому, что имя Альмуц (Альмуций у Константина Багрянородного), отца Арпада, «слышится» в распространенной в Кабарде фамилии *Алмэ* (Альмов) и в мужском имени *Албуз*.

Есть, надо сказать, множество других прямых и косвенных свидетельств, предрасполагающих к такому изложению событий. Например, Дж. Эллиас называет кабаров (*Sabari*) ответвлением древних черкесов, инкорпорированных в состав Хазарии [Ellias 1788: 28–30]. После неудачного восстания против верховной власти в Хазарии кабары вынуждены были предпринять определенные меры по своему самосохранению и с этой целью, по словам Эллиаса, разделались на две части. Одна из этих частей – восточная (расположенная, как можно понять из контекста излагаемых событий, в Центральном Предкавказье) вышла из подчинения Хазарии и отошла к Персии, которая, владея в свою очередь Грузией, оставалась в то же время в составе Арабского халифата. Другая часть присоединилась к венграм и обосновалась в Юго-Восточном Крыму «на границе с херсонитами» [Ellias 1788: 30].

По мнению Эллиаса, именно в этот период в Крыму появляются названия, ассоциирующиеся с пребыванием здесь кабаров (кабардинцев) или касов: река Кабарда (*Sabarta*) и форт Черкес-Керман (*Tsherkess-Kerman*). С этим периодом связывает он и формирование в Крыму правящей династии черкесов во главе с князем по имени Кес (*Kess*), Кису (в фольклоре кабардинцев *Чысу*).

5.

Тем временем Кабарда в Центральном Предкавказье продолжала свое существование и, как сказано выше, сохраняла статус особой социальной, политической, этноконтактной зоны. Поэтому в заключении важно отметить, что, будучи относительно самостоятельной, органической и жизнеспособной структурой сначала Хазарского Каганата, а затем, начиная с конца X века – Аланского царства, Кабарда обеспечивала равновесие эволюционного развития региона, последовательную смену политической системы и культурного облика народов Хазарии, Алании, Черкесии. Любые, сколько-нибудь значительные события в Кабарде и в Кашакии в целом неизбежно отражались на ситуации во всем Северо-Кавказском регионе.

Так, сокращение численности и некоторое ослабление позиций кабаров (кабардинцев) в Центральном Предкавказье, последовавшее за 860 годом, способствовало позднее, уже в X веке усилению позиций алан в этом районе и падению Хазарской державы. К началу XI века хазары были вытеснены с Северного Кавказа, а их остатки в Юго-Восточной Европе утрачивают свою государственность [Dunlop 1954: 352].

В то же время, сохраняя свой авторитет и значительную часть своих сил, Кабарда оставалась областью, составлявшей теперь уже важнейшую часть Кавказской Алании, которую принято называть сейчас «Аланской конфедерацией».

О правомерности именно такой постановки вопроса свидетельствуют, похоже, сведения Ибн-Рустэ о племени *Д.хас* в Алании. Он пишет, что аланы «состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому *Д.хас*» [Минорский 1963: 221]. На наш взгляд, речь идет здесь о народе, который уже в раннем средневековье именовался на Востоке *джаркасами*. Есть мнение, что этот этноним возник на иранской почве, что название *черкес/джаркас* «состоит из *чахар-Кас* – четыре [клана] *Кас*» [Минорский 1963: 206].

Не исключено, что это название закрепилось за черкесами еще в тот период, когда Восточная Кашакия (Кабарда) и Черкесия в целом находилась в тесном контакте с Персией, в зоне ее наибольшего влияния. Весьма показательным при этом, что изложенная выше версия происхождения этнонима черкес имела хождение на Северном Кавказе в начале XIX века, о чем писал Г.Ю. Клапрот: «... однажды старый татарский мулла объяснил мне совершенно серьезно, что имя «черкес» составлено из персидского «чехар» (четыре) и татарского «кес» (человек), потому что эта нация происходит от четырех братьев» [Клапрот 1812: 564].

Я думаю, что за подобными объяснениями этнонима джаркас стоит реальная картина племенного состава и объединения адыгов Северного Кавказа в период Средневековья. А именно тот факт, что черкесский (кашакский) народ состоял из четырех относительно самостоятельных аристократических племен (княжеств): кабардинцев (кабаров), темиргойцев, хатукайцев, хегаков – Кабарды, Темиргоя, Хатукая, Хегака.

Вплоть до XVI века жители этих княжеств говорили, по всей вероятности на кабардинском наречии черкесского языка, отличаясь в этом отношении от зихских племен.

Источники и литература

1. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
2. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Госуд. Академии истории материальной культуры. Вып. 131. М., 1935.
3. Бгажноков Б.Х. Кабарда и кабардинцы в ранней истории Северного Кавказа // Вестник КБИГИ. 2015. № 4 (27). С. 33–53.
4. Бгажноков Б.Х. Касы и страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. Вып. 3. С. 7–17.

5. *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. 280 с.
6. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. 465 с.
7. *Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Ч. I. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 277 с.
8. *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь, 1996.
9. *Гадло А.В.* Известия о хазарах и Хазарии в позднесредневековой дагестанской хронике «Дербент наме» // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С. 187–198.
10. *Гадло А.В.* Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 118–138.
11. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 20–30.
12. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. 217 с.
13. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Изд-во Питер, 1994. 238 с.
14. *Голб Н., Притцак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 239 с.
15. *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия: 4. II. СПб.: Тип. Пантелеевых, 1876. С. 66–78.
16. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. I. С. 1–196.
17. *Иловайский Д.И.* Болгаре и Русь на Азовском Поморье // Журнал министерства народного просвещения, СПб., 1875. № 1–2. 879 с.
18. *Каменев Н.* Урочище Адыхеко // Кубанские войсковые ведомости. 1866. № 43, 44. С. 170–171.
19. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М.: Книга, 1989.
20. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван: Изд-во Акад.наук Арм. ССР, 1947. 290 с.
21. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. М.: Наука, 1989. 493 с.
22. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М.: Изд-во Восточная литература, 1963. 265 с.
23. *Мудрак О.А.* Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: Миф и история. М.–Иерусалим, 2010. С. 374–389.
24. *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1883. 4. ССХХУІ. С. 30. С. 1–32.
25. *Тунманн И.Э.* Крымское ханство. Симферополь, 1994. 92 с.
26. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. М.: Индрик, 2011. 424 с.
27. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 334 с.
28. *Хоренский Моисей.* Армянская география VII века по р.х. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1877. XXVIII, 84, 26 с.
29. *Худуд-ал-алем.* Рукопись А. Туманского. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1930. 46 с. + 78 с. факсимиле рукописи.
30. *Чибиров Л.А.* Гл. ред. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. 688 с.
31. *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1997. С. 663–689.
32. *Bodenstedt Fr. von.* Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskampf gegen Russien. Frankfurt-am-Main. 1848. 772 p.
33. *Brook K.A.* The Jews of Khazaia. Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1999. 352 p.
34. *Colarusso J.* Two Circassian tales of Huns and Khasars // The annual of Society for the Study of Caucasia, vol. 3. 1991. P. 63–75.
35. *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton University Press, 1954. 293 p.
36. *Gyorffy Gy.* Landnahme, Ansiedlung und Streifzuge der Ungarn // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 31. № ½, 1985. P. 231–270.

37. *Golden Peter B.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Bucaresti–Braila, 2011. 424 p.
38. *Ellias J.* Memoir of a map of the countries comprehended between the Blak Sea and the Caspian with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London: J. Edwards, 1788. IV. 80 p.
39. *Hrozny B.* Ancient history of Western Asia, India and Crete. New York: Philosophical Library, 1953. XIV + 260 p.
40. *Hüsing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. 1. Teil. Altelamische Texte. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung., 1916. 98 s.
41. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: N.G. Elwertsche Verlagsbuchhandlung, 1895. 526 s.
42. *Klaproth J.* Reise in dem Kaukasus nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. II. Halle und Berlin, 1812.
43. *Ludwig D.* Structur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Munster, 1982. Bd. 1. P. 112–201.
44. *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge; Ethnologische und Historisch-Topographische Stunden zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (Ca. 840–940). Leipzig, 1903. 557 p.
45. *Zuckerman N.* On the Date of the Khazars Conversion to Judaisme and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Etudes Grecnes.* 1995.

KABARS AND KABARDA AS PART OF KHAZARIA

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The problem of Kabars as a tribal association and the ruling clan of the Khazaria has given rise to a member of hypotheses about their origin and place in the ethnic history of the peoples of the North Caucasus. This publication supports and discusses, the hypothesis that it is a unit of the Circassian people known as Kabardians. It is also noted that in the Armenian geography, reflecting the situation of the first half of the 7th century, Kabards appear as Khaburs or Khabars. It is emphasized, however, that Kabars are part of the ethnic group that is associated historically with Hutts, Kassites, perhaps, with Kaspis.

Special attention is paid to the relics of the Khazar period of Kabarda, deposited generally in the language and culture of the Kabardians, Circassians. Questions are raised about the Kabar uprising and joining a significant part of the Kabar tribes to the Hungarians in 860th with their settlement in various regions north to the Caucasus mountains and their place in the political life of Khazaria and Alania.

Keywords: North Caucasus, Khazaria, Kabards, Kabardians, Circassians, Hungarians, Khazar Khagonate, Alan confederetion, Kabarda.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-7-14

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОЗДОКСКОГО ВЕРХНЕГО ПОГРАНИЧНОГО СУДА
В 1816–1822 ГГ.**

Абазов Алексей Хасанович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alex_abazov@list.ru

В статье рассматриваются особенности деятельности Моздокского верхнего пограничного суда в 1816–1822 гг. На основе анализа его делопроизводственной документации изучены состав суда и особенности его комплектования кадрами в этот период, формы взаимодействия с военными и судебно-административными учреждениями и служащими в регионе, этнический состав участников судебных разбирательств и правоприменительная практика. Сделан вывод, что несмотря на снижение значимости Моздока как порубежного населенного пункта к этому времени, пограничный суд продолжал выполнять свои полномочия в полном объеме, а его деятельность приобретала определенную специфику, связанную с расширением круга взаимодействующих с ним учреждений, увеличением количества народов региона, представители от которых выступали сторонами процесса и т.п.

Ключевые слова: Российская империя, Центральный Кавказ, Моздок, судостроительство, Моздокский верхний пограничный суд, локальный судебно-административный контроль

В последней трети XVIII – первых десятилетиях XIX в. одной из форм инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи было создание специализированных учреждений локального судебно-административного контроля (пограничных, временных, инородных и т.п. судов, приставских управлений), деятельность которых во многом основывалась на сочетании российских правовых норм и институтов общественной саморегуляции местных жителей. Кроме того, именно в это время стали формироваться принципы администрирования, которые в последующем легли в основу учреждения системы военно-народного управления в крае. В этой системе коренное население имело представительство в новых структурах власти, а при регулировании общественных отношений широко применялись традиционные формы народного правосудия. В то же время высшая административная власть в регионе принадлежала российскому военному офицеру, который одновременно являлся и начальником дислоцировавшихся на подведомственной ему территории воинских подразделений. В этом плане большой научный интерес представляет функционировавший в 1793–1822 гг. Моздокский верхний пограничный суд – по сути, первое учреждение в крае, в котором общее руководство осуществлял моздокский комендант, а судьями становились делегируемые по итогам голосования народные избранные.

Ранее мы отмечали, что некоторые аспекты исследования деятельности Моздокского верхнего пограничного суда затрагивались в материалах П.Г. Буткова [Бутков 1869], трудах Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1870: 1–72], В.Н. Кудашева

[Исторические сведения... 1913: 80], С.К. Бушуева [Бушуев 1956], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1963: 90–102], М.М. Блиева [Блиев 1964; Блиев 1970], З.М. Блиевой [Блиева 1992; Блиева 2015], С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 1993], В.Х. Кажарова [Кажаров 2006: 417], Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995; Калмыков 2007: 52–59], А.Д. Дзидзоева [Дзидзоев 2011: 9], Х.М. Думанова и Ю.М. Кетова [Думанов, Кетов 2000: 41–50], А.Н. Кубатко [Кубатко 2002], А.Н. Маремкулова [Маремкулов 2003], Э.Ю. Хубиева [Хубиев 2007: 112–131], А.Х. Абазова [Абазов 2019] и др., а также – в целом ряде обобщающих работ по истории северокавказских республик [История Кабарды... 1957; История Кабардино-Балкарской АССР... 1967: 222–224; Адыгская (черкесская) энциклопедия... 2006; История многовекового содружества... 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи... 2007; Века совместной истории... 2017; Россия и народы Северного Кавказа... 2018]. В работах этих авторов рассматривались в основном обстоятельства и условия учреждения в северокавказском регионе административных и судебных органов, давалась характеристика их составов и структур, определялась подведомственность и подсудность и т.п. Тогда как, специфика деятельности Моздокского верхнего пограничного суда накануне его упразднения детальному анализу не подвергалась.

Для периодизации деятельности Моздокского верхнего пограничного суда можно предложить несколько оснований. Например, по взаимодействию с учреждениями локального судебно-административного контроля в Большой и Малой Кабарде можно выделить 2 основных этапа: 1) 1793–1807 гг. – время функционирования родовых судов и расправ, и 2) 1807–1822 гг. – после их ликвидации и попытки создания духовных судов «мехмеке». Или же по времени отправления полномочий Главнокомандующими на Кавказе периодизация работы Пограничного суда может быть связана с деятельностью И.В. Гудовича, К.Ф. Кнорринга, П.Д. Цицианова, вновь И.В. Гудовича, А.П. Тормасова, Ф.О. Паулуччи, Н.Ф. Ртищева и А.П. Ермолова.

Так, завершающий этап функционирования Моздокского верхнего пограничного суда связан с деятельностью генерала от инфантерии А.П. Ермолова после назначения его в 1816 г. Главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. К этому времени территориальная подведомственность Пограничного суда в Моздоке расширялась за счет вовлечения в его орбиту новых приставских управлений. Однако по мере продвижения России вглубь Кавказа и началом строительства укреплений Кабардинской и Сунженской линий стратегическое значение Моздока как пограничного населенного пункта утрачивало значение, он на рубеже 10–20-х гг. XIX в. стал уже внутренним российским уездным городом. Соответственно, и функционирование Пограничного суда в Моздоке уже не в полной мере соответствовало своим первоначальным задачам и становилось нецелесообразным. Перед властями возникла необходимость создания порубежных судебных учреждений со схожим назначением, но уже в Нальчике (Кабардинский временный суд в 1822 г.), Владикавказе (Владикавказский инородный суд в 1828 г., и Владикавказский окружной суд в 1830 г.), позже – в Грозной (суд «макхама чачани» в 1852 г.). При этом Моздокский верхний пограничный суд в 1816–1822 гг. продолжал выполнять свои функции в полном объеме, а его деятельность приобретала определенную специфику, связанную с расширением круга коммуницирующих с ним учреждений, увеличением числа народов региона, представители от которых выступали в нем сторонами процесса и т.п.

Специфику деятельности Моздокского верхнего пограничного суда в 1816–1822 г. можно проследить на основе анализа его делопроизводственной документации. В ходе исследования были проанализированы докладные и настольные регистры, почтовые книги и книги «на записку прихода и расхода экстраординарной Моздокского верхнего пограничного суда суммы», списки членов суда, ведомости

об оплате их труда, протокола (в том числе, расходные), сообщения, предложения, уведомления должностных лиц и учреждений, многочисленные экстракты, приказы (приказания) и указы и т.п.), материалы переписки суда с иными учреждениями и ведомствами Центрального Кавказа и т.п. Это материалы позволяют охарактеризовать специфику деятельности Пограничного суда в указанный период по следующим направлениям: персональный состав и особенности комплектования его кадрами, формы взаимодействия с военными и судебно-административными учреждениями и служащими в регионе, этнический состав участников судебных разбирательств как важная характеристика динамики территориальной подведомственности суда и его правоприменительная практика.

К 1816 г. наиболее существенные изменения по сравнению с 90-ми гг. XVIII в. произошли в персональном составе Моздокского верхнего пограничного суда. Они коснулись, прежде всего, количественного состава суда, в особенности – численности делегируемых от Большой и Малой Кабарды судей. Если в 1793 г. в состав Пограничного суда входили председатель (комендант Моздока), два российских офицера, 6 кабардинских князей и 6 представителей знатных фамилий, по одному делегату от ногайцев, армян и грузин, представитель от мусульманского духовенства и 2 его помощника, секретарь, делопроизводитель, архивариус. Делегаты от местного населения включались в состав суда по итогам народного голосования. Но с конца 90-х гг. XVIII в. численность судей от Кабарды под влиянием целого ряда факторов (неприятие населением новой административно-судебной системы, массовые миграции, эпидемиологическая ситуация, карательные экспедиции российских военных отрядов и т.п.) стала постоянно сокращаться, и к середине 10-х гг. XIX в. в составе суда насчитывалось 3 вместо определенных нормативными документами 12 судей от кабардинцев. Кроме того, и они уже не избирались, а назначались. Также, в 1816 г. после создания в Моздоке специального армянского суда из состава был выведен представитель от армянского населения региона [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 20 об.]. При этом, в специальном распоряжении генерала от инфантерии Н.Ф. Ртищева отмечалось, что «на случай, если встретить в таковом суде дело такого рода, что к оному будет прикосновен кто-то из армян, то от армянского суда может быть назначен депутат» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 20 об.].

Далее рассмотрим персональный состав Моздокского верхнего пограничного суда в 1816–1822 гг. На основании анализа списка о размерах заработной платы членам Моздокского верхнего пограничного суда за 1817 г. можно установить что, в его состав входили: председатель – моздокский комендант майор Котырев; заседатели (судьи) – коллежский асессор Демьян Цыгульский, коллежский асессор Карл Лидезман; судьи – делегаты от кабардинцев – князя Алексей Мисостов и Биарслан Кайтукин, уздень Кургоко Перхичев; от грузин – Иван Евсеев; секретарь – титулярный советник Павел Орлов, протоколист – Василий Цыгульский, архивариус – коллежский регистратор Семен Агишев, переводчики – Кичиев, Алиханов, Зурабов, мулла – Магомет Мусаев, помощник муллы – Али Тлепшуков [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. 11 об.–12.].

Анализ материалов Моздокского верхнего пограничного суда показывает, что в начале 20-х гг. XIX в. в его составе работали: председатель Моздокский комендант подполковник Котырев, судьи – надворный советник Моисей Ковалевский, надворный советник Дмитрий Цыгульский, делегаты от кабардинцев – владелец коллежский регистратор Биарслан Кайтукин, уздень Джанибек Хуртинов, от ногайцев – мурза Калиболат Джантемиров, от грузин – Василий Павлов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 563. Л. 1]. В начале 20-х гг. XIX в. для рассмотрения дел в Пограничном суде с участием армян из Моздокского армянского суда делегировали Остапа Персидинова [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 563. Л. 3].

В 1816–1822 гг. Моздокский верхний пограничный суд в пределах своей компетенции продолжал взаимодействовать с организациями разных уровней судебно-административной иерархии Кавказского региона: от руководителей крупных политико-правовых образований до учреждений локального судебно-административного контроля. Анализ книги «на записку исходящих бумаг Моздокского верхнего пограничного суда» показывает, что он в это время взаимодействовал с Главнокомандующим войсками в регионе (с этого времени в материалах суда отложились и рапорта, адресованные А.П. Ермолову [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 5 об.]), исправляющим должность Кавказского губернского прокурора казенных дел, Кавказской казенной палатой, с астраханским губернским правлением, Моздокским уездным казначейством, с Моздокской и Кизлярской полициями [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 2–20], Моздокским, Кизлярским уездными судами, Ставропольским, Александровским и Кизлярским нижними земскими судами, моздокской почтовой конторой, моздокским армянским духовным правлением. В 1816–1822 гг. Моздокский верхний пограничный суд состоял в тесной переписке с иными учреждениями локального судебно-административного контроля за жизнедеятельностью народов, проживавших «за пределами» Кавказской линии. В частности, он состоял в переписке с Главным караногайским приставом Балугевым [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 1 об.], с приставом ногайского и абазинского народов генерал-майором Султаном Менгли-Гиреем (по вопросам присылки в суд участников процесса, проживавших на подведомственной ему территории) [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 6], кабардинским приставом майором Гурландье [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 1] (с 1817 г. – капитаном Аносовым [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 7 об.]), Главным калмыцким и тухменским приставом Смолиным [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 13 об.; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 24 об.]. Кроме того, в пределах своей компетенции Моздокский верхний пограничный суд взаимодействовал с Моздокским нижним земским судом [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 25 об.] (в том случае, если сторонами споров были и имперские подданные, жители Моздокского уезда, и подведомственные пограничному суду народы), Моздокским армянским судом [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 33 об.], Кизлярским армянским судом [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 13 об.].

В 1816–1822 гг. в материалах Моздокского верхнего пограничного суда не было обнаружено прямых свидетельств его взаимодействия с учрежденными в 1807 г. путем реорганизации родовых судов и расправ Большой и Малой Кабарды духовными судами «мехкеме». Однако на всех этапах функционирования пограничного суда дела с участием кабардинцев не переставали в нем рассматриваться. Анализ документов суда показывает, что основными должностями лицами, ответственными за отправление пограничных судов функций правосудия в отношении этого народа были приставы кабардинского народа и «кабардинский владелец» подполковник князь Кучук Джанхотов. В частности, в отношении кабардинского пристава капитана Аносова от 6 января 1818 г. отмечается, что ему было направлено на исполнение уведомление Моздокского верхнего пограничного суда, в котором отмечалось о необходимости доставления в Моздок от князя К. Джанхотова «находящегося у него под укрывательством бежавшего от Калантарова У., бывшего у него на поручительстве» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 1 об.]. В этом же году в Пограничный суд поступило сообщение пристава Аносова, в котором он уведомил судей от том, «что находящегося в Большой Кабарде князя Таусултана выслать в сей (Моздокский – А.А.) суд из той Кабарды не может, потому что находится в числе абреков» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 8 об.]. Круг этих примеров можно расширить, но и этого достаточно, чтобы определить специфику деятельности Пограничного суда по отправлению

функций правосудия в отношении кабардинского населения региона, которая выразилась в его взаимодействии с приставом и представителями этнической элиты, а не судебными учреждениями, как ранее.

Примечательно, что большая часть денежных средств, полученных Пограничным судом за удостоверение и выдачу письменных документов (в том числе: за выдачу служащим суда аттестатов о службе, подготовку выписок из дел, за засвидетельствование обязательств и «устных сделок» (в основном, продажи зависимых крестьян)), поступала в Моздокское уездное казначейство [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 538]. Получателями же материальных компенсаций были сами потерпевшие от правонарушений или их родственники.

Этнический состав участников судебных разбирательств определялся территориальной подведомственностью Моздокского верхнего пограничного суда, которая расширялась по мере продвижения России вглубь Кавказа и менялась по мере преобразования системы Приставских управлений на Центральном Кавказе. Материалы правоприменительной практики суда показывают, что в 1816–1822 гг. по этническому составу в Моздокском верхнем пограничном суде разбирались дела с участием осетин [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. 1], кабардинцев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 25 об.], ногайцев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 525. Л. 15] (в том числе, и караногайцев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 1 об.]), чеченцев (в документах Моздокского верхнего пограничного суда – очокан) [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 5], грузин, в некоторых случаях, армян [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 5], тухменцев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 24 об.], моздокских кабардинцев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 93 об.], калмыков [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 1 об.], казаков [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 545. Л. 29].

В 1816 г. круг разбираемых дел и формы делопроизводства по сравнению с предыдущим периодом существенных изменений не претерпели. Однако значительно увеличился объем разбираемых дел. На рубеже 10–20-х гг. XIX в. в правоприменительной практике Моздокского верхнего пограничного суда рассматривались вопросы его текущей деятельности, выдавались билеты на проезд за пределы Линии и открытые листы, велись переговоры с нижними земскими и уездными судами региона и приставами по вопросам доставления участников разбирательств в судебные присутствия и проведения отдельных следственных мероприятий [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 534], разбирались жалобы и прошения местных жителей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 2 об.], вопросы об удостоверении социального статуса жителей региона [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 33–34 об.], удостоверении письменных документов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 93 об.], дела об убийствах [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 1 об.], ограблениях [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 16 об.] и взыскании материальной компенсации за украденное [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 100 об.], воровстве и покушении на воровство [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 3 об.], краже невест и принудительной выдаче замуж [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 93 об.], о крепостной зависимости и освобождении «от рабства» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 5 об.], случаи безбилетного проезда и несанкционированное перемещение через Прохладненскую карантинную заставу [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 545. Л. 1], наследственные и имущественные споры [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 545. Л. 138], взыскание неустойки за неисполнение условий контракта [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 563. Л. 3], о взятии на поруки [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 563. Л. 119].

В некоторых случаях Моздокский верхний пограничный суд фигурировал в документах начальства как объект споров по разграничению предметов ведения

между ним и иными учреждениями локального судебно-административного контроля [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 1 об.].

Основанием для принятия судом дел к разбирательству были сообщения приставов, комиссий военных судов при пехотных полках в регионе, Моздокского армянского, нижних земских и уездных судов, командующего войсками на Кавказской линии, комендантов крепостей (Моздокской, Кизляркой, Георгиевской и др.), предложение генерала от инфантерии А.П. Ермолова [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 563. Лл. 1–142].

Таким образом, деятельность Моздокского верхнего пограничного суда на завершающем этапе его функционирования (1816–1822 гг.) приобрела некоторые особенности под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. По мере снижения роли Моздока как порубежного населенного пункта Пограничный суд продолжал выполнять свои функции в полном объеме. При этом, численность делегируемых от Большой и Малой Кабарды судей в составе Пограничного суда существенно уменьшилась. Также изменения в штате суда в это время были связаны и с реорганизацией системы локального судебно-административного контроля и созданием в Моздоке новых судебных учреждений. Механизмы коммуникации Пограничного суда с иными административными и судебными структурами региона на завершающем этапе его деятельности значимых изменений не претерпели. Трансформации имели место лишь во взаимодействиях с учреждениями локального судебно-административного контроля: посредниками в отправлении функций правосудия между Моздокским судом и местным населением становились в основном приставы. При чем их число по сравнению с концом 90-х гг. XVIII в. увеличилось за счет отнесения к его подведомственности новых территорий и народов. Равно как и этнический состав участников судебных разбирательств к этому времени также существенно расширился по сравнению с ранними этапами. Анализ правоприменительной практики суда показал, что он выполнял судебные, административные, нотариальные полномочия. Все это позволяет охарактеризовать роль и место Моздокского верхнего пограничного суда в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1816–1822 гг. как значимого учреждения, занимавшего промежуточное положение между российской властью и коренным населением Центрального Кавказа в части отправления функций решения споров и конфликтов.

Источники и литература

1. *Абазов А.Х.* Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793–1822 гг. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 124 с.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд имени Б.Х. Акбашева при участии Международной Черкесской ассоциации, 2006. 1248 с.
3. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.
4. *Блиев М.М.* Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. 174 с.
5. *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Издательство ИР, 1970. 380 с.
6. *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80 годы XIX века. 2-е изд., перераб. Владикавказ, 2015. 397 с.
7. *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: СОГУ, 1992. 108 с.
8. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1–3.
9. *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 192 с.

10. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.
11. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцев. Тифлис: Типография Главного управления местника Кавказского, 1870. Вып. IV. С. 1–72.
12. *Дзидзоев А.Д.* Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 23 с.
13. *Думанов Х.М., Кетов М.Ю.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2000. 140 с.
14. Исторические сведения о кабардинском народе: К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева. Киев: Типо-литография «С.В. Кульженко», 1913. 283 с.
15. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука 1967. 484 с.
16. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. 396 с.
17. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
18. *Кажаров В.Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Нальчик: КБИГИ, 2006. Вып. III. С. 398–425.
19. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 232 с.
20. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1995. 125 с.
21. *Кубатко А.Н.* История становления российской судебной системы на Северном Кавказе: Конец XVIII – начало XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 204 с.
22. *Кумыков Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. С. 90–102.
23. *Маремкулов А.Н.* Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX в.: политико-правовой аспект. Нальчик: Эльбрус, 2003. 152 с.
24. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография / Дзамихов К.Ф., Боров А.Х. [и др.]. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.
25. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
26. *Хубиев Э.Ю.* К вопросу о динамике шариатского движения в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник КБИГИ. Вып. VI. Нальчик, 2007. С. 112–131.
27. *ЦГА РСО-Алания.* Ф. 244 «Моздокский верхний пограничный суд».

PECULIARITIES OF ACTIVITY OF THE MOZDOK UPPER BORDER COURT IN 1816–1822

Abazov Alexey Khasanovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alex_abazov@list.ru

The article considers the peculiarities of the activities of the Mozdok Upper Border Court in 1816–1822. Based on the analysis of its records, the composition of the court and the peculiarities of its staffing during this period, the forms of interaction with military and judicial administrative institutions and employees in the region, the ethnic composition of participants in court proceedings as an important characteristic of the dynamics of the territorial subordination of the court and its law enforcement practice were studied. It was concluded that despite the decline

in the importance of Mozdok as a foreign settlement by this time, the border court continued to exercise its full powers, and its activities acquired a certain specificity related to the expansion of the range of institutions interacting with it, an increase in the number of peoples of the region, representatives of which were parties to the process, etc.

Keywords: Russian Empire, Central Caucasus, Mozdok, judicial system, Mozdok upper border court, local judicial and administrative control.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-15-22

ПАРАЛЛЕЛИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЙ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ СОСЛОВИЙ *ПШИКЕУ* И *АШНАКУМА*

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Социальный строй и особенности сословной структуры государственно-политических образований Западного Кавказа позволяет классифицировать их как феодальные общества, находившиеся на различном уровне развития. Недостаток актового материала не позволяет уверенно реконструировать динамику развития основных политических институтов, сословного строя даже наиболее крупных и стабильных политий Западного Кавказа, к которым относятся Кабарда и Абхазское владетельное княжество. Более поздние акты материалы XIX в. и данные письменных источников не репрезентативны для периода Позднего Средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVII вв.) т.к. относятся к эпохе масштабного общественно-политического кризиса и существенной трансформации традиционной политической системы и сословного строя черкесского феодального общества, вызванных Кавказской войной и колониальной политикой имперского правительства в регионе. Исключением является Абхазское владетельное княжество, которое вплоть до его ликвидации, сохраняло все особенности традиционной политической системы и сословного строя под покровительством Российской империи. Параллели в социальной структуре таких типологически сходных, этнокультурно близких политий как Кабарда и Абхазское владетельное княжество, позволяют, используя метод сравнительного анализа и абхазские данные XIX в., рассмотреть некоторые особенности реализации традиционных общественно-политических функций сословия *пшикеу/ашнакума*.

Ключевые слова: политический строй, Кабарда, привилегированные сословия, Абхазия, *пшикеу*, *ашнакума*.

Исследование традиционной сословной структуры черкесского феодального общества началось с первых шагов отечественной историографии. Многоступенчатая, иерархически организованная социальная структура Княжеской Черкесии, достигшая своего полного, если не сказать гипертрофированного развития в Кабарде, привлекала внимание иностранных и русских авторов уже в XVIII – нач. XIX вв. Однако незнание ими оригинальной социальной титулатуры и, как правило, поверхностный, описательный характер кратких свидетельств русских и европейских авторов, отражавших реалии традиционного сословного строя феодальной Черкесии, ограничивают информативный потенциал письменных источников подобного рода [АБКН 1974: 161–162, 199–201, 210–212, 216–218, 280–281; КРО. Т. 2. 1957: 359–364]. Первые черкесские историографы в своих работах также посвятили этому вопросу соответствующие разделы. И Султан Хан-Гирей в «Записках о Черкесии», и Ш.Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа», касаясь сословной структуры княжеских владений Черкесии, впервые упоминают термин *пшикеу* (*пшыкIэу*, *пшычо*) [Султан Хан-Гирей 2009: 103–104; Ногмов 1994: 125]. Однако интерпретации сословного статуса и социальных функций этой страты населения у авторов существенно различаются. В главе «Разделение народного

состояния на классы» Хан-Гирей причисляет их к дворянам-уоркам (*уэркъ*) и характеризует следующим образом:

«Второстепенные [дворяне] или пщъеу. Самое учреждение этого разряда дворян «княжеская ограда» дает нам понять его начало: князья видя силу первостепенных дворян, покорствовавших им тогда только, когда собственные их выгоды того требовали, водворили у себя дворян второго разряда, *дабы тем, заменяя услуги первых, оградить себя силою нового класса* (курсив наш – К.З.). Вероятно, этому способствовало отчасти и желание князей отличить щедрыми наградами усердных слуг, которые получив преимущество от князей на условленных правах, хотя уступающих правам первостатейных дворян, но довольно значительных, составили третий класс в Черкесии» (после князей/*пши* и первостепенных дворян/*тлекотлеи* и *дижинуго* – К.З.) [Хан-Гирей 1978: 120]. Обращает на себя внимание характерное противопоставление Хан-Гиреем *пшикеу* и «первостепенных дворян», ограничение своеволия которых и выступает как основная социальная функция «княжеской ограды». Однако уже Ш.Б. Ногмов в своем труде дает несколько иную интерпретацию социального статуса *пшикеу*. Касаясь реформаторской деятельности великого князя *пщышхуэ* Кабарды Беслана Жанхотова (*Беслэн ПцIапцIэ*), исторического лица и знаменитого государственного деятеля, жившего в конце XV – первой трети XVI вв., Ш.Б. Ногмов пишет: «Он ввел между кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей на пять классов: 1) *тлохотлешь*, 2) *дижинуго*, 3) *кодзь*, 3) *пшии-уорк* или *берсланорк*, 4) *уорк шаотлуг-гусса*. Общее же всем было название *уорк*. Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) *пшикеу*, т.е. «княжеский», 2) *окго* или *тлаоксьшао*, т.е. крепостной, 3) *длагунпить* или *дльхокотль*, т.е. «крестьянин», и 4) *унаут* или «дворовый человек» [Ногмов 1994: 125]. Разбор нюансов правового и статусного положения различных категорий привилегированных (военно-служилых) и непривилегированных или зависимых сословий в интерпретации Хан-Гирея и Ш.Б. Ногмова не входят в нашу задачу. Однако разночтения у двух столь уважаемых авторов, природных черкесов, прекрасно знакомых с реалиями современного им адыгского общества, в интерпретации сословного статуса *пшикеу* обращает на себя внимание. Справедливости ради стоит упомянуть, что в Приложениях к «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмов в «Постановлениях о сословиях в Кабарде» практически дословно дублирует версию Хан-Гирея в интерпретации сословного статуса *пшикеу* в Кабарде: «Степенные узденья, т.е. личные княжеские уздени, называемые *пшекау*» [Ногмов 1994: 152]. Возможно, в данном случае и Хан-Гирей и Ш.Б. Ногмов пользовались одним и тем же источником, в котором произошла контаминация двух различных категорий незнатного служилого дворянства – *пщыжь-уэркъ* или *беслэн-уэркъ* т.е. личных княжеских вассалов и собственно *пщыкIэу*. Во всяком случае и Хан-Гирей и «Постановление о сословиях в Кабарде» из Приложения Ш.Б. Ногмова не выделяют отдельно категорию личных княжеских дворян (*пщыжь-уэркъ* или *беслэн-уэркъ*), которая хорошо известна по более поздним подробным источникам XIX в., составленным с целью изучения прав привилегированных сословий Кабарды, и никогда не смешивалась ни с потомственной аристократией (*тлекотлеи/лIэкъуэлIэи*, *дижинуго/дыжьыныгъуэ*), ни с другой категорией незнатного служилого дворянства (*уоркшаотлугусы/уэркъ щауэлIыгъусэ*) [Ногмов 1994: 152; Сборник документов Т. 1. 2003: 28–29, 92–94]. Прямым свидетельством в пользу подобного предположения является оценка этим источником социального статуса *пшикеу* (согласно «Постановления о сословиях в Кабарде» якобы «степенных» личных княжеских узденей), как более низкого по отношению к *уоркшаотлугусам* – личным дворянам знатных княжеских вассалов [Ногмов 1994: 152]. А прямое описание этим источником социальных функций и привилегий *пшикеу*, не оставляет сомнений, в том, что речь идет не о личных княжеских дворянах, а именно об особой категории княжеских прислужников:

«Узденья пшекау, то есть княжеские, исполняют все приказания князя (они не вроде холопов, но и не равняются узденям); они находятся безотлучно при князе и исправляют его домашнюю работу, смотрят за порядком в его доме и охраняют его, а князь защищает их от всяких несправедливых обид, по обычаю вступаясь за них, наказывает виновных, народ же терпеливо сносит присуждаемые от князя наказания и не может ничему противиться, ибо не разбирает, право или не право поступает князь, – на то есть его воля. Если с кем-нибудь уздень пшекау будет ссориться и в споре убьет противника, то князь вступается за это, и в случае, если убийца не удовлетворит родственников убитого по обычаям, князь ищет мщения кровь за кровь убийством, сверх этого взыскивает с виновного за одного убитого три семьи, в каждой по девяти душ, из коих отдает два семейства ближним родственникам убитого, а третье берет себе. В случае же, если у убийцы нет девяти душ, все семейство и имущество его подвергается ограблению и продается по разным местам» [Ногмов 1994: 153].

Как мы видим, текст «Постановления о сословиях в Кабарде» содержит целый ряд неточностей и прямых смысловых ошибок, очевидно вызванных искажениями при переводе на русский язык обычно-правовых норм, хранившихся и предававшихся в форме устного предания. Однако более поздние записи обычного права кабардинцев, определяющего статус сословия *пшикеу*, проясняют эти неточности и логические неувязки. Эти тексты сохранились в нескольких редакциях, которые расходясь в деталях, идентичны в главном. Так, например в «Очерке сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей» А. Абрамовича *пшикеу* упоминаются в числе различных категорий зависимых, непривилегированных сословий *пшитль* (досл. «княжий человек»): «Пшикеу («княжеская ограда»). Сословие это образовалось из вольноотпущенников (азет). Пшикеу обязаны были исполнять волю князей, находясь у них в полном подчинении, за что со стороны князей пользовались собственным их покровительством, простиравшимся до того, что в случае убийства кого-нибудь пшикеу кровомщение, как бы за своего родственника, брал на себя тот князь, у которого состоял на службе убитый. Причем большая часть кровной платы поступала в пользу мстившего князя. Звание пшикеу наследственное и *во время самовластия кабардинских князей было весьма выгодно* (курсив наш – К.З.), потому что лица этого сословия, всегда приводившее в исполнение волю князей, имели влияние в среде простолюдинов и нередко были ими щедро одаряемы. В настоящее время (т.е. в начале второй половины XIX в. – К.З.) сословие *пшикеу*, хотя и не смешивается с азатами, но в народе не имеет ни малейшего значения» [Сборник документов ... Т. 1: 30–31]. В записях древних обычно-правовых норм кабардинцев Ф.И. Леонтовича происхождение и правовой статус сословия *пшикеу* определяется почти идентично: «Узденья пшекау, т.е. княжеские исполняют все то, что князь прикажет. Они не суть холопья, но и не равняются с настоящими узденями; они служат князю ежедневно и безотлучно, наблюдая домашний порядок, унимая, по приказанию князя, всякие невежества и дерзости, наблюдая чтобы все были послушны. Князь по обряду защищает их от всяких несправедливых обид, вступается за них, взыскивает с обидчиков. Народ обязан сносить терпеливо все, что князь сделает правильно или неправильно, и не может выходить из повиновения. Если взыскание будет неправильно, то за это отвечает сам князь, а не уздень пшекау» [Леонтович 1883: 231]. Для нас принципиально, что устное предание определяет время появления сословия *пшикеу* как минимум началом или первой третью XVI в. т.е. периодом правления и кодификаторской деятельности пщышхуэ Беслана Жанхотова. И весь период «самовластия кабардинских князей», т.е. во времена независимости Кабарды, *пшикеу* играли заметную роль в государственно-политической организации феодального черкесского общества. Они фактически выполняли функции княжеских телохранителей («княжеская ограда»), а также полицейских сил, обеспечивавших общественный

порядок и беспрекословное выполнение всех княжеских распоряжений, судебных решений и т.д. Очень высокая пеня за кровь убитого на службе *пшикеу* – три семьи или 27 душ, вместе с гарантией княжеского покровительства и заступничества, иллюстрируют высокую значимость общественных функций этой сословной категории в глазах представителей высшей политической власти да и всего политического класса пши-урков. Очевидно, мотив обуздания своеволия родовитой аристократии в интересах гармонизации социальных отношений также осознавался обществом. И *пшикеу*, наряду с личными княжескими уорками – *пшишь* или *беслан уорк*, были наиболее доступной военной силой постоянной готовности, способной поддержать высшие позиции князей – *пши* в феодальной иерархии, а также надежно обеспечить лояльность родовитых дворян (*тлекотлеи*, *дижинуго*), которые имели собственных вассалов (*уорк шаотлугусы*), крупные земельные владения и зависимых крестьян. Видимо этим объясняется контаминация двух различных по статусу категорий личных княжеских вассалов и простых служителей в некоторых упомянутых нами письменных источниках [Хан-Гирей 1978: 120; Ногмов 1994: 152].

Уже в XIX в., с окончанием независимого существования Кабарды и постепенным уменьшением властных полномочий ее высшей политической элиты на фоне усиления колониальной администрации, правовой статус *пшикеу* подвергся значительной трансформации. По данным русских источников середины XIX в. *пшикеу* потеряли свои специфические функции и практически слились в имущественном и правовом положении с общей массой незнатного служилого дворянства: «Малочисленный класс этот хотя потерял свое прежнее значение, но вследствие своей зажиточности в глазах кабардинцев уважается и теперь наравне с беслан-уорками и уорк-шаотлугусами» [Думанов 1990: 144–145]. Однако мы можем судить о практике корпоративного функционирования сословия *пшикеу* по аналогии, на примере очень близкого, фактически идентичного им по происхождению, правовому статусу и функциям сословия в другой устойчивой, крупной и, самое главное, типологически сходной с княжествами феодальной Черкесии политики Западного Кавказа. Владетельное Абхазское княжество, вступившее под покровительство Российской империи в 1810 г. и просуществовавшее вплоть до окончания Кавказской войны со своим автономным государственно-политическим строем, не подвергавшимся резкой трансформации со стороны колониальной администрации, сохранило традиционные правовые практики и ролевые функции в них основных сословных групп населения. Абхазское общество имело ряд особенностей, заметно отличавших его от феодальной Кабарды. Например, две трети населения Абхазии даже в начале XIX в. составляли лично свободные крестьяне *анхае/анхаю*, в то время как в Кабарде архаически свободное крестьянство исчезло как класс очень рано [Очерки устройства ... 1870: 6–7; Думанов 1990: 147–184; Кажаров 1994: 194–197]. Однако среди многочисленных сословий Абхазии выделялась особая категория населения, чье социальное происхождение и правовой статус типологически идентичен черкесским *пшикеу*: «Ашнакума – собственно телохранители владетеля (т.е. владетельного князя, фактически монарха (*аха*) Абхазии – К.З.), который один их может иметь, пользуются правами дворян, могут иметь крестьян, рабов и обладать землею. Вместо подати они обязаны находиться при владетеле во время его поездок и служить ему на посылках. Состояние это составилось частью из крестьян владетеля абхазцев, получивших за оказанные ими услуги разные льготы, частью из выходцев черкес или других горцев» [РГВИА. Ф. 482. Д. 57. Л. 9]. *Ашнакума*, как и *пшикеу*, выступали промежуточной категорией населения между собственно абхазским незнатным служилым дворянством – *амыста* и массой крестьянского населения – *анхаю*: «К покровительствуемому элементу населения принадлежат *шинагмы* (т.е. ашнакума – К.З.), стоящие в ряду туземных сословий выше анхае и образующие по своим отношениям класс

почти тождественный с этим последним. *Многие ашнагамы заявляют о большей близости своей к сословию амиста, чем к сословию анхае* (курсив наш – К.З.)» [Очерки устройства ... 1870: 7]. То есть, если происхождение роднило *ашнакума* с крестьянской массой, то по своим социальным функциям они претендовали на сближение с военно-служилым сословием Абхазии. Несмотря на то, что многие источники акцентирует внимание на то, что *ашнакума* как отдельное сословие были связаны исключительно с личностью абхазского владетеля, З.В. Анчабадзе полагал, что они были и у других знатных феодалов: «От анхаю происходили т.н. *ашнакума* – самая привилегированная прослойка крестьян, которые получали от удельного князя в собственность участок земли и выполняли при его дворе почетные (иногда «дворянские») обязанности» [Анчабадзе Т. 2. 2011: 278]. Автор не уточняет какие это были обязанности. Но благодаря мемуарным запискам Ф.Ф. Торнау, в середине 30-х годов XIX в. посещавшему Абхазию и хорошо ориентировавшемуся в особенностях ее внутривластной жизни, до нас дошли весьма характерные эпизоды реального функционирования *ашнакума* в абхазском социуме в качестве крупной корпорации, связанной по преимуществу с высшей политической властью владетеля и призванной поддерживать правовой порядок в княжестве. В начале 30-х годов XIX в. обострились отношения между владетелем Абхазии Михаилом Шервашидзе и Цебельдой – полуавтономным горным обществом в верховьях Кодора, жители которого совершили несколько грабительских набегов на территорию княжества. Конфликт был улажен в ходе переговоров: «Дней через пять все было приведено в порядок, сколько позволяли обстоятельства и нравы переговаривавшихся: цебельдинцы дали обещание не вторгаться в Абхазию взамен чего Михаил обязался не нападать на них и не обижать тех из них, которые станут приходить в его владения без дурных намерений. Лишь одна частная вражда между каким-то цебельдинским семейством и владетельскими телохранителями осталась нерешенною потому, что первые упирались на право кровомщения, а вторые – на свою полицейскую обязанность задерживать и даже убивать воров и разбойников (курсив наш – К.З.); сам же Михаил весьма основательно не считал возможным сделать в этом случае уступки» [Секретная миссия ... 1999: 96]. Полицейские функции *ашнакума*, очевидно, были одними из основных наряду с охраной личности владетеля. На этом аналогии правового статуса *ашнакума* с *пишкеу* не заканчиваются. Хотя Ф.Ф. Торнау не говорит этого прямо, но из описания последовавших затем событий следует, что цебельдинское семейство, потерявшее в конфликте кого-то из своих родственников, рассматривало в качестве кровников не только всю корпорацию владетельских телохранителей, но и самого Михаила, который *по своему статусу нес правовую ответственность за действия ашнакума*: «Вслед за тем Михаил пересел на другую лошадь, переменял башлык и приказал одному из своих людей дать и мне башлык другого цвета, прося меня настоятельно держаться как можно ближе к нему. Все эти предосторожности объяснялись известием, доставленным ему догнавшим нас человеком, будто *цебельдинцы, имеющие против него канлу (так называют в горах обычай кровомщения) из-за его телохранителей, намерены убить его* (выделено нами – К.З), пользуясь темнотою и дурным временем, чрезвычайно облегчавшим подобного рода предприятия» [Секретная миссия ... 1999: 97]. Михаил Шервашидзе в результате уцелел, но цебельдинцам удалось воспользовавшись плохой погодой, ограничивавшей видимость, ночью убить двух человек из свиты владетеля [Секретная миссия ... 1999: 100].

Кроме полицейских функций и роли телохранителей, *ашнакума* по-видимому играли роль войска постоянной готовности. Их численность в общей массе населения Абхазии в конце 60-х гг. XIX в. составляла чуть менее 3% или 1800 человек из 65600 [Очерк устройства ... 1870: 6–7]. Численность абхазского дворянства была относительно невелика – около 4000 или 6% населения, а *ашнакума*, как

многочисленная и сплоченная корпорация, связанная, в первую очередь, с личностью владельца, была способна выставить внушительную военную силу (до 400 всадников), на которую мог опираться абхазский *аха* [Очерк устройства ... 1870: 7]. К сожалению, определить численность *пшикеу* в общей массе населения Кабарды не представляется возможным. Они никогда не выделяются источниками как отдельная корпорация. В письменных источниках XVII–XVIII вв. военно-служилый класс населения Кабарды упоминается как правило без разделения на различные страты [КРО. Т. 1. 1957: 384–385; КРО. Т. 2. 1957: 369]. А с конца XVIII – нач. XIX в., когда стали появляться первые подробные переписи уоркского населения Кабарды, составители для обозначения всей массы родовитого потомственного и незнатного служилого дворянства очень часто стали пользоваться чуждой черкесской традиции систематизацией по степеням – первой, второй, третьей и т.д., что мешает надежно идентифицировать различные категории, в первую очередь, незнатного служилого дворянства [Сборник документов ... Т. II. 2003: 7–144]. Однако определение *пшикеу* источниками середины XIX в. как «малочисленного класса», на наш взгляд, объяснимо скорее относительной его малочисленностью по отношению к общей массе *пшии-уорков*, которые составляли до 20% населения Кабарды [Материалы Я.М. Шарданова ... 1986; Думанов 1990: 31–35]. В период независимости Кабарды они должны были составлять заметную долю военно-служилого класса, иначе надежное и эффективное выполнение ими полицейских функций, а также функции телохранителей («княжеской ограда»), было бы просто невозможно.

Таким образом, можно отметить любопытные параллели формирования социальной структуры политий Западного Кавказа, находящихся на крайних географических полюсах этнокультурного ареала. Черкесское сословие *пшикеу* и абхазское сословие *ашнакума* практически идентичны по целому ряду параметров. Во-первых, по социальному происхождению. Они рекрутировались из непривилегированных, зависимых сословий, отделяясь от них, но не сливаясь с основной массой незнатного служилого дворянства. Хотя с последними их сближали имущественное положение и несение отчасти «дворянских» обязанностей. Появление *пшикеу* как отдельной категории населения черкесские предания связывают с деятельностью Беслана Жанхотова (*Беслэн ПцІапцІэ*) и складыванием традиционной социальной структуры княжеств феодальной Черкесии, т.е. периодом не позднее первой трети XVI в. Время возникновения *ашнакума* в Абхазии источники не определяют конкретно за давностью этой традиции, однако ее корни очевидно уходят, как минимум, в эпоху становления на обломках средневековой грузинской монархии владетельного Абхазского княжества, т.е. не позднее XVI в. Во-вторых, основными социальными функциями и *пшикеу* и *ашнакума* были функции княжеских телохранителей («княжеская ограда»), а также полицейские функции. Последние были очевидно направлены не только против непривилегированных сословий, которые, особенно в Кабарде, были в значительной степени социально угнетены, но и против своеволия привилегированного политического класса *пшии-уорков* в Кабарде, князей-*тавадов* и дворян-*амиста* в Абхазии. Существенным различием не столько в социально-правовом статусе, сколько в потенциальных возможностях выступать влиятельной военной корпорацией во внутривнутриполитических конфликтах, было то, что *ашнакума* по преимуществу были консолидированы под властью абхазского монарха, а в количественном отношении были сопоставимы с абхазским мелким дворянством. *Пшикеу* же, составляя незначительное меньшинство среди массы черкесского незнатного служилого дворянства и будучи распылены между всеми феодальными уделами Кабарды, фактически не имели никакого самостоятельного военного, боевого значения.

Источники и литература

1. РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Д. 57.
2. АБКИЕА – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
3. *Анчабадзе З.В.* Избранные труды. В 2-х томах. Сухум, 2011.
4. *Главани Ксаверий.* Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
5. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик, 1990.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957.
7. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
8. *Кланрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
9. *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1883.
10. Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века / сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1986.
11. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
12. Очерки устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 3. Тифлис, 1870.
13. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
14. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.
15. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.
16. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
17. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. В 2-х томах. Нальчик, 2003.

PARALLELS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF POLITIES IN THE WESTERN CAUCASUS ON THE EXAMPLE OF SOSLOVI PSHIKEU AND ASHNAKUM

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head. Sector of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The social system and the peculiarities of the estate structure of the state-political formations of the Western Caucasus make it possible to classify them as feudal societies at different levels of development. The lack of act material does not allow us to confidently reconstruct the dynamics of the development of the main political institutions, the estate system of even the largest and most stable polities of the Western Caucasus, which include Kabarda and the Abkhaz sovereign principality. Later assembly materials of the 19th century, and the data of written sources are not representative for the period of the Late Middle Ages and the early modern times (XVI–XVII centuries) because belong to the era of a large-scale socio-political crisis and a significant transformation of the traditional political system and class system of the Circassian feudal society caused by the Caucasian War and the colonial policy of the imperial government in the region. The exception is the Abkhaz sovereign principality, which, until its liquidation, retained all the features of the traditional political system and the estate system under the auspices of the Russian Empire. Parallels in the social structure of such typologically similar, ethnoculturally close polities such as Kabarda and the Abkhaz sovereign principality, allow, using the method of comparative analysis and Abkhazian data of the 19th century, to consider some of the features of the implementation of the traditional socio-political functions of the Pshikeu estate / ashnakuma.

Keywords: political system, Kabarda, privileged estates, Abkhaziya, pshikeu, ashnakum

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-23-29

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX В. О ВЫСЕЛЕНИИ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1864 г.

Тхамокова Ирина Хасановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), omarakana@mail.ru

В статье анализируются работы российских авторов XIX в., касающиеся выселения адыгов в Турцию в 1864 г. Этот вопрос занимает важное место и в современной историографии и остается дискуссионным. Корни многих сегодняшних разногласий кроются в XIX в., когда только началось изучение этой темы.

В статье исследуются различные версии выселения черкесов, существовавшие в тот период. Официальная версия сводилась к тому, что горцы выселялись добровольно, без всякого принуждения. Причинами выселения в таком случае называют их религиозный фанатизм или опасение влиятельных горцев потерять подвластных после окончания войны. Однако наряду с этим высказывались и другие мнения: горцы были изгнаны с Кавказа, и именно это было целью командования и генералов Кавказской армии в последний период войны. В таком случае причинами выселения называли исключительное стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа.

Почти все авторы XIX в., независимо от того, считали они выселение черкесов добровольным или насильственным, полностью одобряли и поддерживали его, полагая, что оно способствовало скорейшему окончанию Кавказской войны, обеспечивало безопасность региона, а также соответствовало экономическим интересам России.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Кавказская война, выселение черкесов, российская историография.

На протяжении полутора веков вопрос о выселении народов Кавказа затрагивался во множестве научных книг и статей, а также в публицистике. Тем не менее, и в настоящее время существуют совершенно разные подходы к его изучению и совершенно разные оценки этого события, что заставляет вновь вернуться к нему. Анализ российской историографии XIX в. имеет особое значение, поскольку позволяет выявить корни современных разногласий. Сочинения этого периода неоднократно рассматривались в современных научных работах, но, как правило, очень кратко. Так, в статье А.В. Кушхабиева все дореволюционные авторы, писавшие о выселении адыгов, отнесены к имперской школе, отмечены также противоречия в их сочинениях [Кушхабиев 2014: 137–138]. Задачей данного исследования является более детальный анализ взглядов и подходов к этой теме авторов XIX в.

В историографии XIX в. главное внимание уделяется событиям 1864 г., хотя выселение началось значительно ранее и завершилось позднее. Однако именно в 1864 г. Кавказ покинуло большинство переселенцев: подавляющая часть шапсугов и нутухайцев, почти все абадзехи, все убыхи и другие группы. Это был завершающий год Кавказской войны, и в военных условиях депортация проходила иначе, чем в мирное время.

Первые планы переселения народов Кавказа составлялись задолго до 1864 г. Еще П. Пестель предлагал силой переселить «буйные» кавказские народы внутрь

России и расселить их там небольшими группами, чтобы исключить всякую возможность их сопротивления властям. Он также считал неправильным оставлять такую прекрасную землю как Кавказ в руках «полудиких», по его словам, племен, а предлагал передать ее русским переселенцам [Пестель 1906: 48]. Эти два тезиса будут повторять потом многие авторы XIX в., хотя планы Пестеля были опубликованы только спустя много лет. Подобные взгляды, тем не менее, имели широкое распространение в России.

В изданной в 1834 г. книге П.П. Зубов предлагал склонить часть кавказских горцев «к переселению внутрь России с столь очевидными выгодами, чтоб они не могли сомневаться в благодетельном намерении правительства» [Зубов 1834: 90]. Предполагалось, что переселение поможет изменить их образ жизни и одновременно обезопасит пути сообщения на Кавказе.

В последние годы Кавказской войны были предложены новые планы выселения народов Кавказа – план Д.А. Милютинина об их переселении на Дон [АКАК. Т. 12: 757–760], а затем – в 1860 г. – план генерала Н.И. Евдокимова – о выселении их в Турцию [Кравцов 1886: 29]. Именно этот последний план и был осуществлен.

Первые публикации об этом событии появились уже в 1864 г. Среди них были «Письма из Тифлиса» генерала Р.А. Фадеева, напечатанные в газете «Московские ведомости» во второй половине 1864 – начале 1865 гг. [Фадеев 1864–65]. Впоследствии они неоднократно переиздавались под названием «Письма с Кавказа». Р.А. Фадеев много лет служил на Кавказе, его работа отражает, видимо, не только его мнение, но и взгляды других представителей российского генералитета.

Прежде всего, обращает на себя внимание использованная автором терминология. Он называет выселение народов Кавказа «изгнанием», осуществленным по плану командования Кавказской армии: «Изгнание горцев из их тущоб и заселение западного Кавказа русскими, таков был план войны в последние четыре года» [Фадеев 1889-а, т. 1: 150]. Он приводит сведения (хотя и явно заниженные и противоречивые) о численности выселенных в Турцию горцев. В 1864 г. их было 190 или 211 тысяч, а в 1865 – еще 40 тысяч [Фадеев 1865, № 7; Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 204]. Это дает некоторое представление о масштабах произошедшей демографической катастрофы.

Р.А. Фадеев объясняет также причины депортации. Важнейшей из них он считает исключительное стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа. В случае войны десант европейских держав легко мог высадиться на этом побережье, его поддержали бы жившие там горцы, и владения России на Кавказе оказались бы в опасности [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 110]. В 1863–64 гг., после начала восстания в Польше, отношения России с европейскими странами ухудшились. Перспектива новой войны казалась тогда вполне реальной, а после поражения России в Крымской войне не прошло еще и 10 лет. По этой причине генералы русской армии стремились завершить покорение Кавказа как можно скорее [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 179]. Выполнение этой задачи не только обеспечивало (по мнению Р.А. Фадеева) безопасность южных границ Российской империи «от Дуная до Китая», но и открывало перед нею возможности завоевания новых территорий на Азиатском континенте [Фадеев 1889-а, т. 1: 107].

Именно стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа явилось причиной того, что власти России приняли решение депортировать местные народы и заменить их более надежным (с их точки зрения) русским населением: «Тот же главнокомандующий князь Барятинский, удовольствовавшийся приведением к покорности лезгин и чеченцев, поставил целью войны на западном Кавказе безусловное изгнание черкесов из их горных убежищ. Новый главнокомандующий, Великий князь Михаил Николаевич совершенно разделял этот взгляд и довел покорение до такой полноты результата; какой, может быть, никогда еще не было видано» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 148–149].

О том, какими способами была достигнута такая «полнота результата», Р.А. Фадеев пишет, хотя и кратко, но очень откровенно. Он упоминает о действиях нескольких отрядов русской армии, которые уничтожали аулы и постепенно вытесняли черкесов с их земли. Пешехский отряд «жег мелкие аулы, пока декабрьские метели, невообразимо страшные в горах, не заставили отвести его...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 187]. Другой пример: «В декабре Джубский отряд прошел, сожигая аулы по верховьям речек...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 189]. Жители этих аулов должны были выселяться на Кубань или в Турцию. Абадзехам для выселения был дан срок до 1 февраля 1864 г., затем он был продлен еще на неделю. После этого на их землю двинулись войска «с приказанием жечь аулы и гнать отсталых» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 189]. Те из абадзехов, кто не ушел вовремя, «должны были подвергнуться участи военнопленных». Военные действия и депортация осуществлялась зимой и в начале весны, что усугубляло тяжелое положение горцев и приводило к огромным жертвам, особенно среди мирного населения, о чем так же откровенно писал Р.А. Фадеев: «Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 191–192].

В то же время Р.А. Фадеев не возлагал вину за гибель горцев на русскую армию и ее командование. По его представлению, такой исход войны был неизбежен и совершился как бы сам собой: «Горцы потерпели страшное бедствие, в этом нечего запыряться, потому что иначе и быть не могло» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 191]. Так же расценивали это событие и генерал Евдокимов, разработавший план выселения черкесов и руководивший его практическим осуществлением, и великий князь Михаил Николаевич, командовавший Кавказской армией. Р.А. Фадеев приводит одно высказывание генерала Евдокимова: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве Великий Князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отворотить это бедствие?» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 192]. Генерал Евдокимов и великий князь тоже признавали выселение черкесов бедствием, однако никто не хотел брать на себя ответственность за него.

Основные причины и подробности выселения горцев изложены Р.А. Фадеевым в его первых восьми письмах с Кавказа, особенно в восьмом. Однако уже в следующем, девятом, письме он совершенно иначе описывает те же события. Изменяется даже терминология – теперь уже нет речи об изгнании жителей черноморского побережья, тем более – об изгнании их в Турцию: «Правительство имело одну цель в западно-кавказской войне: сдвинуть горцев с восточного берега Черного моря и заселить его русскими; эта мера была совершенно необходима для безопасности наших владений. Затем, не было никакой надобности гнать горцев в Турцию. У нас было довольно места для них...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 200–201]. В этом письме уже нет высказываний о том, что военное командование стремилось изгнать черкесов. Напротив, говорится, что «кавказское начальство не только не поощряло выселения, но даже препятствовало ему в законной мере» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 202]. Здесь уже не упоминаются бедствия горцев на черноморском побережье Кавказа, а приводятся примеры заботы российских властей о них – раздача продовольствия неимущим и бесплатная отправка их в Турцию, назначение пособий и устройство лазаретов. Благородному поведению русского военного командования и администрации противопоставлялась жадность турецких судовладельцев и бездействие турецких властей, приводившее к гибели переселенцев уже в Турции [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 203–204].

Чем же объяснялось столь резкое изменение позиции Р.А. Фадеева? Сам он вскользь упоминает о том, что о переселении горцев в Турцию «так много и так

бестолково шумели в Европе» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 200]. Но именно этот факт, видимо, и оказал решающее влияние на изменение его подхода к описанию последнего периода Кавказской войны.

Для Европы предназначалась официальная российская версия выселения горцев. Это предположение подтверждается одним документом – письмом военного министра Д.А. Милютина. Оно являлось ответом великому князю Михаилу Николаевичу, который возмущался тем, что газета «Русский инвалид» искажила его депешу с Кавказа (он писал о столкновениях с горцами уже после официального окончания войны). Военный министр объяснял, что завершение Кавказской войны вызвало недовольство в Западной Европе, что «в иностранной журналистике, особенно в Английской, снова раздались ожесточенные нападки» на образ действий России и выступления «против мнимого варварства и жестокости Русских, изгоняющих целое народонаселение, которое будто бы гибнет тысячами не только от оружия, но и от голода, нужды и развивающейся болезненности... подобные же толки были возбуждены даже в Английском парламенте». Британский посол в России обращался к вице-канцлеру (имеется в виду, очевидно, министр иностранных дел А.М. Горчаков) и к Милютину «с вопросом о том, в какой мере справедливы известия, возбудившие снова против России общественное мнение Европы» [ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. № 86 (382). Л. 27 об.–28]. Власти России, основываясь на официальных донесениях с Кавказа, опровергали «все преувеличенные известия о бедствиях Горцев» и объясняли, что против них «не употребляется никакого насилия, что они сами добровольно спешат переселиться в Турцию, даже вопреки тех мер, которые» принимало военное командование для того, «чтобы умерить это безотчетное и фанатическое стремление» [ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. № 86 (382). Л. 28].

Это письмо показывает, что официальная версия выселения была создана в Санкт-Петербурге, далеко от Кавказа. Она была сформирована уже весной 1864 г. (письмо Д.А. Милютина датировано 9 июня 1864 г.). Авторами ее являлись не ученые, а чиновники министерства иностранных дел и военного министерства. Основная их цель очевидна – оправдать действия России на Кавказе. Главные положения этой версии сводились к тому, что горцы выселялись с Кавказа добровольно, без всякого принуждения, из-за своего фанатизма, а известия об их бедствиях являлись преувеличением. Официальная точка зрения российских властей не только доводилась до сведения послов и правительств европейских стран. Она стала обязательной для всех публикаций в России. Все сообщения с Кавказа, которые не соответствовали ей (включая депеши великого князя), подвергались «исправлению».

Первые восемь писем Р.А. Фадеева с Кавказа, в которых он описывает планы военного командования по изгнанию горцев, а также гибель множества женщин и детей от холода и лишений, полностью подтверждали выдвинутые против России обвинения в жестокости и варварстве и совершенно противоречили официальной версии. Непонятно, каким образом эти письма, особенно восьмое, вообще могли быть опубликованы – видимо, по ошибке. Но уже девятое письмо пришлось привести в соответствие с официальной версией – горцев никто не изгонял, они уезжали сами, их даже пытались остановить, но безуспешно. Сведения о попытках властей Российской империи облегчить положение переселенцев также вполне укладывались в эту версию.

Однако в этом же письме автор объясняет причины, по которым не следовало запрещать горцам покидать Кавказ, и это объяснение незаметно переходит в оправдание депортации. Он проявляет явно негативное отношение к этим народам и приводит здесь же еще одно основание для их выселения (помимо геополитического) – экономическое. Р.А. Фадеев писал о том, что «земля закубанцев нужна была государству, в них самих не было никакой надобности. В отношении

производства народного богатства, десять русских крестьян производят больше, чем сто горцев; гораздо было выгоднее заселить прикубанские земли своими» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 202]. Этот расчет оказался ошибочным. Вплоть до конца XIX в. русские крестьяне и казаки, поселившиеся в горах и на Черноморском побережье Кавказа, не могли приспособиться к местным условиям и добиться успехов в производстве «народного богатства». Но в последний период Кавказской войны надежды на скорое экономическое процветание края казались убедительным оправданием изгнания горцев.

В конце девятого письма Р.А. Фадеев пишет: «На покинутых пепелищах осужденного черкесского племени, стало великое племя русское... Вырваны плевела, взойдет пшеница» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 206]. Эти высказывания позволяют усомниться в том, что генералы (в большинстве своем, видимо, разделявшие это мнение) пытались препятствовать выселению черкесов. Более убедительной выглядит первоначальная версия Р.А. Фадеева об их стремлении изгнать горцев.

Другая известная работа о переселении в Турцию была опубликована много лет спустя, в 1882 г., в журнале «Русская старина». Ее автором являлся профессиональный историк, председатель Кавказской Археографической комиссии А.П. Берже. Одной из его задач было определение численности выселившихся в Турцию горцев. По собранным им сведениям, в 1864–65 гг. с Черноморского побережья Кавказа в Турцию отправились 384,5 тыс. человек [Берже 1882, в. 1: 166] – шапсугов, нутухайцев, абадзехов, бжедугов, убыхов и джигетов. Это значительно больше, чем было указано в работе Р.А. Фадеева, однако сам А.П. Берже предупреждает, что и его данные были неполными, потому что не все переселенцы были учтены. Всего же с 1858 по 1866 г., по приведенным им материалам, Кавказ покинули почти полмиллиона человек (493,2 тыс.). Это показывает, что поток переселенцев был наиболее сильным именно в 1864–1865 гг., особенно в 1864 г.

В отличие от Р.А. Фадеева, А.П. Берже полностью воспроизводит официальную трактовку выселения, стараясь ни в чем не отклоняться от нее. В его работе нет речи об изгнании горцев, говорится только о разрешении переселиться в Турцию в соответствии с планом генерала Евдокимова. В качестве исторических источников обильно цитируются письма этого генерала и других деятелей того периода.

Главной причиной выселения А.П. Берже считает стремление России окончить войну в кратчайший срок [Берже 1882, в. 2: 342]. Согласно объяснениям генерала Евдокимова, это невозможно было сделать без полного выселения горцев западного Кавказа с гор и заселения их земель казаками. В отличие от Р.А. Фадеева, А.П. Берже не задается вопросом о том, почему покорение восточного Кавказа совершилось без поголовного переселения горцев на равнины или за рубеж, а на западном Кавказе без него невозможно было обойтись.

А.П. Берже не пишет ни о стратегическом значении Черноморского побережья Кавказа, ни о заинтересованности России в землях западного Кавказа. Он цитирует письмо великого князя Михаила Николаевича, в котором кратко говорится о том, что причиной данного горцам разрешения уезжать в Турцию являлось опасение возможной войны с европейскими державами [Берже 1882, в. 10: 1]. После того, как опасность этой войны миновала, власти стали ограничивать или запрещать переселение, но сам А.П. Берже не останавливается подробно на этом факте.

Еще одной причиной выселения он называет также опасение «почетных горцев» потерять подвластных им людей после их подчинения России. Это, по словам А.П. Берже, заставляло их уезжать, а под их влиянием покидали Кавказ и их общества [Берже 1882, в. 2: 346–347]. Затем очень кратко, буквально в двух словах, говорится о религиозном фанатизме как причине отъезда горцев в Турцию [Берже 1882, в. 2: 363]. Не приведены никакие доказательства или хотя бы примеры этого фанатизма, но для официальной версии подобные доказательства, видимо, и не требовались.

По мнению автора, план генерала Евдокимова был выдвинут «в видах чело-веклоубия» [Берже 1882, в. 2: 344] для того, чтобы уменьшить количество жертв среди горцев. Но при всем своем восхищении этим планом А.П. Берже не отрицал того, что его выполнение привело к гибели многих переселенцев. Он очень кратко, в нескольких фразах описывает их тяжелое положение на Черноморском побережье Кавказа, и значительно больше места уделяет их бедствиям в Турции и на пути туда [Берже 1882, в. 2: 352–361].

Поскольку А.П. Берже придерживался официальной версии выселения, то он полностью оправдывал действия России, которая, по его словам, желала «лишь окончания тяжелой вековой войны на Кавказе и прочного покорения беспокойных обществ...» [Берже 1882, в. 2: 349]. Александра II он называет гуманнейшим из венценосцев XIX в. и отрицает сходство выселения горцев с изгнанием мавров из Испании [Берже 1882, в. 2: 363]. Генерала Евдокимова автор считал выдающимся государственным деятелем и также ни в чем не винил.

Ответственность за бедствия горцев А.П. Берже возлагает на европейскую дипломатию и Турцию, которые обещали горцам поддержку в войне против России [Берже 1882, в. 2: 341, 349]. По его мнению, если бы не внушенные горцам напрасные надежды, то они покорились бы намного раньше.

Другими виноватыми объявлялись сами горцы, которые выселялись добровольно, без всякого принуждения: «остановить панику горцев и задержать их безрассудное бегство при появлении вблизи русских войск, не было никакой возможности» [Берже 1882, в. 2: 360].

Однако в другом месте своей работы А.П. Берже пишет о том, что в последние месяцы войны от горцев требовалась безусловная покорность, которая выражалась их согласием «выселиться с гор на плоскость на указанные правительством места и подчиниться во всем русской администрации. Не желавшим исполнить это требование, предоставлялась свобода выселения в Турцию на собственный счет и страх» [Берже 1882, в. 2: 349]. Даже это свидетельство показывает, что у горцев не было возможности остаться на месте и никуда не переселяться. Они могли только выбирать, переселяться им на плоскость или в Турцию, что ставит под сомнение тезис о добровольности выселения. О том, что в этот же период сжигались аулы, А.П. Берже не упоминает ни словом.

Зато он сообщает о той помощи, которую оказывала русская администрация переселенцам – об организации контроля над ходом выселения, о выделении материальной помощи и привлечении пароходов и т.п. Однако отмечает он и тот факт, что большинство квитанций и пособий были «весьма сомнительного свойства» [Берже 1882, в. 1: 166], т.е. значительная часть выделенной правительством помощи до переселенцев, скорее всего, не дошла.

Работа А.П. Берже на долгие годы стала самым известным сочинением о выселении народов западного Кавказа. Авторы большинства других книг и статей, изданных в XIX в., если и касались этого вопроса, то очень кратко. Часть из них писала, в соответствии с официальной версией, о добровольном переселении горцев, а если и упоминала об их бедствиях, то обвиняла в них не Россию, а Турцию. Такова была позиция, например, М.Н. Каткова, главного редактора газеты «Московские ведомости» (которому были адресованы «Письма из Тифлиса» Р.А. Фадеева) [Катков 1897: 320].

Другие авторы писали о том, что правительство России предложило черкесам выселиться на плодородную Кубанскую равнину или удалиться в Турцию, и большинство из них выбрало Турцию [Ковалевский 1867: 99; Мостовский 1874: 112]. Причинами переселения в Турцию называли религиозный фанатизм [Гейдук, 1871: 22; Верещагин 1885: 4] или какое-то непостижимое влечение переселенцев [Ковалевский 1867: 100].

В то же время некоторые авторы вступают в противоречие с официальной версией выселения. Со временем эта тема потеряла былую актуальность, требования

цензуры, видимо, стали менее строгими, поэтому подобные мнения начали чаще высказываться. Еще Р.А. Фадеев упоминал о стремлении командующих Кавказской армией изгнать горцев, вслед за ним это отмечают и другие авторы. По словам генерала М.Я. Ольшевского, именно по инициативе одного из командующих – А.И. Барятинского – состоялось «насильственное переселение горцев в Турцию и водворение на Западном Кавказе христианского населения» [Ольшевский 1880, кн. 2: 314]. Здесь выселение прямо названо насильственным.

О позиции генерала Н.И. Евдокимова сообщает известный русский географ М.И. Венюков, который бывал на Кавказе в последний период войны и знал многих генералов. По его словам, Евдокимов был убежден в том, «что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны, есть изгнание всех горцев за море» [Венюков 1880: 435]. Почти то же самое говорится в книге И.С. Кравцова о кавказских военачальниках: план Евдокимова состоял в том, чтобы отеснить абадзехов, шапсугов и убыхов к морю, а затем, «при несогласии их выселиться на степные пространства Ставропольской губернии, изгнать их в Турцию, а весь этот обширный край заселить русским народом» [Кравцов 1886: 29]. Похожие отзывы о планах Барятинского и Евдокимова есть и у других авторов [Надеждин 1891: 100].

М.И. Венюков также описал методы проведения и ход депортации черкесов, во многом совпадающие с рассказом Р.А. Фадеева: «Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями...посевы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию...» [Венюков 1878: 249]. Упоминание военного конвоя явно противоречит версии добровольного выселения.

Много сведений о разорении абадзехских, шапсугских, убыхских аулов в последние месяцы войны содержится в очерках истории тех или иных воинских частей. Отмечалось, что эти действия осуществлялись зимой, потому что в это время года «уничтожение запасов и селений действует губительно; горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище» [Духовский 1864, № 11: 155]. Говорится также и о том, что зима 1863–64 гг. была очень холодной, морозы доходили до -25° [Гейнс 1866, № 4: 214; Духовский 1864, № 11: 157]. Авторы этих очерков восхищаются стойкостью и выносливостью русских солдат и офицеров, которым приходилось передвигаться в такую погоду по заснеженным горным дорогам и перевалам, и сомневаются в том, что какая-либо другая армия способна была бы перенести подобные условия [Гейнс 1866, № 4: 216; Духовский 1864, № 11: 169–171]. Но в то же самое время и по тем же дорогам направлялись к морю многие тысячи адыгов, включая женщин, детей и стариков – жителей тех самых уничтоженных аулов. Часть авторов рисует апокалиптические картины массовой гибели переселенцев [Дроздов 1877: 456], однако вопрос о том, кто несет за это ответственность, никогда не ставится.

Описаны военные действия как на северном склоне гор, так и на Черноморском побережье Кавказа, где продолжилось уничтожение аулов. В марте 1864 г. «в первые три дня движения» Даховского отряда «выжжено было дочиства все пространство между второстепенным хребтом и морем. Оставлены были только для переселенцев аулы, ближайšie к берегу и к местам сбора». В последующие дни «все встреченные аулы были уничтожены» [Духовский: 1864, № 12: 288, 293]. В описаниях завершающего периода Кавказской войны можно найти немало подобных свидетельств. Сохранились также очерки военных действий против убыхов и соседних с ними групп, а также рассказ о военной экспедиции в землю хакучей летом 1864 г., т.е. уже после официального окончания Кавказской войны [Гейнс 1866, № 5: 12–36; Духовский 1864, № 12: 296–300, 352–356]. Массовое уничтожение аулов тоже не очень согласуется с версией добровольного выселения. Не случайно, А.П. Берже избегал упоминаний о нем.

Описаны также бедствия черкесов на Черноморском побережье Кавказа, где уже зимой и в начале весны 1864 г. собрались сотни тысяч людей. Главным местом сбора шапсугов и абадзехов являлось устье реки Туапсе [Духовский 1864, № 12: 289]. Однако в это время года условия для навигации на Черном море очень неблагоприятны. Переселенцам приходилось в буквальном смысле ждать у моря погоды. «Тесно скученные в тысячных массах на небольшой равнине возле Вельяминовского форта под открытым небом, пронизываемые постоянно холодным ветром, обливаемые частыми дождями, терпя недостаток в продовольствии и оставаясь без горячей пищи, дети, женщины и старики начали сильно болеть и умирать...» [Ольшевский 1895, № 10: 159–160]. По мнению генерала М.Я. Ольшевского, если бы последнее наступление на земли черкесов началось на месяц или хотя бы на две недели позже, то жертв было бы намного меньше [Ольшевский 1895, № 10: 161].

Некоторые авторы пишут также о тех группах адыгов, которые еще оставались на Кавказе после окончания войны. Натухайцы покорились в 1859–1860 гг., поэтому они не принимали участие в военных действиях последующих лет. Они жили у Черноморского побережья Кавказа, т.е. в стратегически важном регионе. Как писал Р.А. Фадеев, «...натухайцев было действительно опасно оставлять на отведенных им первоначально местах, по самой нижней Кубани; и не смотря на то, их оставляли, чтобы не нарушить данного слова...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 201]. Он восхищается верностью российских властей данному слову, но в том же 1864 и в 1865 гг. почти все натухайцы тоже переселились в Турцию, в полном соответствии с желанием властей. В Османскую империю уехали также почти все абадзехи и большинство шапсугов, которые первоначально согласились переселиться на Кубань или на Лабу. Об одной из причин их ухода сообщает М.И. Венюков. Он писал о том, что генерал Н.И. Евдокимов стремился изгнать горцев в Турцию, «поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни» [Венюков 1880, кн. 1, в. 2: 435–436]. И он был не единственным, кто стремился избавиться от оставшихся черкесов.

Р.А. Фадеев в одной из своих работ писал о том, что приставы, т.е. офицеры, которым должны были подчиняться жившие на западном Кавказе горцы, полагали, что «желание высшего начальства состоит в том, чтоб выпроваживать народ в Турцию» [Фадеев 1889-б, т. 1, ч. 2: 74]. Если учесть, что в состав этого начальства входил и генерал Евдокимов, то они не ошибались. Этим соображением они и руководствовались в своей работе, и у них было достаточно возможностей для того, чтобы добиться своих целей. Кроме того, оставшиеся черкесы страдали от враждебного отношения к ним казаков после окончания войны, о чем тоже упоминает Р.А. Фадеев: «От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли, им много пришлось вытерпеть» [Фадеев 1889-б, т. 1, ч. 2: 71]. Это и были главные причины их переселения в Турцию в этот период.

И последний вопрос – отношение к выселению горцев в российской историографии. Почти все авторы полностью его одобряли, независимо от того, считали они его добровольным или насильственным. М.Я. Ольшевский (вслед за Р.А. Фадеевым) обращал внимание на стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа и полагал, что только полное «очищение» его от местного населения может обезопасить его от вторжения иноземных армий в случае войны [Ольшевский 1880, кн. 2: 314–315].

Другие авторы, хотя и высказывали сожаление о судьбе черкесов, но тоже полагали, что их депортация обеспечила мир и безопасность: «Как ни крута была система обезлюживания края, принятая для окончательного покорения Кавказа, но, согласуя ее с характером полудиких жителей, нельзя не признать громадную ее выгоду относительно спокойствия России» [Гейнс 1866, № 5: 38].

Третьи обращали внимание на экономические выгоды, возможность для России получить в свое распоряжение богатые земли западного Кавказа. Эта причина часто бывает связана с миссией распространения цивилизации, которая, как считалось, лежала на России. Е.П. Ковалевский, министр просвещения России, задавался вопросом о том, «кому владеть страной – черкесам или русским? Оставить ли черкесам в обладание эту богатую дарами природы страну с тем, чтобы они по-прежнему вели в ней полукочевую жизнь и занимались грабежом, или предоставить ее России для водворения в ней промышленности и цивилизации? Ответ, кажется, не может быть сомнителен. Для всякого русского патриота остается одно и самое искреннее желание, чтобы заселение благодатной страны последовало как можно успешнее...» [Ковалевский 1867: 100]. Развитие цивилизации понимается здесь как право захватывать чужие земли, но в XIX в. подобные взгляды не были редкостью.

Примерно такие же мысли вызывало выселение горцев и у других авторов: «Эти народы, отжив свой век, оказались неспособными к высшему умственному развитию и к восприятию новейшей цивилизации, и поэтому они должны были уступить свое место элементу, назначенному Провидением перенести европейскую культуру в Азию – элементу славянскому» [Гейдук 1871: 22]. В подобных рассуждениях Кавказ выступает чем-то вроде Земли Обетованной, которую Россия должна завоевать и на которую она имеет больше прав, чем живущие здесь народы, поскольку оказалась способнее к восприятию цивилизации. Это вполне соответствовало националистической идеологии, которая усилилась в России после ее поражения в Крымской войне.

Одним из очень немногих авторов, высказавшим если не осуждение, то, во всяком случае, сомнение в оправданности депортации, был Ф. Торнау, который долго служил на Кавказе и около двух лет провел в плену у черкесов. По его словам, в первые годы его службы он не думал о том, что покорение Кавказа «так благодушно разрешится наполовину истреблением и наполовину изгнанием с Кавказа всего горского населения». Тогда ему «казалось еще возможным менее черствым способом подчинить горцев русской власти...» [Торнау 1881: 231].

Вопрос о выселении черкесов в Турцию затрагивали многие авторы XIX в., хотя крупных работ на эту тему почти не было. Уже весной 1864 г. чиновниками министерства иностранных дел и военного министерства была разработана официальная версия, сводившаяся к тому, что выселение было добровольным, его даже пытались остановить, но безуспешно, а сведения о бедствиях черкесов преувеличены. Эта версия была предназначена в первую очередь для европейских государств и должна была оправдать действия России на Кавказе. Она оказала влияние на ряд изданных в XIX в. работ, касавшихся этой темы. Ее последовательно развивал в своем труде А.П. Берже. Он повторил тезис о добровольном переселении, а в гибели переселенцев обвинял европейские державы и Турцию, обещавшие народам Кавказа свою помощь, а также самих горцев, которые выселялись под влиянием религиозного фанатизма или под воздействием «почетных лиц», опасавшихся потерять подвластных. Именно этот труд А.П. Берже приобрел наибольшую известность и оказывает влияние даже на некоторых современных авторов.

Однако в XIX высказывались и совершенно другие мнения, значительно отходившие от официальной версии. Наиболее последовательно их изложил генерал Р.А. Фадеев в первых восьми «Письмах с Кавказа». Он пишет о том, что горцы были изгнаны с Кавказа, что именно таков был план командующих Кавказской армией, что в ходе выполнения этого плана множество аулов было сожжено, что горцы потерпели «страшное бедствие». Однако в девятом письме он излагает те же события совершенно иначе, в полном соответствии с официальной версией выселения. Тем не менее, после него еще несколько авторов писали об изгнании или

насильственном выселении горцев с Кавказа. Среди этих авторов были М.И. Венюков, И.С. Кравцов, М.Я. Ольшевский, Ф.Ф. Торнау. То есть эта точка зрения была достаточно широко представлена в историографии. Кроме того, во многих очерках истории воинских частей описывается уничтожение сотен черкесских аулов в последние месяцы Кавказской войны, что также не очень согласуется с версией добровольного выселения.

Но независимо от того, считали российские авторы XIX выселение черкесов в 1864 г. добровольным или насильственным, они (за редким исключением) сходились в одном – в одобрении этой меры. По их мнению, она соответствовала интересам Российской империи, поскольку привела к быстрому завершению Кавказской войны и обеспечивала безопасность этого региона в случае будущих войн с европейскими государствами и Турцией, а также обещала экономические выгоды.

Источники и литература

1. АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии Т. 1–12. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1866–1904.
2. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. XXXIII. 1882. В. 1. С. 161–176; В. 2. С. 337–362; Т. XXXVI. В. 10. 1882. С. 1–32.
3. Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа // Русская старина. 1878. № 6. С. 249–270.
4. Венюков М.И. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1880. Кн. 1. В. 2. С. 440–448.
5. Верецагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. СПб.: тип. «Общественная польза», 1885. 36 с.
6. Гейдук Ф. О значении для России развития сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. Т. 92. 1871. № 3. С. 5–41;
7. Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года // Военный сборник. Т. 48. 1866. № 4. С. 213–264; Т. 49. 1866. № 5. С. 3–40.
8. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Т. 2. 1877 г. С. 387–457.
9. Духовский С. Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник, 1864. № 11. С. 145–196; № 12. С. 277–357.
10. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1–3. Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, 1834.
11. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 г. Москва: Изд. С.П. Катковой, 1897. 841 с.
12. Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. 1867. Т. III. С. 75–140.
13. Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов. 1854–1864 гг. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева. 1886. 73 с.
14. Кушхабиев А.В. Проблема массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858–1865 гг.) в работах Российских историков // Известия КБНЦ РАН. 2014. № 1 (57). С. 137–143.
15. Мостовский М.С. Этнографические очерки России. Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1874. 152 с.
16. Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского края. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1891. 282 с.
17. Ольшевский М.Я. Кавказ и покорение восточной его части // Русская старина. 1880. Кн. 2. С. 289–318.
18. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1854 по 1866 гг. // Русская старина. 1895. № 10. С. 129–166.
19. ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Картон 53. № 86 (382).

20. *Пестель П.И.* Русская правда. СПб.: Культура, 1906. 245 с.
21. *Торнау Ф.Ф.* Государь Николай Павлович (Из автобиографических рассказов бывшего Кавказского офицера) // Русский архив. 1881. В. 3. (II–1). С. 228–248.
22. *Фадеев Р.А.* Письма из Тифлиса // Московские ведомости 1864 г. № 185, 192, 240, 244, 250, 253, 266, 270; 1865 г. № 6, 7, 10, 11, 12, 16, 17, 20.
23. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа // Собрание сочинений Т. 1. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Ч. 1. С. 99–280.
24. *Фадеев Р.А.* Записки о Кавказских делах. Дело о выселении горцев // Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Ч. 2. С. 61–76.

RUSSIAN 19TH-CENTURY HISTORIOGRAPHY ON THE EXPULSION OF THE CIRCASSIANS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN 1864

Tkhamokova Irina Hasanovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), omarakana@mail.ru

The article analyzes the works of Russian 19th-century authors on the expulsion of the Adyge people to Turkey in 1864. This is an important and widely discussed topic in modern historiography. Many disagreements have their roots in the 19th century, in the early days of research on this topic, prompting us to take a closer look at the studies of this period.

The article examines various versions of the expulsion of the Circassians that existed in the 19th century. According to the official version, the people moved out voluntarily, without any coercion. The presented reasons for the migration included religious fanaticism or fear by influential highlanders of losing their subjects after the end of the war. Other opinions were expressed, however, i.e. the highlanders were expelled from the Caucasus, and this was precisely the goal of the top military command and the Caucasian army generals toward the end the war. In this case, the cited reasons for the expulsion were the exceptional strategic importance of the Caucasus Black Sea coast.

Almost all the 19th-century authors, regardless of whether they considered the migration of the Circassians voluntary or forced, fully approved and supported it. They believed that it contributed to the early end of the Caucasian War, ensured the security of the region, and was also in line with Russia's economic interests.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Caucasian War, expulsion of Circassians, Russian historiography.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-30-40

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАЗАЧЕК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Варивода Наталья Владимировна, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), variks1@yandex.ru

В статье исследуются мировоззрение и поведение, ценности и стереотипы, общественные и индивидуальные ориентации женщин-казачек Северного Кавказа в конце XVIII – начале XX в. Возросшая роль женщины в современном мире делает проблему исследования роли и места женщины в обществе особенно актуальной. Показано, что казачкам были присущи такие ценностные приоритеты, как чувство национальной гордости и кровной близости к одноплеменникам, чувство собственного достоинства, наряду с уважением к человеческой личности и к старшим. Выявлены причины первоначального формирования у казачек военизированного мировоззрения и поведения. Исследованы черты эволюции женских ментальных и поведенческих установок в сторону адекватного противодействия военной угрозе, в том числе изменение гендерных стереотипов в направлении усиления у казачек маскулинных черт в общественной и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: казачка, женщина, Северный Кавказ, ценности, поведенческие стереотипы, казачество, мировоззрение, повседневность, станичное общество, семья.

В XVIII веке Российская империя переходит от политики постепенного развития союзно-вассальных отношений с народами Северного Кавказа к их присоединению и установлению русской администрации [Варивода 2019: 24–25]. Со второй половины XVIII века российское правительство проводит интенсивные мероприятия в этом направлении, рассматривая как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного казачества. Изучая историю кавказского казачества, большинство авторов брали за основу лишь вопросы его военной и политической истории. Для создания полноценной картины существования казачества в данном регионе необходимо исследовать и повседневную жизнь гражданского населения, в частности, казачек.

По тому, как общество относится к женщине, какое положение она занимает в нем, можно судить о характере самого общества. Это отвечает специфике общественно-политических образований групп казаков. Своеобразие их общественного устройства, особенности быта и культуры не могли не наложить заметный отпечаток и на казачку, чьё место и роль в общественной и культурной жизни казачьих общин всегда вызывали интерес.

Формирование основных черт менталитета казачки начиналось с детства. Воспитанием девочек занималась бабушка. И первое, чему она их учила – молитве. Она начинала воспитание внучки с духовного восхождения, передавала ей унаследованный опыт народной общности, соборности, хранящей примеры праведного поведения. Бабушка знала, что доброта, терпимость, взаимное прощение обид, смирение, послушание, уважение к старшим – все это составляющие нравственного круга, которые смогут обеспечить в будущем крепкую семью, достаток. И девочки постепенно впитывали эти нравственные категории.

Большое внимание уделяли и трудовому воспитанию. Тяжесть труда наращивалась с годами постепенно. С 4-х лет уже определялся круг обязанностей. В 5 лет приобретались навыки рукоделия. В 7 лет – работа в саду и огороде, уборка подворья. Полурабочий возраст девочки-казачки был с 10 лет. Труд для девочки из необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное.

Девочке не обязательно было учиться, ее отрывали от учебы весной, когда начиналась посевная или когда надо было присмотреть за младшими. Посильный для девочки труд чередовался с играми, полезное срасталось с приятным незаметно. Первоначальные навыки шитья, вязания, вышивания укреплялись и развивались в девичьих играх с куклами. Маленькие мастерицы проявляли себя как портнихи, художники-модельеры, рукодельницы. Не было казачки, которая не могла бы шить, кроить, вязать чулки, носки, кружева, вышивать рушники, салфетки, украшать кружевом рубашки и кофты, стегать одеяло [Растатурин 2012: 156–157].

Всю рабочую одежду для семьи, в основном, шили сами казачки. Особенно казачки славилась кулинарным талантом приготовления блюд, свойственных казачьему укладу жизни. В некоторых казачьих областях казаки проводили по сегодняшним понятиям смотр-конкурс на лучшую встречу и угощение гостей – чья жена лучше умеет принять и угостить вкусной пищей [Цыбульникова 2004: 58].

Девочка всегда должна была быть в работе, чтобы не думать о шалостях. Росла девочка с мыслью, что она будущая хозяйка и мать, чему было подчинено все ее воспитание. Ей внушалось, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и достаток, честный заработок.

Строгость в воспитании исходила от традиционно-нравственных установок. Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях. Команды старшего в семье и даже наказание никогда не подвергались сомнению. Л.Н. Толстой, проживший определенное время в казачьей станице, так писал об этом: «...казаки смотрят на женщину с восточным требованием покорности и труда» [Толстой 1981: 158].

Традиции в воспитании девочки-казачки сформировали особый тип женщин: свободных в выборе, самостоятельных в действиях и решениях. Казачки имели характер независимый и гордый. О казачках современники писали: «Соедините красоту и обаяние русской женщины с красотой черкешенки, турчанки и татарки, да если прибавить бесстрашие амазонок – перед вами портрет истинной казачки» [Мозговая-Гирианская 2011: 156–157].

Казачке были чужды модные по духу времени демократические книжные теории. Внутренним идеалом казачки были Бог, семья, подворье. В системе ценностей в приоритете были послушные дети, уважающие родителей, чувство своей ответственности перед Богом по поддержанию в семье православно-нравственных устоев, пресечение распутства [Цыбульникова, 2004: 59].

Казаки упорно берегли свое племенное лицо и больше всего при помощи женщин, ревнивых хранительниц древних обычаев и чистоты крови. Всем известно, как казачки гордились своим происхождением, как они избегали браков с иногородними, как недружелюбно принимали в станицах чужеродных казачьих жен, с каким предубеждением относились ко всякому чужаку. Это отчетливо бросалось в глаза. В XVIII в. А.И. Ригельман писал о Донцах: «Жены их лица круглого и румянного, глаза темные большие, собою плотные, черноволосые, к чужестранным неприветливы» [Годовова 2012: 118].

Женщина имела большое значение в казачьей семье, она умела посвящать себя семейной жизни и воспитывать в своих детях любовь к родной земле и к своему народу. С малых лет ребенок впитывал от матери чувства национальной гордости и кровной близости к одноплеменникам, чувство собственного достоинства, уважение к старшим. Особо ревниво казачка относилась к выработке у детей

сознания о единстве этносоциологических черт казачества как народа. С малых лет дети с гордостью относили себя к казачьему народу и твердо усваивали, что все казаки – братья. Казачке было чуждо чувство подражания в поведении, поступках, одежде. Она всегда подчеркнуто проявляла свою принадлежность к казачьему народу и в одежде, и в разговоре, гордившись этим.

Казаки редко выдавали дочь за «не казака». Особенно непримиримыми к иноверцам были бороздинцы. Как отмечал В.А. Потто: «...казак в редких случаях выдает замуж свою дочь за не казака или женит сына на не казачке» [Потто 1991: 26]. Причина этого во многом, в боязни потери казаками христианской веры и утраты этнического самосознания. Если казачка выходила замуж за иногороднего, она автоматически выбывала из казачьего сословия и теряла свои привилегии [Мутиева 2012: 221].

Казачки становились женами кавказских горцев, в основном, путем похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, лет сорока, вышедшей из плена «с грудным детем», которая «разговор по-русски мало знает» [Цыбулькина 2012: 131]. Видимо, она была похищена маленькой девочкой и за 30–35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык.

Похожий случай произошел с жительницей военного поселения (будущей станицы Александровской) Марфой Щербаковой. В 1841 г., когда ей было 12 лет, она вместе с несколькими своими односельчанами была захвачена чеченцами и провела в плену много лет. Из Чечни ее продали в Кабарду. Когда военные действия в Чечне и Дагестане закончились, русская администрация стала разыскивать пленных, и нашла ее в одном из кабардинских сел. Однако найденная женщина не признавалась в том, что она является Марфой Щербаковой, хотя ее опознали ее сестры и другие жители станицы. Как полагал допрашивавший ее чиновник, «она будучи в плену у горцев с лишком 21 год, и притом имея мужа и детей, свыклась с жизнью их и религиею и не считала нужным сознаваться в своем происхождении» [Тхамокова 2000: 59]. То есть, такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы.

В результате многолетнего соседства с горцами среди замужних казачек было много женщин местного горского происхождения, особенно чеченок, кабардинок и ногаек. А.Ф. Щербина отмечал, что «... русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе» [Омельченко 1991: 125].

Межэтнические браки способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время твердо поддерживались, а в момент обострения военной ситуации использовались для освобождения из плена родственников.

Казаки имели свой особый статус среди прочих сословий Российской империи, который не исчерпывался их принадлежностью к профессиональным военным, поскольку определялся своеобразным типом отношений между войском и государством, в основе которого лежало право на землевладение и землепользование. В этих отношениях женщина занимала важное место, восполняя дефицит рабочих рук для обработки земли и в прямом смысле – выполняя хозяйственные работы при нехватке мужчин, и в перспективе – обеспечивая естественный прирост казачества. Самообеспечение казачьих войск было стратегически важно для правительства, особенно в период создания регулярной армии, а также в связи с развитием поселений на вновь присоединяемых территориях. Можно сказать, что именно казачка физически осуществляла мирную колонизацию многих земель. При этом женщинами были освоены практически все виды хозяйственной деятельности. Феминизация обеспечивала стабильность домашнему производству, смягчая зависимость от ритма войсковой жизни мужчин. Однако с другой стороны,

она стала одним из факторов торможения процессов модернизации в войсковом сельском хозяйстве – развития частной механизации, совершенствования агрокультуры и т.д. [Власкина 2008: 55].

В силу особенностей военного быта исторически выработался особый тип женщины – неустанной труженицы, смело и энергично принимающей на себя все труды мужчины. «Считая себя господами в доме, мужчины стараются все работы свалить на женщин. Только пахота, косьба, да рыбная ловля лежат исключительно на обязанности мужчин; что же касается других работ по хозяйству, то они исполняются, главным образом, женщинами» [Бутова 1889: 23].

В силу принадлежности к воинскому сословию и частому вовлечению в пограничные столкновения, казачки обладали не только специфическим военно-адаптированным менталитетом, но и вполне конкретными боевыми навыками. Мужья в неофициальной обстановке старались научить жен необходимым навыкам обороны. В источниках есть примеры участия казачек в соревнованиях по наездничеству и джигитовке. В казачьих станицах военный быт был признаком исключительности, противопоставления другим сословиям (например, крестьянству). Поэтому проявление молодечества не только у мужчин, но и у женщин одобрялось общественным мнением. Постепенно у женщин-казачек сформировалось военизированное мировоззрение и поведение. Она могла заменить мужа не только в хозяйственной, но и в военной сфере. По утверждению В.А. Потто: «Женщина, вечная труженица в мирное время, в минуты опасности являлась таким же точно бойцом, как ее отец, муж или сын» [Потто 1991: 264].

Имея базовые устои подобного мировоззрения и поведения, казачки на их основе формируют новые навыки самообороны, необходимые им в реальной исторической ситуации. На складывание такого менталитета с детства влияли традиции казачества – в первую очередь, рассказы стариков о военной доблести предков [Цыбулькиова 2004: 59]. «Рассказывали и дедушки, и бабушки... Рассказывали и дочерям – они должны были все это знать... От поколения к поколению передавали в основном холодное оружие. Оно на коврах висело...» [Цыбулькиова 2012: 140].

Века постоянных боевых тревог, военно-полукочевого образа жизни выработали в казачке бесстрашную решительность и способность сохранять присутствие духа в моменты неожиданной опасности. Исторические факты и события свидетельствуют о многочисленных случаях участия казачек в обороне станиц, крепостей, городов. Наиболее известным эпизодом является подвиг казачек, отбивших от черкесов свою Наурскую станицу.

В то время как шла первая русско-турецкая война, в 1774 г. Наурскую станицу обложило восьмитысячное скопище татар, кабардинов и турок, под предводительством калги – из рода крымских султанов [Потто 1887: 76]. Строевые казаки еще не возвратились из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал однако же, с кем будет иметь дело – и встретил небывалое войско и с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного городка и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипятком на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты [Потто 1887: 77]. В итоге было уничтожено более 800 врагов [Шупленков 2016: 29]. Видная роль, которая выпала на долю казачек при защите Наура, была особенной причиной, почему неприятели долго не могли забыть позора своего поражения.

Казачки стремились получить боевые навыки не из праздного любопытства, а из суровой военной необходимости. Это давало казачкам больше шансов

противостоять нападениям горцев, как при индивидуальной опасности, так и при обороне станиц. Например, при нападении в 1807 г. на ст. Пластуновскую, горцы проникли в сени одного из домов и попытались захватить спавшую там казачку Анну Блакиткину, но проснувшаяся девушка оказала такое сопротивление, что черкесы ушли ни с чем, сумев только легко ранить ее саблей [Акоева 2008: 21]. По мере усмирения горцев боевые навыки продолжают осваиваться казачками в шуточной форме (во время праздничных показательных джигитовок, свадебных обрядов) и носят скорее развлекательный, нежели функциональный характер. В связи с вышесказанным становится понятна поговорка о казачках: «Слава-то казачья – да жизнь у них собачья».

После окончания Кавказской войны хозяйство стало налаживаться. Семьи получили возможность заниматься земледелием. Поведение женщины стало меняться, возвращаясь в рамки традиционных представлений о ее предназначении. Все больше внимания она могла уделять семье – основной ячейке повседневной экономической и социальной жизни.

Замужество осознавалось как признание обществом достоинств женщины и выполнения ею своего главного назначения в жизни. Очень высоко оценивалась ее репродуктивная роль. Кроме материнских функций по уходу и воспитанию детей, основной полоролевой обязанностью женщины считалось ведение домашнего хозяйства, обслуживание членов семьи. Так, И.Д. Попко отмечает: «Уходя на далекую или близкую службу Государеву, здешний казачий дворянин оставляет на единственном попечении своей жены сбережение, поддержание и развитие своего хозяйства, равно как и воспитание детей, будущих казаков Государевых. От трудолюбия и рачительности жены исключительно и безусловно зависит благосостояние дворянина и его семьи. Это показывает насущный опыт» [Попко 1998: 99].

Именно домашнее хозяйство являлось той областью, где женщина могла проявить свою сообразительность, ум, знания. Вне семьи она не могла реализовать себя как личность. Мир ценностей казачки в значительной степени был сосредоточен на семейных делах. Не случайно среди казаков говорили: «Женщине дорога от печи до порога». Но именно это и позволяло казачке чувствовать себя полноправной хозяйкой в своем доме. Хотя в целом, «предназначенность» женщины для дома и семьи делала ее статус в сознании народа более низким по сравнению с мужским, публичным. Такие ценностные установки характерны и для других народов и эпох [Акоева 2008: 21].

Как мы могли заметить, несмотря на то, что у большинства женщин-казачек формируются маскулинные стереотипы поведения в военной сфере, в то же время сохраняются и феминные формы поведения, в сфере семейной.

Огромное значение для жизнедеятельности станичной общины имели нормы поведения и общественная нравственность. Общественная нравственность в традиционном казачьем обществе жестко регулировалась общественным мнением. Отклонение от общепринятых норм поведения неизбежно встречало осуждение в обществе, и особенно строгим было общественное мнение в отношении женщины. Внебрачные связи осуждались. Санкции при этом носили не только официальный характер (через атамана и станичный суд), но и неофициальный (самосуд, расправа).

У казаков существовали довольно жестокие виды наказания неверных жен. Уличенную в прелюбодеянии казачку гоняли по станице, привязанную за руки к телеге, при этом невестку били свекор, свекровь и муж [Шафранова 214: 201].

За супружескую измену также устраивалось «зимнее купание на аркане в про-рубви», особенно если мужу удавалось поймать жену с «блудодейником». Кроме того, «за продерзости, чужеложество и за иные вины, связав руки и ноги, и насыпавши за рубашку полные пазухи песку, и зашивши оную или с камнем навязавши, в воду метали и топили за несоблюдение честности» [Пушкарева 2009: 126].

К позорящим наказаниям жен, оказавшихся неверными при долговременном отсутствии мужей, относятся различные формы остракизма и незамечания жен после возвращения их супругов.

Женщина-казачка активно влияла на формирование духовной культуры. Все составляющие духовной культуры будь то обряды, празднества, народное творчество были не мыслимы без участия женщины. Сфера духовной культуры была неотделима от досуга. У казачек досуг и развлечения во многих своих проявлениях не были отделены от трудовой деятельности. Особое место в структуре досуга женщин занимали посиделки-вечеринки и разнообразные праздники. Всевозможные игры и развлечения составляли значительную часть праздничной культуры, без них не проходила ни одна праздничная вечеринка, и активными участницами этих игр являлись, как правило, молодые девушки и женщины.

Несмотря на то, что участие женщин в различных формах досуга регулировалось общественными институтами: семьей, церковью, станичным обществом, а поведенческие стереотипы, девочки и девушки отличались от стереотипов поведения замужней женщины или вдовы, все группы женщин принимали участие в различных формах досуга. Отдых имел восстановительный характер после выполнения трудоемких операций в хозяйственной деятельности.

Досуг женщины зависел от многих факторов. Несомненно, определяющими здесь являлись возрастные особенности. Наиболее развит был досуг среди молодежи. Девушки-казачки примерно с 15–18-летнего возраста имели право посещать улицу, участвовать в вечеринках, посиделках, в хороводах.

Особое место в структуре досуга у терских казаков занимали посиделки-вечеринки. При проведении вечеринок, несомненно, учитывались возрастные и половые признаки. Широко были распространены совместные вечеринки-посиделки, где обычно собирались девушки и юноши вместе. Общение на посиделках имело для женщин-казачек огромное значение, так как там происходил постоянный обмен информацией, которая, безусловно, расширяла их кругозор. Широкое распространение имели вечеринки перед свадьбой в доме невесты, на которых собиралась станичная молодежь.

Особое место в структуре женского досуга занимали праздники, которые в той или иной степени были связаны с календарной обрядностью. С наибольшим размахом отмечались зимне-весенние праздники. Во всех праздниках самое активное участие принимали девушки. Круг общения замужних женщин обычно ограничивался родственной и соседской средой [Мутиева 2004].

В начале XX в. ситуация в стране изменилась. Россия шла по пути модернизации, затронувшей и семейные отношения. Расширялась сфера женской ответственности. Казачка не только вела дом и воспитывала детей, но и заменяла мужа в хозяйстве в периоды военных сборов или войн. Во всех сферах жизни казачьего сообщества женщина становилась консолидирующим элементом формирования хозяйственной, культурной и духовной жизни казачества. Это рождало в ней чувство уверенности в своих силах, самостоятельности, независимости, то есть черты, которыми не обладает женщина в патриархальном обществе. Намечался определенный конфликт в самосознании, который особенно углубился в годы Первой мировой войны и революции 1917 г.

Источники и литература

1. *Акоева Н.Б.* К проблеме социально-семейного положения кубанских женщин-казачек в конце XVIII – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34 (135). С. 18–24.
2. *Бутова Е.* Станица Бороздинская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 3–156.

3. *Варивода Н.В.* Колонизационная политика России на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XX в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2019. 144 с.
4. *Власкина Т.Ю.* Статус и правовое положение казачек Дона на рубеже XIX–XX вв. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках. Сборник статей международной научной конференции. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2008. С. 51–56.
5. *Годовова Е.В.* «Им досталась воля да казачья доля»: образ казачки XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2 (99). С. 118–122.
6. *Мозговая-Гирянская Н.Н.* Семейные традиции и обычаи у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2011. Вып. 7. С. 155–168.
7. *Мутиева О.С.* Женский фактор в горско-казачьих отношениях в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. С. 217–223.
8. *Мутиева О.С.* Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. 159 с. URL: <http://www.dissertat.com/content/rol-zhenshchiny-kazachki-v-zhizni-naseleniya-nizhnego-tereка-v-xix-nachale-xx-vv#ixzz2SMUk7sKk> (дата обращения: 10.07.2020).
9. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.
10. *Покко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.
11. *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1802). Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. Т. 1. 383 с.
12. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
13. *Пушкарева Н.Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120–134.
14. *Растатурин В.И.* Образ казачки в модели жизненного цикла исторической памяти // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2012. Вып. 8. С. 152–159.
15. *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1981. 350 с.
16. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик: Эль-Фа, 2014. 240 с.
17. *Цыбулькинова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография. Армавир: Полипринт ИП Чайка А.Н., 2012. 236 с.
18. *Цыбулькинова А.А.* Формирование боевых навыков у казачек Кубани в конце XVIII – середине XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар; Армавир, 2004. С. 57–59.
19. *Шафранова О.И.* Положение женщин в северокавказских обществах во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 200–203. URL: <http://www.gramota.net/editions/3.htm> (дата обращения: 18.10.2020).
20. *Щупленков О.В.* Были бы казачки – казаки будут // Альманах «Казачество». 2016. № 19. С. 26–37.

VALUE ATTITUDES AND BEHAVIORAL STEREOTYPES OF THE COSSACKS OF THE NORTH CAUCASUS AT THE LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Varivoda Natalya Vladimirovna, Researcher of the Sector of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), variks1@yandex.ru

The article examines the worldview and behavior, values and stereotypes, social and individual orientations of Cossack women in the North Caucasus in the late XVIIIth – early XXth centuries. It is shown that the Cossacks were characterized by such value priorities as a sense of

national pride and blood closeness to fellow tribesmen, self-esteem, along with respect for the human person and for elders. The reasons for the initial formation of a militarized worldview and behavior among the Cossacks are revealed. The features of the evolution of female mental and behavioral attitudes towards adequate resistance to the military threat, including the change in gender stereotypes towards the strengthening of masculine traits among Cossacks in social and economic activities, have been investigated.

Keywords: Cossack woman, woman, North Caucasus, values, behavioral stereotypes, Cossacks, worldview, everyday life, village society, family.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-41-48

ЮВЕЛИРНЫЕ И ОРУЖЕЙНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–XX вв.)

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

В статье исследуется состояние оружейных и кустарных промыслов в Нальчикском округе во второй половине XIX – начале XX вв. Предпринимается попытка определения характера и особенностей их развития в пореформенный период в условиях складывания рыночных отношений. Устанавливается, что в середине 60-х годов XIX в., с завершением Кавказской войны и демилитаризацией региона, оружейное производство в Кабарде практически оказалось на грани исчезновения. Отмечается, что в связи с падением спроса на оружие, немногие оставшиеся мастера вынуждены были либо полностью оставить занятия промыслами и сосредоточиться на сельском хозяйстве, либо осуществить конверсию производства, перейти на выделку «мирных» ювелирных изделий. Это явилось основной причиной резкого сокращения числа местных оружейников-ювелиров. Делается вывод, что сохранению и возрождению оружейного и ювелирного дела в округе в значительной мере способствовали два фактора – осуществленная местными мастерами конверсия производства и набирающий обороты в крае курортный бизнес.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Нальчикский округ, оружейный промысел, ювелирное дело, конверсия производства, торговля, товарность, рынок.

Традиционная экономика кабардинцев и балкарцев, несмотря на свою многоукладность, вплоть до реформ 60-х годов XIX в. оставалась натуральной. Все самое необходимое для себя и своего хозяйства местный крестьянин производил сам. На рынок, как правило, поступали излишки произведенной продукции. Ремесло и кустарные промыслы также имели низкую рыночную ориентацию, традиционно оставаясь объектом натурального обмена.

Даже оружейное ремесло, несмотря на отмечаемое многими исследователями высокое качество изделий, было слабо связано с рынком. Отсутствовали специализация и разделение труда. Все необходимое – отковки клинка, до последней гайки рукояти, местный умелец изготавливал сам с помощью простейших, не менявшихся столетиями, инструментов. Он же осуществлял и украшение оружия серебром и чернью, доводя конечный продукт до совершенства. Кабардинский оружейник, как правило, это кузнец, слесарь и ювелир в одном лице. Это обстоятельство было подмечено и прокомментировано чиновником Терской администрации Вертеповым, долгие годы занимавшегося сбором и анализом областной статистики кустарных промыслов. Одна из первых особенностей – пишет автор, которые бросаются в глаза исследователю туземного оружейного производства, это полное отсутствие прогресса и даже стремления к нему. Форма ручки, клинка, какой-нибудь гайки и даже гвоздя, способ закалки, узор высебки – все это повторяется до мельчайших подробностей на каждом новом изделии, выходящем из рук одного и того же мастера [Вертепов 1897: 19]. Вместе с тем, комментарий Вертепова нельзя считать полностью беспристрастным. По долгу службы чиновник был

обязан отстаивать интересы развивающегося российского промышленного капитализма, и само наличие местных кустарей для него всего лишь мелкая помеха на пути прогресса.

Тем не менее, кабардинское «белое оружие» издревле высоко ценилось и за пределами Кавказа, и даже удостоилось чести быть представленным в собрании коллекций императорского Эрмитажа. В описании экспонатов «турецкой комнаты», первый директор и хранитель Ф. Жиль отмечает: «Кабардинцы ныне вполне покорились России, но их оружие и одежды еще господствуют на Кавказе» [Жиль 1860: 195]. И далее, имея в виду оружие, захваченное в боях на Кавказе: «...слово кабардинский, может быть прилагается ко всему, что касается народов, называемых черкесами или чеченцами...» [Жиль 1860: 198].

В середине 60-х годов XIX в., с завершением Кавказской войны и демилитаризацией региона, оружейное производство в Кабарде практически сходит на нет. Сложные, порой трагичные события, сопровождавшие процесс «замирения горцев», обусловили не только резкий спад спроса на оружие, но и изменили культуру потребления в оружейной сфере у народов Кавказа. Замкнутые в сфере земледелия и скотоводства, Кабарда и Балкария лишаются последних кустарей – оружейников, вынужденных оставить свое ремесло и взяться за мотыгу. Преодолеть эту социально-экономическую травму местные мастера так и не смогут. Впоследствии, вплоть до начала XX в., все документально зафиксированные кабардинские оружейники, кузнецы, седельщики и проч., наряду с занятием ремеслом, продолжали активно вести сельское хозяйство. В случае отходничества или иных причин, мешающих лично заниматься хозяйством, мастера нанимали временных работников.

Как уже было отмечено выше, во второй половине 60-х гг. XIX в. оружейное производство в Кабарде почти полностью прекратилось. Лишь в докладе начальника Малокабардинского участка (январь 1866 г.) содержатся сведения о мастерах, которые по-прежнему «делают пистолеты, кинжалы, шашки и винтовки», но «все, что готовится – в весьма малых количествах» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 5–6 об.]. Начальники других участков округа вообще не упоминают этот вид народных промыслов. Запрет на хранение и ношение холодного, и тем более огнестрельного оружия, введенный администрацией на территории Терской области, подорвал и без того пошатнувшиеся позиции кабардинских оружейников и ювелиров. Поэтому не удивительно, что в 1876 г. во всем 1-м участке Нальчикского округа имелся всего 1 ювелир, 11 золотых и серебряных дел мастеров с 6 учениками [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 об.], в 3-м и 4-м участках имелось золотых и серебряных дел мастеров, соответственно, – 4 [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 18] и 8 [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 48 об.]. Во 2-м и 5-м участках наличие мастеров не зафиксировано вовсе. Возможно, кому то из этих редких специалистов в январе 1883 г. было поручено по решению съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ для подарка Александру III «изготовить собственного изделия шашку для поднесения Государю Императору в день священного коронавания» [Прасолов 2019: 150].

В 1886 г. областные власти были озабочены проникновением на местные рынки изделий из фальшивых драгметаллов, в связи с чем на места были разосланы специальные циркуляры, требующие уточнить количество имеющихся ремесленников. Благодаря этому обстоятельству до нас дошли некоторые сведения о численном составе оружейников и ювелиров Нальчикского округа.

В своем рапорте в Канцелярию Начальника Терской области заместитель начальника Нальчикского округа докладывал: «удостоверяю, что производителей золотых и серебряных изделий канительного товара и изделий из металлов похожих по наружному виду на золото и серебро в Нальчикском округе нет, за исключением только лиц, занимающихся отделкой оружия под серебро и золото» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 133].

Об отсутствии «производителей золотых и серебряных изделий канительного товара и изделий из металлов похожих по наружному виду на золото и серебро в туземных селениях» докладывали приставы 1 и 5 участков. Начальник 3-госообщал, что на вверенной ему территории есть лишь мастера, занимающиеся «обковкой оружия под серебро и золото, но «производителей изделий из металлов, похожих на золото и серебро нет» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 138].

В соответствии с рапортом начальника 2-го участка, там имелось 5 мастеров, занимающихся производством «золотых и серебряных изделий», причем, все они находились в Урусбиевском обществе. Двое мастеров – отходники из Казикумухского округа, остальные – местные жители – Конак Гулиев, Зеке Гулиев и Хусейн Тибердиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 136].

Как видно из вышеприведенных документов, оружейное и ювелирное дело в округе находилось в затянувшемся кризисе. Кабардинские и балкарские мастера к концу 80-х годов XIX в. не только не смогли восстановить объемы довоенного производства, но и оказались не готовы к новым условиям, диктуемым капиталистическим рынком. После того, как кремневые ружья и пистолеты утратили свое прежнее значение и стали уступать место более современным промышленным образцам, само собою должно было прекратиться и производство серебряной оправы, которой горцы любили украшать свои ружья и пистолеты. Последние и теперь – пишет Вертепов, еще встречаются в продаже с дорогой серебряной оправой, но все они старой работы, пистолетов с оправой современной работы в продаже вовсе нет. Вместе с азиатским огнестрельным оружием утратили значение свое и такие боевые принадлежности, как газыри, сальницы, натруски, отвертки, шила и проч. Все это горец и казак носили на груди и поясе, на виду у всех, и потому, по кавказской привычке, богато отделывали в серебре.

Производство холодного оружия – шашек и кинжалов также падает количественно и качественно. Соответственно падает спрос и на отделку и оправу их в серебро [Вертепов 1897: 23–24]. Высококачественное оружие стало редким и его наиболее ценные экземпляры оставались только в семейных коллекциях. Не удивительно, что для подарка кабардинского общества Александру III, проезжавшему в сентябре 1888 г. через Владикавказ, «старинную фамильную шашку» для подношения императору предоставили наследники князя Асламбека Атажукина. Высоко оценив этот широкий жест, кабардинские доверенные постановили списать с Атажукиных долги Общественной сумме [Прасолов 2019: 151].

В связи с падением спроса на оружие, немногие оставшиеся мастера вынуждены были либо полностью оставить занятия промыслами и сосредоточиться на сельском хозяйстве, либо попытаться найти свою нишу в условиях наступающего рынка и осуществить конверсию производства, перестроившись на выделку «мирных» ювелирных изделий. По-видимому, это и явилось основной причиной резкого сокращения числа местных оружейников-ювелиров. На освободившиеся места приходят отходники из Дагестана и Закавказья.

В последующие десятилетия ситуация постепенно выправляется и связано это, прежде всего, с развитием курортного дела на Кавказе. Увеличившийся поток отдыхающих и туристов подстегнул почти исчезнувшие кустарные промыслы, в том числе, и оружейно-ювелирное производство. Заезжая публика охотно скупала изделия местных мастеров в качестве сувениров. Все внимание современного мастера, отмечает Вертепов, сосредоточено на внешней отделке и оправе ножен, то и другое доведено до совершенства и, по-видимому, вполне удовлетворяет кавказского и заезжего покупателя, которым, в большинстве случаев, шашка нужна не столько в качестве оружия, сколько в качестве необходимой принадлежности костюма или украшения кабинета [Вертепов 1897: 18–19]. Растущий спрос на такую продукцию привел к тому, что к 1893 г. в Нальчикском округе имелось

уже 129 кузнецов (один кузнец на 723 человека), а объем производства составил 5685 р. [Вертепов 1897: 9].

Естественно, что большинство мастеров переносит свои мастерские в города и станицы, где вероятность сбыть свой товар выше. Вертепов фиксирует там «главный контингент» серебряков (ювелиров) и оружейников составляют горцы (отхожие кустари). Этот факт он объяснял «стремлением производителя работать ближе к рынкам сбыта – ярмаркам и постоянным базарам». К 1893 г. во всей Терской области официально насчитывалось серебряков – 251, и оружейников – 216, с годовым оборотом, соответственно, 48033 и 15120 рублей, соответственно [Вертепов 1897: 7–8].

Из данных, опубликованных Вертеповым, видно, что специалисты – оружейники по числу душ занимают третье место, а по сумме производства – четвертое. Автор обращает внимание на тот факт, что значительное число «туземных кузнецов и слесарей занимаются починкой оружия, а при случае и выделкой такового и что серебряные изделия находятся в непосредственной близости с оружейным промыслом [Вертепов 1897: 8]. В Нальчикском округе насчитывается уже 14 оружейников, с совокупным доходом в 1075 рублей. Один оружейник на 6225 человек населения.

Следует отметить, что в более выигрышном положении оказались те мастера, которые предпочли сосредоточиться на ювелирном производстве. Раньше этот промысел существовал не самостоятельно, а как необходимое дополнение к оружейному, серебряки занимались почти исключительно оправой оружия и боевых принадлежностей горца в серебро и золото. Прихотливые узоры резьбы и оригинальная «чернь», которыми кавказские серебряки покрывают свои изделия, придавая им своеобразную прелесть восточного характера, обратили на себя общее внимание. Под влиянием рыночных отношений мастера вынуждены менять ассортимент конечной продукции. В этом отношении серебряк далеко опередил оружейника; от предметов, имеющих непосредственное отношение к оружию и воинственной жизни местного населения, он постепенно переходит к «предметам мирной домашней обстановки: ложечкам, рюмочкам, мундштукам и разным ценным безделушкам в виде брошек, колец, запонок, брелочков и т.п. [Вертепов 1897: 22–23]. Собственно в Терской области число серебряков к 1893 г. было относительно не велико – 251 человек. Из них на Нальчикский округ приходилось 47 мастеров, с совокупным годовым доходом в 4630 рублей [Вертепов 1897: 23].

Среди богатого разнообразия изделий серебряков ведущие позиции сохраняла оправа и отделка оружия; затем набор для сбруи, металлические украшения горского женского костюма (пояса и нагрудники) и разные мелкие вещи.

Производство мелких серебряных изделий, не имеющие отношения к оружию, находилось в более благоприятных условиях для своего развития. Спрос на эту продукцию увеличивался с каждым годом. «Их оригинальная ручная работа гарантирует им исключительное положение вне всякой конкуренции на рынке; прочность огневой позолоты, кавказская «чернь», и своеобразная узорчатая резьба резко выделяют их из общей массы однородных изделий» [Вертепов 1897: 25]. Стоимость таких изделий, как правило, оставалась относительно невысокой: всякого рода оправы, набор для сбруи и кавказских поясов оценивалась обыкновенно по весу: 50 коп. Золотник черненного серебра и 75 коп. с позолотой; мелкие же изделия – поштучно, смотря по весу и качеству работы [Вертепов 1897: 25–26]. Средний годовой заработок серебряка по Терской области составлял 192 рубля. В Пятигорске 395 рублей, а в Нальчикском округе – 100 рублей [Вертепов 1897: 26]. Разница в заработках мастеров объясняется близостью к наиболее перспективным рынкам сбыта, как известно, к концу XIX в. Пятигорск превращается в один из самых популярных курортов Кавказа, потому неудивительно, что многие кабардинские мастера стремились перенести свое производство именно туда.

Газета «Южный Край» в 1905 г. советовала своим читателям из числа отдыхающих на Кавказских Минеральных Водах, оказавшись в Пятигорске, непременно приобрести в качестве сувениров «единственный более оригинальный товар» – кабардинские трости. Данный товар поступал в лавки города в двух вариациях. «Толстые кизилловые, необыкновенно тяжелые с металлическими инкрустациями, довольно грубо сделанными – и более тоненькие черного дерева с серебряными набалдашниками с чернью» [Южный Край 1905: № 8526]. Последние были значительно дороже кизилловых. «Те узоры чернью, которыми так недавно украшали только рукояти шашек и пояса, нашли теперь более мирное назначение для тросточек туристов и курсовых» – отмечает автор заметки. Набалдашники эти имеют столь большой сбыт, что пятигорские кабардинцы не успевают их изготавливать в достаточном количестве и в нынешнем году готовят уже набалдашники очень маленькие только бы успеть удовлетворить спросу покупателей [Южный Край 1905: № 8526].

К 1911 г. в округе складывается устойчивая специализация на, собственно, золотых и серебряных дел мастеров, занимавшихся преимущественно изготовлением и украшением предметов холодного оружия, ногаек и проч., ювелиров, специализирующихся на украшениях, часовщиков, занимающихся ремонтом золотых часов и изделий и торговцев – содержателей лавок и магазинов, имевших патент на торговлю изделиями из драг металлов.

В 1-м участке:

сел. Бабуково – кумык А. Магометов

сел. Коново – кумык М. Ама-Оглы [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 833. Л. 28].

Во 2-м участке:

Сл. Нальчик

1. Спиридон Тер-Миносянц – мастерская

2. Григорий Назаретов – мастерская

3. Хаджи Магомет Топчиев – мастерская

4. Андроник Вигоянц – мастерская

5. Артем Даногонянц – мастерская

6. Григорий Петроянц – мастерская

7. Гасан Кайдаров – мастерская

8. Яков Гаспаров – магазин

9. Исай Ханукаев – магазин

10. Павел Бондарчук – часовщик

В сел. Гунделен:

1. Ш. Мама-Оглы – мастерская

2. Ж. Заиу-Оглы – мастерская [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 833. Л. 31].

Урусбиевское общество

1. Гамза Ахмет-Оглы – мастерская

2. Р. Абакар-Оглы Магатаев – мастерская.

В 3-м участке:

1. А. Магомед-Оглы (житель сел. Кумух Дагестанской области) держал мастерскую в Кайсын-Анзорово.

2. А. Ахмед-Оглы (житель сел. Хурхи Дагестанской области) содержал мастерскую в сел. Мисостово.

3. «Житель того же селения и области» У. (неразб.) в сел. Коголкино.

4. Житель сел. Кумух И. Магомет-Оглы в сел. Коголкино.

В 4-м. участке:

1. С. Куша-Оглы – в сел. Астемирова
2. А. Косендар-Оглы – сел. Бороковском
3. М. Косендар-Оглы в сел. Абаевском [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 833. Л. 34].

Всего в 1911 г. по округу было официально зарегистрировано, а значит имели необходимые документы на право занятия данным видом предпринимательства, 23 мастерские, 2 магазина и 1 часовщик. Мастерские оружейников находились в селениях Бабуково, Коново, Коголкино, Мисостово и др. В Кайсын-Анзорово, Генделене и Урусбиевском обществе имелось по 2 мастерских. Наибольшая концентрация наблюдается в Нальчике, где помимо 7 мастерских располагались ювелирные магазины Якова Гаспарова и Исая Ханукова. Здесь же находился и единственный на весь округ часовщик – Павел Бондарчук [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 31].

Примечательно, что среди 23 содержателей ювелирных и оружейных мастерских не встречается ни одного кабардинца или балкарца. Русский – только часовщик Бондарчук. Оружейники, в основном, ремесленники – отходники из Дагестана, ювелиры – армяне, владельцы магазинов – евреи.

В последующие годы, число золотых и серебряных дел мастеров, как и торгующих ювелирными изделиями увеличилось почти в два раза. На 1 февраля 1915 г. Пробрер Терской и Дагестанской областей утвердил разрешения на торговлю золотыми и серебряными изделиями 40 предпринимателям Нальчикского округа. В официальном уведомлении по этому поводу уточнялся профессиональный список получивших разрешительные документы: «золотых и серебряных дел мастера, часовщики, владельцы ломбардов и торгующим золотыми и серебряными изделиями и часами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 907. Л. 79].

Следует отметить, что этот документ вызвал крайнее раздражение начальника округа, так как количество полученных патентов было значительно меньше необходимого. Только на слободу Нальчик первоначально запрашивалось 18 комплектов разрешительных документов. В списке получивших патенты за 1915 г., мы встречаем имена кабардинских мастеров. Это Беслан Пшихачев и М. Бжахоконов, чьи мастерские находились в селении Наурузово, Салех Дешеков – Панагов из Исламово и др. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 907. Л. 99–99 об.].

Таким образом, можно констатировать, что к началу XX в. оружейное и ювелирное производство в Нальчикском округе смогло выйти из затянувшегося кризиса, вызванного завершением Кавказской войны и необходимостью встраиваться в новые рыночные отношения. Уже в первых десятилетиях двадцатого столетия местные кустарные промыслы смогли осуществить конверсию своего производства и освоили выпуск новой продукции. Изделия кабардинских мастеров, отличительной чертой которых являлось высокое искусство в чернении серебром и огнем золочении изделий, в новых рыночных условиях нашло своего потребителя. Несомненно, что основную позитивную роль в этих процессах сыграло развитие курортного предпринимательства в Крае и близость округа к основным туристическим центрам. Возрожденные ремесла втягивают в свою орбиту все большее число местной молодежи. Архивные документы свидетельствуют, что наблюдавшийся в конце XIX в. процесс замещения в кабардинских и балкарских селениях местных мастеров пришлыми отходниками из Дагестанской области был приостановлен. Кабардинцы и балкарцы не только сохранили свои традиционные народные промыслы, связанные с оружейным и ювелирным делом, но и смогли успешно встроиться в новые экономические реалии.

Источники и литература

1. *Вертепов Г.А.* Очерки кустарных промыслов в Терской области. / Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С. 1–35
2. *Жиль Ф.* Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору. СПб., 1860. 368 с.
3. *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 208 с.
4. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.
5. Южный Край. № 8529. 1905.

JEWELRY AND WEAPONS CRAFTS IN THE NALCHIK DISTRICT (SECOND HALF OF THE 19th–20th CENTURIES)

Dzughanov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and New History Sector of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzughanov@mail.ru

The article examines the fate of arms and handicrafts in the Nalchik region in the second half of the 19th – early 20th centuries. An attempt is made to determine the nature and characteristics of their development in the conditions of the post-reform period and the formation of market relations. It is established that in the mid-1860s, with the end of the Caucasian War and the demilitarization of the region, arms production in Kabarda is practically on the verge of extinction. It is noted that due to the fall in demand for weapons, the few remaining craftsmen were forced to either completely abandon their occupations in crafts and concentrate on agriculture, or to carry out the conversion of production, switch to the manufacture of «peaceful» jewelry. This was the main reason for the sharp decline in the number of local gunsmiths and jewelers. It is concluded that the preservation and revival of arms and jewelry in the district was largely facilitated by two factors – the conversion of production carried out by local craftsmen and the resort business that is gaining momentum in the Territory.

Keywords: Kabardian, balkars, Nalchik district, arms industry, jewelry business, conversion of production, trade, marketability, market.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-49-55

СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ОРУДИЯМИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1925–1929 гг.

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

В статье анализируются источники и литература, характеризующие различные аспекты снабжения населения Кабардино-Балкарии орудиями сельскохозяйственного производства в 1925–1929 гг. В ней рассматривается снабженческая деятельность различных коопераций, в том числе наиболее значимых, как Кабардино-Балкарский союз кооперативов, затем Каббалксоюз и Каббалкселькредсоюз, организованных на базе первого в январе 1925 г., отмечается, что с осуществлением коренной реорганизации системы кооперации в КБАО и возникновением самостоятельной специализированной кредитной сельскохозяйственной кооперации – «Селькредсоюз» снабжение области орудиями сельскохозяйственного производства улучшилось.

В статье основное внимание уделяется обеспечению сельского населения орудиями сельскохозяйственного производства, начиная от простого инвентаря и заканчивая сложными машинами, анализируются принимаемые областными органами власти решения по развитию снабженческой деятельности в Кабардино-Балкарии, приводятся статистические данные, характеризующие состояние обеспеченности населения КБАО сельскохозяйственным инвентарем, раскрываются основные проблемы и трудности в обеспечении населения орудиями сельскохозяйственного производства. При этом обращается внимание на внефондовые поступления сельскохозяйственных машин в область через частных лиц. Особенно покупкой таковых занимались наиболее зажиточные крестьяне.

В статье освещается роль сельхозкооперации в механизации сельского хозяйства КБАО, раскрывается динамика вытеснения зажиточных крестьян и кулаков из сферы торговли, а затем из процесса сельскохозяйственного производства посредством запрета кредитования их хозяйств.

Ключевые слова: крестьянство, сельскохозяйственная кооперация, снабжение, машинно-тракторная колонна, большевистская партия, борьба с кулачеством, коллективизация.

Вторая половина 20-х гг. прошлого столетия характеризуется принятием на XIV и XV съездах партии судьбоносных решений, определивших стратегию социально-экономического развития страны на длительную историческую перспективу. Решения съездов представляют собой план революционного переустройства постмонархической России на основе строительства социализма. Экономической основой осуществления этого плана явились индустриализация промышленности и коллективизация крестьянских хозяйств, которые были сопряжены с огромными трудностями, обусловленными многими факторами, в том числе и состоянием экономики на местах.

Известно, что в основе экономики Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период лежала сельскохозяйственная отрасль. Исследованием этой темы занимались ведущие историки и экономисты нашей республики. Они проанализировали разные аспекты проблемы аграрных преобразований в кабардино-балкарской

деревне. Одним из них был вопрос об обеспечении крестьян сельскохозяйственным инвентарем в восстановительный период и начале реконструкции сельского хозяйства в КБАО.

Известный экономист, доктор экономических наук Т.А. Жакомихов в монографии «История народного хозяйства Кабардино-Балкарии» раскрыл основные причины катастрофического состояния сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии в 20-е годы. С точки зрения автора монографии, наряду с другими факторами, основной причиной трудности восстановления народного хозяйства являлась нехватка сельскохозяйственного инвентаря. Он заострял внимание на архаичности и малопродуктивности имевшихся сельскохозяйственных орудий.

В монографии он проанализировал методы проведения коллективизации крестьянских хозяйств в области в соответствии с марксистско-ленинским пониманием всего комплекса проблем [Жакомихов 1967: 19–38].

В статье «К вопросу о техническом оснащении социалистического сельского хозяйства» он утверждал, что реконструкция сельского хозяйства и механизация процессов сельскохозяйственного производства происходили на основе и в неразрывной связи с индустриализацией страны, на базе создания и укрепления социалистического земледелия в форме колхозов и совхозов [Жакомихов 1955: 7].

Проблема обеспечения населения Кабардино-Балкарии орудиями сельскохозяйственного производства рассматривалась в монографии Р.Х. Гугова «Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР». Он обратил особое внимание на партийно-организационную работу в области и непосредственно связывал появления первых тракторов, молотилок, косилок и другой сельскохозяйственной техники в кабардино-балкарской деревне с укреплением в ней позиций областной партийной организации, поднятием роли партийных и комсомольских ячеек, сельских Советов, улучшением шефской работы профсоюзов и т.д.

С точки зрения автора указания XIV съезда партии о значении социалистического строительства в деревне сыграли решающую роль в усилении работы партийных и советских организаций области. Контролю за выполнением этих указаний был посвящен второй пленум Кабардино-Балкарского обкома партии, который состоялся в марте 1926 г. Здесь было принято решение обратить особое внимание на работу сельскохозяйственной и потребительской кооперации и обеспечить меры по их приближению к потребителю на основе изучения их потребностей [Гугов 1961: 63–64].

Вопрос снабжения сельского населения орудиями сельскохозяйственного производства в начале реконструктивного периода затрагивается в монографии А.К. Текуева «Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства». В работе автор показывает позитивную роль старых небольших предприятий в поднятии сельскохозяйственного производства. Такие предприятия, как Кабардинский крахмальный завод, госмельница № 2, Котляревский винокуренный завод и др., восстановленные и переоборудованные в первые годы индустриализации области, вступали в строй и стали перерабатывать сельскохозяйственную продукцию. Так, в конце 1926 г. начал работать завод по сушке кукурузы.

По мнению автора, большое значение в национальном строительстве области имел V областной съезд Советов, который состоялся в апреле – мае 1926 г. Он был посвящен обсуждению хода выполнения решений XIV съезда партии. Съезд охарактеризовал общественно-политическую ситуацию в области, отметил, что в результате успешного проведения политики партии в социалистическом строительстве повысилась трудовая и политическая активность трудящихся, укрепилось положение Советской власти в Кабардино-Балкарии. В результате она уверенно пошла по пути культурного и экономического возрождения.

А.К. Текуев отмечает оценку достижениям органов власти Кабардино-Балкарии, данную V-м съездом Советов в борьбе за культурное ведение сельского хозяйства. В решении съезда по данному вопросу было подчеркнуто, что «...в тяжелых условиях обостренной классовой борьбы и крайней экономической и культурной отсталости населения области, усугубленных рядом неурожайных лет и голодом, была проделана большая работа по тракторизации и механизации сельского хозяйства области, организации коллективных хозяйств, машинных товариществ и артелей» [Текуев 1960: 31–32].

Обеспечение крестьянских хозяйств сельскохозяйственным инвентарем занимает значительное место в монографии Х.М. Бербекова. Он рассматривает эту проблему через призму развертывания широкой сети государственных и кооперативных машинно-тракторных станций. По мнению автора этому способствовала организационно-политическая работа местных и областных органов власти, организация производственных совещаний, чья практическая работа сводилась к активному участию в учете и распределении сельхозмашин и других инвентарей сельскохозяйственного производства.

В работе Х.М. Бербекова подчеркивается, что механизации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии в значительной степени способствовало сооружение Мало-Кабардинского оросительного канала, оросившего 55 тыс. гектаров земли.

После завершения его строительства по решению Президиума Северокавказского крайисполкома здесь была организована первая машинно-тракторная станция. Вслед за ней была построена и Баксанская МТС [Бербеков 1963: 209–210].

Следует подчеркнуть, что все работы, проанализированные выше, были изданы в условиях господства коммунистической идеологии, которая накладывала глубокий отпечаток на все стороны жизни общества, в том числе и развитие исторической мысли. Тем не менее, трудно переоценить значение работ видных историков республики с точки зрения историографии и источниковедения истории Кабардино-Балкарии XX в.

В условиях постсоветской парадигмы появилась реальная возможность критического осмысления истории народов Кабардино-Балкарии, всестороннего анализа сложных социально-экономических и культурно-политических процессов. Решению этой многоаспектной задачи была посвящена кандидатская диссертация Н.С. Лавровой «Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века». В ней она осуществляет комплексное исследование аграрных преобразований кабардино-балкарской деревни на протяжении почти двух десятилетий, исследует социально-экономические основы Кабардино-Балкарии в период НЭПа. При этом она обращает особое внимание на становление и развитие кооперативного движения в области, видя в нем надежный инструмент перевода крестьянских хозяйств на путь социалистического развития через кооперацию.

В диссертации рассмотрены и другие вопросы, связанные с аграрными преобразованиями на селе, в том числе с обеспечением крестьянского населения Кабардино-Балкарии орудиями сельскохозяйственного производства. В работе отмечается помощь центральных органов власти в деле восстановления экономики области после гражданской войны. «Только в 1920 году крестьянам Кабарды было отпущено через сельхозкооперацию около 2 тысяч сельхозмашин и 445 тысяч пудов семян, что помогло засеять весной 1921 года 57888 десятин земли» [Лаврова 2004: 26]. Однако здесь имеются в виду не трактора и другие сельскохозяйственные машины, а обычные инструменты для ручной работы: вилы, лопаты, грабли и т.д., а также сохи, бороны, плуги, конные грабли и др. для обработки земли с использованием тягловой силы.

В кандидатской диссертации З.Х. Соблировой «Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии

(1922–1929 гг.) подчеркивается важность кооперирования маломощных крестьянских хозяйств о чем свидетельствует резолюция «О кооперации», принятая на XIII съезда РКП(б) в мае 1924, в которой отмечается, что: «ввиду огромного хозяйственного и культурного значения кооперации, должно быть уделено особое внимание развитию ее в национальных республиках и областях СССР путем организационной и материальной помощи со стороны государства, его госорганов, а также кооперативных центров и вовлечения местного населения в кооперативное строительство» [Соблирова 2016: 139].

В работе автор показывает роль и место комитетов крестьянской взаимопомощи в создании материально-технической базы кооперативных организации и обществ в области. По данным З. Соблировой на октябрь 1925 г. в КБАО было зарегистрировано 56 коллективных хозяйств: 18 товариществ по совместной обработке земли, 11 кредитных, 13 машинных товариществ и др.

Как подчеркивается в работе, постановление ЦК ВКП(б) «О сельскохозяйственной кооперации», принятое 19 августа 1926 г., сыграло большую роль в переводе крестьянских хозяйств на социалистический путь развития. Важнейшей задачей, вытекавшей из данного постановления, являлось усиление работы по производственному кооперированию и коллективизации бедняцких хозяйств путем создания простейших объединений (машинные, тракторные товарищества по совместной обработке земли т.д.) [Соблирова 2016: 141].

В учебном пособии «История Дона и Северного Кавказа (1917–2000)» проблеме коллективизации крестьянских хозяйств в регионе отводится раздел, в котором рассматривается вопрос обеспечения колхозов сельскохозяйственным инвентарем на завершающем этапе коллективизации сельского хозяйства [История Дона и Северного Кавказа 20014: 116–127].

В середине 20-х гг. завершился восстановительный период, и начался новый этап дальнейшего социально-экономического развития. Для Кабардино-Балкарии, чья экономика базировалась почти исключительно на аграрном производстве, это означало необходимость более интенсивного ее насыщения сельскохозяйственными. Без решения этого вопроса невозможно было осуществить увеличение объемов сельскохозяйственной продукции, необходимой, прежде всего, для обеспечения потребностей населения, пережившего голод 1921 и 1924 гг., и восстанавливающей промышленности, а также выполнения экспортного плана, являвшегося главным источником для осуществления индустриализации. В реализации этого плана главная роль отводилась кооперации, чья роль в русле проводимой политики усиливалась и становилась эффективным инструментом осуществления экономической смычки между городом и деревней.

Так, состоявшийся в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) поставил перед кооперацией задачу обеспечения прочной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью [КПСС в резолюциях... 1984: 233].

Следует подчеркнуть, что кооперативное движение в Кабардино-Балкарии в первой половине 20-х гг. прошло трудный путь развития, отражая зеркально сложность и противоречивость аграрных преобразований в деревне.

Простейшие формы кооперации: потребительская, промысловая, снабженческо-сбытовая, кредитная, сельскохозяйственная и др. кооперативы появились в годы новой экономической политики, когда торговля выступала связующим звеном в налаживании прочной экономической связи между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

По мере того, как восстанавливались производственные силы сельского хозяйства, и росла его товарность, стали возникать специальные производственно-сбытовые кооперативы. Этот процесс вызвал необходимость возникновения специализированных союзов и кооперативных центров. Этим объясняется создание Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации – «Сельскосоюз» в

августе 1921 г. Вскоре появились Юго-Восточный сельскохозяйственный союз и Кабсоз. Последний объединил 27 потребительских обществ [Текуев 1960: 21].

13 января 1923 г. Президиум ЦИК КБАО рассмотрел вопрос об организации в Кабардино-Балкарии отделения Юго-Восточного союза сельскохозяйственных кооперативов, как руководящего органа сельскохозяйственной кооперации в КБАО [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 74. Л. 10]. Он утвердил организацию Кабардино-Балкарского отделения Ювсельсоюза. Однако оно не оправдало ожидания руководства области.

После неоднократного обсуждения вопроса о состоянии кооперативного движения в КБАО на пленумах и конференциях областного комитета ВКПБ(б) и ОБЛЦИКа было принято решение объединить существовавшие к этому времени кооперативные центры «Кабсоюз», «БалкЕПО» и отделение «Ювсельсоюза». 16 февраля 1924 г. решением пленума Кабардино-Балкарского областного ЦИКа был создан Кабардино-Балкарский союз кооперативов, а собрание уполномоченных, состоявшееся 21 апреля 1924 г. юридически оформило это объединение. Также были объединены два государственных заготовительных органа – Госторг и Хлебопродукт в один Госторг.

В результате создания кооперативного союза область добилась значительных успехов в организации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарской области [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–12]. Однако вследствие восстановления сельского хозяйства и роста товарности сельскохозяйственной продукции возникла необходимость в разграничении функций кооперации и образования двух самостоятельных союзов: Каббалксоюза и Каббаккредсоюза [Бербеков 1963: 145]. Такое разграничение состоялось 1 августа 1925 г. и кредитная сельскохозяйственная кооперация, как самостоятельная структура, выделилась из Кабардино-Балкарского союза кооперативов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 62]. Этот процесс ускорил производственное кооперирование крестьянских хозяйств, и укрепление экономической основы села. Уже к концу восстановительного периода в Кабардино-Балкарии участились случаи, когда в одном и том же селении крестьяне организовывали две кооперации – и потребительскую и сельскохозяйственную [История Кабардино-Балкарской АССР: 129].

Еще до проведения реорганизации наиболее развитой формой кооперации была потребительская. Она обеспечивала население области товарами широкого потребления с быстрым и динамичным денежным оборотом. Одновременно потребительская кооперация занималась и приобретением сельскохозяйственных орудий производства, но менее успешно. Видимо, с этим было связано, что «в 1925 году на Северном Кавказе было 81,5% хозяйств без сложных уборочных машин, а без пахотных машин насчитывалось 55,8% крестьянских хозяйств» [Лаврова 2004: 31]. Можно не сомневаться, что эти статистические данные интерполируются и на положение области с точки зрения обеспечения крестьянских хозяйств сельскохозяйственным инвентарем. Тем более положение в горных районах Северного Кавказа в этом сегменте сельскохозяйственного производства значительно было хуже, чем в зерновых районах на плоскости.

С осуществлением коренной реорганизации системы кооперации в КБАО и возникновением самостоятельной специализированной кредитной сельскохозяйственной кооперации – «Селькредсоюз» снабжение области орудиями сельскохозяйственного производства несколько улучшилось.

В 1924 г. в условиях неурожая и голода Наркомзем в качестве помощи в Кабардино-Балкарию прислал 20 тракторов, а Цетросоюз открыл кредит крестьянству области на сельскохозяйственные машины [Сельское хозяйство: 126].

Появление их в Кабарде, насчитывавшей 51% безлошадных хозяйств, было встречено трудящимся крестьянством с большой радостью. Однако, как пишет Н. Лаврова, из-за отсутствия трактористов техника простаивала. В связи с этим

было принято решение о проведении краткосрочных курсов для подготовки трактористов, что было реализовано в ходе углубления и расширения кооперативного движения в области.

В обеспечении сельского хозяйства механизаторскими кадрами большую роль сыграл Ленинский учебный городок, где в марте 1926 г. состоялся выпуск 105 трактористов-рулевых. В результате сформировался отряд квалифицированных механизаторов, который был распределен по округам. Тем не менее, еще остро ощущалась нехватка механизаторских кадров, не хватало 56 трактористов. В связи с этим в мае того же года был произведен набор на курсы трактористов. Спустя некоторое время вновь состоялся новый набор на курсы трактористов, и Ленинский учебный городок принял на подготовку трактористов еще 35 человек, преимущественно из числа членов сельскохозяйственных кооперативов, демобилизованных красноармейцев и бывших красных партизан [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 61].

Следует подчеркнуть особую роль комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВы, с 1924 г. КОВы) в восстановлении народного хозяйства в Кабардино-Балкарии. Они были основными источниками финансирования в приобретении сельскохозяйственного инвентаря для кооперированных крестьянских хозяйств. Об этом свидетельствует акт обследования комиссией КрайКОВа работы Кабардино-Балкарского областного ККОВа от 19 января 1926 г. В нем говорится о достижениях за год работы облКОВа, которые при лучших условиях работы могли бы быть и во много больше. Так, по данным этой комиссии в 1925 г. ККОВы области приобрели 13 тракторов, 4 молотилки, 27 сапеток для кукурузы, 6 амбаров для пшеницы, 8 сеялок, 3 сноповязалки, 6 триеров. Внесены задатки на покупку 50 тракторов, 6 молотилок и 2 сноповязалок. В акте подчеркивается, что в виду того, что фонды забронированы на механизацию, есть основания предполагать, заказы на трактора увеличатся [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 6].

По другим источникам в 1924/25 хозяйственном году у КОВов Кабардино-Балкарии было 14 тракторов. В 1926/27 хозяйственном году их стало 80, т.е. за два года КОВы области приобрели 66 тракторов. По тем же источникам на 1 марта 1926 г. в области имелось 153 трактора [Текуев 1960: 38]. Однако нет сведений о том, сколько из них было приобретено за счет государства, и сколько за счет единоличных хозяйств. Можно только предположить, что, учитывая львиную долю из этого количества тракторов, принадлежавшую ККОВам и КОВам, а также наличие у многих единоличников сельскохозяйственной техники, вряд ли на этом этапе государство принимало активное участие в приобретении сельскохозяйственной техники для нужд кооперированных крестьянских хозяйств Кабардино-Балкарии. Его роль в техническом обеспечении стала заметной в марте 1926 г., когда области был отпущен долгосрочный кредит в объеме 1200000 рублей для механизации. В том же году область приобрела сельскохозяйственную технику на сумму 650000 рублей.

В 1925 г. на финансирование сельскохозяйственной кооперации было отпущено 277 тыс. рублей. Кооперативы приобрели 102 трактора, было также организовано 6 машинопрокатных, зерноочистительных пунктов. На 1 октября в области было зарегистрировано 56 коллективных хозяйств в том числе: 18 товариществ по обработке земли, 11 кредитных, 13 машинных товариществ и других объединений [Бербеков 1963: 145].

В 1925 году, по данным того же автора «ККОВы оказали помощь в запашке и уборке 3948 маломощным хозяйствам и выдали семенные ссуды 2603 беднякам. Они имели 73 трактора, 15 сеялок, 10 сноповязалок, 14 молотилок, 20 триеров и 157 орудий и сельхозинвентаря». К началу 1926 г. область имела тракторов – 169, буккеров – 4423, борон – 5169, сеялок – 112, сортировок – 56, веялок – 751, сенокосилок – 159, жатвенных машин – 428, триеров – 23 [Бербеков 1963: 146–148].

Эта приблизительная статистика, поскольку «привести точные данные о количестве ввезенного инвентаря не представляется возможным, так как закупка производилась не централизованным порядком, а в большинстве случаев при посредстве низовой кооперации и единоличников-крестьян непосредственно в Госсельскладе в Пятигорске и Горячеводске» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 103. Л. 16].

Важно отметить, что в 1926 г. на каждое пахотное орудие приходилось 12 десятин пашни или одно пахотное орудие на 4 хозяйства, на каждую борону – 9 десятин земли или одна борона на 3 хозяйства, на одну сеялку – 457 десятин земли или одна сеялка на 152 хозяйства и т.д.

Такое количество тракторов и других сельхозмашин и инвентаря не хватало для обработки крестьянских земель. На этом этапе основным инструментом для обработки земли являлась живая тягловая сила. Поэтому ежегодно выделялась значительная сумма для приобретения волов и лошадей. Так, по данным группы Легкой кавалерии в 1928 г. был отпущен кредит в 29000 руб. для приобретения рабочего скота.

Молодежная группа «Легкая кавалерия», возникшая по инициативе комсомола в 1926 г., активно участвовала в государственном и общественном контроле. Методы работы вполне соответствовали духу времени: внезапные проверки, рейды и т.п. Работу Легкой кавалерии направляли органы РККИ. Она действовала оперативно и принципиально и представляла реальную угрозу нарушителям социалистической законности.

Также трудно поддается учету количество сельскохозяйственного инвентаря, приобретенного у частных продавцов в соседних городах: как-то Пятигорске, Горячеводске, Владикавказе, Минеральных Водах и т.д. Особенно активно действовали в этом направлении разбогатевшие за годы НЭПа зажиточные крестьяне. Таким образом, до сплошной коллективизации сельского хозяйства говорить о централизованном государственном обеспечении крестьянских хозяйств сельскохозяйственной техникой не приходится.

В то же время специализированные советские организации, наделенные правом торговли сельскохозяйственными орудиями, реализовали в 1926/27 сельскохозяйственном году сельхозинвентаря на сумму 365401 руб., в 1927/28 – на 786644 руб., в 1928/29 – на 726348 руб. Уменьшение выручки в 1928/29 сельскохозяйственном году по сравнению с 1927/28 годом связано со снижением цен на сельхозинвентарь [Гугов 1961: 82].

В ходе проведения новой экономической политики серьезные сдвиги произошли в структуре сельского населения страны. Зажиточные крестьяне и кулаки заняли ведущее положение в торговле. Это наиболее зримо проявилось во время первого кризиса новой экономической политики, который разразился в 1923–1924 гг. и вошел в историю под названием «кризис сбыта». Он был вызван опережающим темпом роста сельского хозяйства и отставанием промышленности (соответственно 70% и 39% довоенного уровня). В результате образовались так называемые «ножницы цен», которые привели к росту цен на промышленные товары и снижению таковых на сельскохозяйственную продукцию. Промышленные товары не находят спроса, а крестьянам не выгодно продавать за бесценок свою продукцию. Такое неустойчивое состояние на рынке приводит к социальной напряженности и антисоветским выступлениям населения. Но в результате применения экономических мер: повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, снижения стоимости промышленных товаров и др., социальная напряженность была снята.

XIII съезд ВКП(б), проходивший в мае 1924 г., выдвинул задачи развития и укрепления государственной и кооперативной торговли, установления строгого контроля над частной торговлей, постепенного овладения всем товарооборотом.

Следует подчеркнуть, что на этом этапе социалистического строительства власть не могла провозгласить политику ликвидации кулачества как класса,

поскольку последнее являлось основным производителем хлеба, как для внутреннего потребления, так и внешней торговли. Об этом свидетельствует выступление И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. [Сталин 1949: 141–174].

С XIII съезда ВКП(б) советские органы власти развернули активную политику по ограничению и вытеснению кулачества из всех отраслей народного хозяйства, в особенности из сферы торговли. Непомерная налоговая нагрузка, ограничение в сфере экономической деятельности, постоянное преследование со стороны местных органов власти привели хозяйства зажиточных крестьян и кулаков в упадок. Такое враждебное отношение местных органов власти к данной социальной группе крестьян формировалось под непосредственным воздействием вышестоящих партийных и советских органов, которые категорически потребовали прекратить всякую, в том числе и экономическую связь с ней, не допустить из этой социальной категории крестьян никого в органы управления. Об этом свидетельствует постановление ЦК ВКП(б) от 7 мая 1928 г. «О работе парторганизаций национальных областей Северного Кавказа», в котором он потребовал от крайкома и нацобкомов «укрепить состав работников кооперативных организаций, главным образом, путем выдвижения работников из рабочих, батраков и крестьян, проверенных на низовой работе» [Гугов 1961: 69].

В соответствии с существовавшей партийной установкой по данному вопросу Северокавказский краевой комитет ВКП(б) принял соответствующее постановление. Во исполнение данного постановления 14 сентября 1929 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос «О Карагачинском кредитном товариществе» и осудило его за кредитование 27 кулацких хозяйств на сумму 1174 руб. Оно потребовало досрочного отзыва всех кредитов, выданных кулацким элементам. После принятия данного решения кредитные организации практически перестали обслуживать зажиточных крестьян.

Местные органы власти прилагали большие усилия для дальнейшего наращивания механизации сельскохозяйственного производства. Обосновывая необходимость углубления этого процесса, в докладной записке по вопросу создания тракторной колонны в Наркомзем РСФСР в октябре 1928 г. председатель ОБЛЦИКа Б. Калмыков изложил свое видение относительно рационального использования сложной сельскохозяйственной техники. Его концепция состояла в необходимости не только увязать использование сельскохозяйственной техники, но сделать его неотъемлемой частью организационного плана хозяйства. С этой целью область планирует приступить к тракторизации области путем организации специальных тракторных колонн, которые должны были обслуживать «...хозяйства в его организованном виде в части выполнения тех процессов сельскохозяйственного производства, кои возможно механизировать».

К докладной записке были приложены все расчеты и смета по строительству одной тракторной колонны в составе 60 тракторов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 222. Л. 3]. Очевидно, этот проект был составлен с учетом опыта работы тракторных отрядов на Украине в совхозе «Тараса Шевченко», где побывал член правления Каббалксельмашсоюза Вашурин. Он представил многостраничный отчет о результатах поездки на Украину по изучению этого опыта, с которым, несомненно, Б. Калмыков был знаком, и некоторые элементы его концепции напоминали украинский опыт [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 222. Л. 10–17об].

18 ноября того же года на заседание правления «Хлебоцентр» в присутствии Б. Калмыкова слушался вопрос об организации 3-х машинно-тракторных станций. Было постановлено: а) признать необходимым организовать в Кабардино-Балкарской области 3 кооперативные межселенные машинно-тракторные станции в 250–300 тракторов каждая; б) принять к сведению заявление Иванова, что Мало-Кабардинская кооперативная машинно-тракторная станция, работающая в

данное время в количестве 23 тракторов, будет укомплектована к весенней посевной компании до 75 тракторов; в) признать необходимым отпустить в этом году 50 тракторов Баксанской машинно-тракторной станции и 25 тракторов для Урванской МТС. В счет контингента будущего завоза в край тракторов за счет специализированного экспортного фонда выделить Хлебоцентру лицензию на завоз 70 тракторов «Интернационал», 20 тракторов «Катер-Пиллер» и 10 тракторов «Фармолл» с соответствующим комплектом прицепных орудий, с тем, чтобы Баксанская и Урванская машинно-тракторные станции могли быть оборудованы в указанном выше количестве тракторов еще к предстоящей весенней посевной компании; г) принять к сведению заявление т.Калмыкова, что областными органами развернута усиленная работа по созданию специального экспортного фонда для импорта тракторов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 267. Л. 65]. Здесь уместно отметить, что трактора, которые поступали в Кабардино-Балкарию в рассматриваемый период, в основном были импортные. Для их приобретения создавался экспортный фонд за счет крестьян [Кармов 2020: 26].

В этот период на территории Советского Союза работал только один завод в Санкт-Петербурге, бывший Путиловский, который с 1924 по 1932 г. выпускал по американской лицензии трактор «Фордзон» в крайне ограниченном количестве из-за непомерно высокой себестоимости.

Несмотря на отмеченные трудности руководству области удалось приобрести за счет крестьянских хозяйств значительное количество тракторов. За период с 1925 по 1929 г. количество тракторов в области увеличилось в 4 раза – с 52 до 205 [Гугов 1961: 83].

Большое внимание уделялось техническому состоянию тракторного парка. В центральных пунктах, где в основном была сосредоточена сельскохозяйственная техника: в Нальчике, Муртазово, Котляревской, и других местах создавались базы для обеспечения сельскохозяйственных кооперативов горюче-смазочными материалами [УЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 175. Л. 60]. Однако по мере увеличения количества тракторов обнаруживалась их нехватка. В связи с этим на заседании областной тройки по проведению весенней посевной компании 16 января 1929 г. был заслушан вопрос «Об обеспечении тракторов горючими и смазочными материалами». Принято постановление: а) предложить Каббалксоюзу в дополнение к имеющимся базам в Нальчике, Муртазово, Котляревской дополнительно открыть к началу весенней посевной компании базы снабжения нефтепродуктами в Старом Череке и Баксане; б) предложить Сельмашсоюзу, исходя из общего наличия тракторов в области, сделать заявку на общее количество горючих и смазочных материалов; в) признать необходимым к 1 февраля 1929 г. провести по округам совещания тракторладельцев и представителей потребительских и сельскохозяйственных коопераций, втянув в эти совещания широкие массы хлеборобов [ЦГА АС КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 285. Л. 55].

Реализация принятых на совещании решений и других организационно-хозяйственных мероприятий обеспечили более благоприятное выполнение хозяйственно-политических задач Кабардино-Балкарии в 1929 г.

Подводя итоги, необходимо отметить, что социально-экономическое развитие Кабардино-Балкарии в 1925–1929 гг. было обусловлено задачей завершения восстановительных работ после Гражданской войны. Для развития сельского хозяйства необходимо было создавать соответствующую материально-техническую базу, прежде всего, обеспечить крестьян сельскохозяйственным инвентарем. Для этого нужны были источники финансирования и эффективная кредитная система, а также налаживание снабжения через сельскохозяйственную кооперацию. Основным источником финансирования выступали ККОВы, которые приобретали сельхозинвентарь, в том числе трактора, грабли и молотилки на конной тяге и т.д. для снабжения кооперативных крестьянских хозяйств. Большое значение имело

создание экспортного фонда для приобретения импортных тракторов за счет средств экспортного взноса с крестьян.

В условиях НЭПа единоличные хозяйства получили возможность приобретения тракторов без всяких ограничений. Более того, они могли использовать в этих целях предоставляемые государством долговременные кредиты. Однако после XIII съезда ВКП(б) в мае 1924 г. был установлен строгий контроль над частной торговлей и постепенно ее стали выдавливать из сферы торговли. На этом этапе власть не могла ликвидировать кулачество как класс, поскольку последнее являлось основным производителем хлеба, как для внутреннего потребления, так и внешней торговли.

XV съезд партии, состоявшийся в декабре 1927 г, взял курс на коллективизацию сельского хозяйства, тем самым было покончено с новой экономической политикой. С этого года проблема обеспечения крестьян орудием сельскохозяйственного производства стала рассматриваться преимущественно через призму колхозного строительства.

Источники и литература

1. *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Кабардино-Балкарское книжное издательство. Нальчик, 1963. 536 с.

2. *Гугов Р.Х.* Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926–1929 гг.). Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. 166 с.

3. *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. Ч. II. 390 с.

4. *Жакомихов Т.А.* К вопросу о техническом оснащении социалистического сельского хозяйства. Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. Вып. 8.

5. История Дона и Северного Кавказа (1917–2000). Нальчик: Каб-Балк ун-т, 2014. 312 с.

6. *Кармов А.Х.* Особенности организации сельскохозяйственного производства в Кабардино-Балкарии в начале реконструктивного периода // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2020. № 2 (45). С. 21–31.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК в 15 томах. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1984. 575 с.

8. *Лаврова Н.С.* Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нальчик: Типография КБГУ, 2004. 198 с.

9. Сельское хозяйство советской Кабарды // Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1952. 168 с.

10. *Сталин И.В.* Сочинения в 13 томах. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 397 с.

11. *Соблирова З.Х.* Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии (1922–1929 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нальчик: Типография КБГУ, 2016. 214 с.

12. *Текуев А.* Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 152 с.

13. *УЦГА АС КБР* – Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР.

14. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР.

SUPPLY OF THE POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA WITH AGRICULTURAL TOOLS IN 1925–1929

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Sector of Contemporary History of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The article analyzes sources and literature that characterize various aspects of supplying the population of Kabardino-Balkaria with agricultural tools in 1925–1929. It examines the supplying activities of various cooperatives, including the most significant ones, such as the Kabardino-Balkarian Union of Cooperatives, then Kabbalksoyuz and Kabbalkselkredsoyuz, organized on the basis of the first one in January 1925, it is noted that with the implementation of a radical reorganization of the cooperation system in KBAO and the emergence of an independent specialized credit agricultural cooperation – «Selkredsoyuz» supply of the region with tools for agricultural production has improved.

The article focuses on providing the rural population with agricultural tools, ranging from simple implements to complex machines, analyzes the decisions made by regional authorities on the development of supply activities in Kabardino-Balkaria, provides statistical data characterizing the state of provision of the population of KBAO with agricultural implements, reveals the main problems and difficulties in providing the population with agricultural production tools. At the same time, attention is drawn to the off-stock receipts of agricultural machinery to the region through individuals. Especially the most prosperous peasants were engaged in the purchase of such.

The article highlights the role of agricultural cooperation in the mechanization of agriculture in KBAO, reveals the dynamics of displacing wealthy peasants and kulaks from trade, and then from the process of agricultural production by prohibiting lending to their farms.

Keywords: peasantry, agricultural cooperation, supply, machine-tractor column, Bolshevik party, struggle against the kulaks, collectivization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-56-66

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-67-74

СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ ИУЭХУЦІЭХЭМ АДЫГЭБЗЭМ ШХЪЭКІЭ ЗЭРЫШЦЫЗАХЪУЭЖЫМ ХЭЛЪ НЭЩЭНЭХЭР

Бишło Борис Чмал и къуэ, филологие шцэныгэхэмкІэ доктор, Урысейм ШцэныгэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шцэныгэ центрэм Гуманитар къэхутэныгэхэмкІэ и институтым адыгэбзэмкІэ и къудамэм и шцэныгэ лэжъакІуэ пашэ, bizhoeff1952@mail.ru

Статьяр теухуащ адыгэбзэм и субъект, объект ИуэхуцІэхэм шхъэкІэ зэрызахъуэжым дэпльагъу нэщэнэ шхъэхуэхэр хэлушцІу къэщІыным. Къыхыдогъэщ езы шхъэхуэ-жыр адыгэ ИуэхуцІэхэм зэралэр ди бзэр дуней псом бзэуэ тетыр мыхъуми абыхэм я нэхъыбапІэм емыщхъ зыщІ гъэщІэгъуэнагъ нэхъышхъэхэм зэралэщІыр. Мис абы къыхокІ а къэхуцгъэр утыку къыхэным, лъэныкъуэ куэдкІэ ар зэпкърыхыным адыгэ бзэщІэныгэдэжым имызакъуэу лингвистикэм и теорием дежкІи мыхъэнэшхуэ иІэныр.

Мы лэжыггъэм шызэпыдолыгът ИуэхуцІэхэмрэ ахэр къызытепщІыкІ лэжыггъэцІэхэмрэ я шхъэхуэжыр, апхуэдэ шцІыкІэкли нэлурыт къыдошІ а ИуэхугъуэмкІэ ахэр зэрызтэхуэмрэ зэрызэщхъэщыкІымрэ. Апхуэдэ зэпкърыхыныггъэм уеггъэпльагъу адыгэбзэ ИуэхуцІэр адреи цІэхэм яхуэдэ хъуами, абы уха гъэпсыкІэ зиІэ лэжыггъэцІэм и зыхъуэжыкІэри къызэрыхуэнэр, абыхэм нэхъышхъуэ яхэтщ нэгъуэщІ бзэхэм я ИуэхуцІэхэм ядомыпльагъу шхъэхуэжыныр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: шхъэхуэж, парадигматикэ, ИуэхуцІэ, шхъэзакъуэ лэжыггъэцІэхэр, шхъэбагъэ, благъэ объект, закъуэ бжыггъэ, мыхъэнэбагъэ.

ИуэхуцІэм шхъэхуэж иІэныр дэ бзэ дызышыгъуазэхэм ящыщу зыми ядэдмы-пльагъу нэщэнэу адыгэбзэм хэлъщ. Арауэ къыщцІэкІынуц мы Иуэхугъуэр адыгэбзэм елэжхэм ямызакъуэу нэгъуэщІ бзэщІэныггъэлІ зыбжанэми яфІэгъэщІэгъуэну шІаджар. Дэри зыкъом шІащ ИуэхуцІэхэм гулгытэ хуэтщІын зэредгъажьэрэ [Бижоев 1991, Бижоев 2005]. Мы статьяр зытеухуа субъект, объект ИуэхуцІэхэм я шхъэхуэжыныр къышхъэщокІ ахэр къызытепщІыкІ лэжыггъэцІэ ухахэм ейм. Нэхъапэм къыдэкІа ди грамматикэхэм языхэзым абы теухуауэ итыр мыраш: «Субъект, объект ИуэхуцІэхэм шхъэкІэ зышахъуэжкІэ, япэрейхэм зэрызахъуэжы-ныр объектым и шхъэмкІэщ, етІуанэхэм – субъектым ейхэмкІэщ [Грамматика 1970: 186]. Ауэ мыбы жиІэр гъэтэмэмыпхъэщ. ИуэхуцІэр зыхуэггъэза цІэр шхъэи бжыггъи зимыІэ *зы-* лъабжьэпэмкІэ къызэрыггъэлыгъуар е ар къызэрымыггъэпльа-гъуэххар Иуэхум къыхэпльытэмэ, гурыІуэгъуэщ субъект ИуэхуцІэм субъектым и шхъэхэмкІэ, благъэ-объект ИуэхуцІэми благъэ-объектым и шхъэхэмкІэ зэрыза-мыхъуэжыныр, адэкІи апхуэдэурэ. Ауэ зи псалъэ къэтхьам Иуэхум къыхилгыта-къым ИуэхуцІэ гъэпсыкІэм объект зыбжанэ хэтынкІэ зэрыхуныр. Апхуэдэхэм деж ИуэхуцІэм зэрызимыхъуэжыр езыр зэхъэлла объектым и шхъэхэмкІэщ, адреи объект-хэм я шхъэхэмкІэ абы зехъуэж [Бижоев 1991: 34].

ИуэхуцІэхэм шхъэкІэ зэрызахъуэжым къэдггъэлыгъуам имызакъуэу нэгъуэщІ гъэщІэгъуэнагъэхэри ядыболпльагъу, ахэр къызытекІа лэжыггъэцІэхэм я ухуэкІэм

елытауэ. Абы кыыхэкIкIэ IуэхуцIэхэм я щхьэ гьэпсыкIэ парадигматикэр адэкIэ нэхь убгьуауэ кышыдгьэлыгьуэнущ.

1. Зы щхьэ зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм кьатекIа субъект IуэхуцIэхэм щхьэкIэ захьуэжыркьым. Псалгэм папщIэ, *щытыр* IуэхуцIэм, *щытын* лэжыгыгьэцIэм кыитекIам, щхьэ зэхэгьэж иIэкьым.

2. ЩхьитI зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм кьатекIа субъект, объект IуэхуцIэхэм зы щхьэкIэ захьуэж:

1) Субъект IуэхуцIэхэм мыблагьэ объектым и щхьэкIэ захьуэж. ИщIагьымкIэ кышчокIуэ *хуэкIуэн* щхьитI зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсым кыитепщIыкIа *хуэкIуэр* субъект IуэхуцIэм щхьэкIэ зэрызыхьуэж парадигмэр: *сэ с-хуэкIуэр, уэ п-хуэкIуэр, абы хуэкIуэр, дэ т-хуэкIуэр, фэ ф-хуэкIуэр, абыхэм я-хуэкIуэр.*

ЗэхьэлIа цIэм (субъектым) и бжыгьэр куэд бжыгьэм и лъабжьэужь хэ-кIэ кьэбгьэлыгьуэ мэхьури, абы парадигмэ ищхьэкIэ кышыыхьам хуэдитIкIэ зрегьэ-убгьу: *сэ с-хуэкIуэ-хэ-р, уэ п-хуэкIуэ-хэ-р,* адэкIи апхуэдэурэ.

2) ЩхьитI зиIэ лэжыгыгьэ лъэмыIэсхэм кьатекI мыблагьэ-объект IуэхуцIэхэм субъектым и щхьэхэмкIэ захьуэж. Еплъ а лэжыгыгьэцIэ дыдэм (*хуэкIуэн*) кыитепщIыкI мыблагьэ-объект IуэхуцIэ *зы-хуэкIуэр* жыхуиIэм: *сэ сы-зыхуэкIуэр, уэ у-зыхуэкIуэр, ар зыхуэкIуэр, дэ ды-зыхуэкIуэр, фэ фы-зыхуэкIуэр, ахэр зыхуэкIуэр.*

ЗэхьэлIа цIэм (мыблагьэ объектым) и бжыгьэр лъабжьэужь -хэ-кIэ кьэбгьэлыгьуэ мэхьу: *сэ сы-зыхуэкIуэ-хэ-р, уэ у-зыхуэкIуэ-хэ-р,* н.кь.

ЩхьитI зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм кьатепщIыкI IуэхуцIэ гуп языныкьуэхэм я зыхьуэжыкIэм ищхьэкIэ кышыыхьахэм кьашхьэщызыгыгьэкI нэщэнэ гуэр-хэр ядыболгьагьу. Псалгэм папщIэ, *дэкIуэн* («зыгуэрым щыгьуу кIуэн»), *гуэсын* лэжыгыгьэцIэхэм хуэдэхэм кьагьэхьу IуэхуцIэхэр кьэтштэнщ. Абыхэм кьатекI субъект IуэхуцIэхэм я нэщэнэщ мыблагьэ объектым и щхьэхэмкIэ зыщахьуэжкIэ унэтIыныгьэ лъабжьэпэ *кьы-* кьазэрыхьуэр: *сэ кьы-з-дэкIуэр, уэ кьы-б-дэкIуэр,* н.кь. [Бижоев 2005: 110].

Щхьэхуэу кьытеувыIапхьэщ *есын, етIысэхын* лэжыгыгьэцIэхэм хуэдэхэм кьатепщIыкI IуэхуцIэ гупым. Апхуэдэ лэжыгыгьэцIэхэм я нэщэнэщ я парадигмэхэр щызу зэрышымытыр. Абыхэм яIэкьым объектым и япэ, етIуанэ щхьэ гьэпсыкIэхэр. Ар и щыхьэтщ абыхэм я зэхэлгыкIэр зыхьуэжыныгьэ гьуэгу зэрытетым, н.ж. ахэр хуокIуэ зы щхьэ зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэс хьуным. Абыхэм кьатекIа субъект IуэхуцIэхэм объектым и щхьэмкIэ захьуэжыркьым, н.ж. я зыхьуэжыкIэр ещхьщ зы щхьэ фIэкIа зимыIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм кьагьэхьу субъект IуэхуцIэхэм я зыхьуэжыкIэм: *есыр* субъект IуэхуцIэм щхьэ зэхэгьэж иIэкьым. НэгьуэщI зы лъэныкьуэкIи лэжыгыгьэцIэ дызытепсэлгыхь лIэужыгыгьуэм кьатокI объект IуэхуцIэхэр, зы щхьэ фIэкIа зимыIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм апхуэдэ ядумылгьагьуми: *зэ-сыр.* Мы объект IуэхуцIэм субъектым и щхьэхэмкIэ зэрызыхьуэж парадигмэ ирикьу иIэш: *сэ сы-зэсыр, уэ у-зэсыр, ар зэсыр, дэ ды-зэсыр, фэ фы-зэсыр, ахэр зэсыр.*

Объект IуэхуцIэ кьызэрыхьуэгьэщIым *есын* лэжыгыгьэцIэр гьунэгьу хуешI щхьитI зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм. Ауэ абы щыгьуэми кьэргьэлыгьуапхьэщ дызытепсэлгыхь лэжыгыгьэцIэ лIэужыгыгьуэм щыщ псо дыдэми объект IуэхуцIэ кьазэрытемыкIыр. Елгыт, псалгэм папщIэ, *ешын, еплъэкIын,* н.кь. Мыхэр ипэжыпIэкIэ зы щхьэ фIэкIа зимыIэ лэжыгыгьэцIэ хьуахьэщ, мыблагьэ объектым и лъабжьэгьусэ е-р мыбыхэм этимологиие и лъэныкьуэкIэ фIэкIа кьахэбгьэщыжы-фыркьым [Кумахов 1971: 275].

3. Щхьищ зиIэ лэжыгыгьэцIэ лъэмыIэсхэм кьатекI IуэхуцIэхэм щхьитIкIэ захьуэжыпхьэт. АрщхьэкIэ, адэкIэ зэрытлгьагьунуши, абыхэм я парадигмэм куэд кьыхуэтщ.

1) Субъект IуэхуцIэхэм мыблагьэ объектхэм я щхьэхэмкIэ захьуэж. Еплъ *дежьэн* лэжыгыгьэцIэм кьытекIа *дежьэр* IуэхуцIэм:

а) япэ мыблагъэ объектым и шхьэмкIэ: *сэ абы кыы-з-дежсьэр, уэ абы кыы-б-дежсьэр, абы абы кыыдежсьэр, дэ абы кыы-д-дежсьэр, фэ абы кыы-в-дежсьэр, абы-хэм абы кы-а-дежсьэр;*

б) *дежсьэр* ГуэхуцIэм хуэдэхэм етIуанэ мыблагъэ объектым и шхьэхэмкIэ захьуэжыркыым. ЕтIуанэ мыблагъэ объектым ейуэ бзэм хэтыр ещанэ шхьэм и гьэпсыкIэ маркерыншэ закьуэрщ: *кыыдежсьэр* 1) «абы щыгьуу абы ежьэр»; 2) «абы щыгьуу абыхэм ежьэр». «Абы щыгьуу сэ кыызэжьэр», «абы щыгьуу уэ кьожьэр», н.кь. ГуэхуцIэ гьэпсыкIэхэр зэрыщымыIэм кыыхэкIыу апхуэдэ мыхьэнэхэр кьрагьэлыагьуу бзэм ирипсалъэхэм кьагьэсэбэп япэ мыблагъэ объектым и шхьэхэмкIэ хьуэжа зэрыхуэ парадигмэм щыщ гьэпсыкIэхэр. Псалъэм папщIэ, *кыыздежсьэр* ГуэхуцIэ гьэпсыкIэр кьагьэсэбэпынкIэ хьунуш «абы щыгьуу сэ кыызэжьэр» мыхьэнэри иIэу.

Бжыгьэр дапщэци -хэ льябжьэужькIэ кьэгьэлыгьуа зэрымыхьум кыыхэкIыу субъектымрэ объектымрэ я ещанэ шхьэм деж закьуэ, куэд бжыгьэхэр щызэщхьэщыкIа хьуркыым. Абы кьешэ субъект-объект гьэпсыкIэхэм убгьуа-уэ омоним кьагьэхьуныр, еплъ *кыыздежсьэр* 1) «сэ кыыщыгьуу абы ежьэр»; 2) «сэ кыыщыгьуу абыхэм ежьэр»; 3) «сэ кыыщыгьуу абы ежьахэр»; 4) «сэ кыыщыгьуу абыхэм ежьахэр».

2) Шхьищ зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэхсэхэм кьагьэхуэ япэ мыблагъэ-объект ГуэхуцIэр зэхьуэкIа хьупхьэщ субъектымрэ етIуанэ мыблагъэ объектымрэ я шхьэхэмкIэ:

а) субъектым и шхьэхэмкIэ: *сэ абы сы-зыдежсьэр, уэ абы у-зыдежсьэр, ар абы зыдежсьэр, дэ абы ды-здежсьэр, фэ абы фы-здежсьэр, ахэр абы-зыдежсьэр;*

б) шхьищ зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэхсэхэм кьатепщIыкI мыблагъэ-объект ГуэхуцIэхэм етIуанэ мыблагъэ-объектым и шхьэхэмкIэ захьуэжыркыым. ЕтIуанэ мыблагъэ объектым ейуэ бзэм хэтыр ещанэ шхьэм и гьэпсыкIэ маркерыншэ закьуэщ – *зыдежсьэр*. Субъектымрэ объектымрэ я бжыгьэр инэхьыбэм льябжьэужькIэ кыызэрамыгьэлыагьуэм кыыхэкIыу мы гьэпсыкIэм омоним кьэгьэхуэ – контекстым хэмытмэ мы кьэкIуэну мыхьэнэхэр иIэнкIэ хьунуш: 1) «ар абы зи гьусэу ежьэр»; 2) «ахэр зи гьусэу абы ежьэхэр»; 3) «ар абыхэм зи гьусэу ежьэр»; 4) «ахэр зи гьусэу абыхэм ежьэр»; 5) «ар зи гьусэхуэ абы ежьэр»; 6) «ар зи гьусэхуэ абыхэм ежьэр»; 7) «ахэр зи гьусэхуэ абы ежьэхэр»; 8) «ахэр зи гьусэу абыхэм ежьэр».

4. ШхьиплI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэхсэхэм кьагьэщI ГуэхуцIэхэм зэрызахьуэж парадигмэр шхьищ зиIэ лэжыгьэцIэхэм кьатекI ГуэхуцIэхэм елыгьтауэ нэхьыбэж хуцошIэ [Бижоев 2005: 114]. Еплъ *фIыдепльын* лэжыгьэцIэм кьытекI субъект, мыблагъэ-объект ГуэхуцIэхэм я шхьэ гьэпсыкIэхэм я парадигмэм:

1) Субъект ГуэхуцIэ *фIыдепльыр* жыхуиIэр зэхьуэкIа мэхуэ мыблагъэ объектым и шхьэхэмкIэ: *с-фIыдепльыр, н-фIыдепльыр, фIыдепльыр, т-фIыдепльыр, ф-фIыдепльыр, я-фIыдепльыр.*

2) Мыблагъэ-объект ГуэхуцIэ *зыфIыдепльыр* жыхуиIэм субъектымрэ зы мыблагъэ объектымрэ я шхьэхэмкIэ зехьуэж:

а) субъектым и шхьэхэмкIэ: *сы-зыфIыдепльыр, у-зыфIыдепльыр, зыфIыдепльыр, ды-зыфIыдепльыр, фы-зыфIыдепльыр, зыфIыдепльыр;*

б) мыблагъэ-объектым и шхьэхэмкIэ: *зы-с-фIыдепльыр, зы-н-фIыдепльыр, зыфIыдепльыр, зы-т-фIыдепльыр, зы-ф-фIыдепльыр, з-а-фIыдепльыр.*

ШхьиплI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэхсэхэм кьатепщIыкI субъект, мыблагъэ-объект ГуэхуцIэхэм я парадигмэм зебгьэубгьу хьунуш, субъектымрэ объектымрэ я куэд бжыгьэр льябжьэгьусэкIэ кьэбгьэлыагьуэжIэрэ. Еплъ, псалъэм папщIэ, *с-фIыдепльыр* субъект ГуэхуцIэм: *с-фI-а-депльыр – с-фIыдепль-хэ-р – с-фI-а-депль-хэ-р*; мыблагъэ-объект ГуэхуцIэм: *сы-зыфIыдепльыр – сы-зыфIыдепль-хэ-р – с-а-зыфIыдепльыр – с-а-зыфIыдепль-хэ-р; зы-с-ыфIыдепльыр – зы-с-фIыдепль-хэ-р*, н.кь.

Кьэгьэлыгьуапхьэщ куэд бжыгьэм и льябжьэгьусэ -хэ-м а зы гьэпсыкIэм, контекст зыхэтым елыгьтауэ, шхьэ зэхуэмыдэхэм я бжыгьэ кьыгьэлыгьуэнкIэ

зэрыхуунур. Еплъ, псалъэм папщӀэ, мыблагъэ-объект ІуэхуцӀэм и гъэпсыкӀэхэм я мыхъэнэхэм: *сызыфӀыдепльхэр* 1) «абы щыгыуу абы зыфӀэмыфӀхэу сепльыр»; 2) «абы щыгыуу абыхэм зыфӀэмыфӀу сепльыр»; *зысфӀыдепльхэр* 1) «сэ сфӀэмыфӀу ахэр абы щыгыуу зэплъыр»; 2) «сэ сфӀэмыфӀу ар абы щыгыуу зэплъхэр»; 3) «сэ сфӀэмыфӀу ар абы щыгыуу зэплъхэр». Абы нэмыщӀкӀэ, къэтхъа гъэпсыкӀэ дэтхэнэми -хэ лъабжьэгъусэм зэуэ къыщигъэлыгъуэнкӀэ хъунуцӀ щхьитӀми я куэд бжыгъэ, н.ж. *сазыфӀыдепльхэр* ІуэхуцӀэ гъэпсыкӀэм, ар шапхъэу къатщтэмэ, иджыри иӀэнкӀэ хъунуцӀ «сэ абыхэм ящыгыуу абыхэм зыфӀэмыфӀхэу сепльыр» мыхъэнэр, *зысфӀыдепльхэр* ІуэхуцӀэ гъэпсыкӀэм – «ахэр абы щыгыуу сэ сфӀэмыфӀу зэплъхэр» мыхъэнэр, н.кӀ.

5. Щхъэ закъуэ лэжыгыгъэцӀэ лъӀӀэхэм къатепщӀыкӀ субъект ІуэхуцӀэхэр щхъэкӀэ зэхуэжӀа хъуркъым. Псалъэм папщӀэ, *зытхъэщӀыгъы* зы щхъэ зиӀэ лэжыгыгъэцӀэ лъӀӀэсым къытекӀа *зы-зытхъэщӀыгъы* ІуэхуцӀэм щхъэхуэж иӀэкъым.

6. ЩхьитӀ зиӀэ лэжыгыгъэцӀэ лъӀӀэхэм къагъэхуэ ІуэхуцӀэхэр зы щхъэкӀэ зэхуэжӀа мэху. Къэдгъэлыгъуэнщ *хьын* лэжыгыгъэцӀэм къытекӀ ІуэхуцӀэхэм я парадигмэр.

1) Субъект ІуэхуцӀэхэр зэхуэжӀа мэху благъэ объектым и щхъэхэмкӀэ: *сэ сы-зыхьыр, уэ у-зыхьыр, ар зыхьыр, дэ ды-зыхьыр, фэ фы-зыхьыр, ахэр зы-хьыр.*

Субъектым и щхъэ бжыгъэр -хэ лъабжьэгъусэкӀэ къэгъэлыгъуэ мэху, еплъ: *сызыхьыр – сызыхь-хэ-р, дызыхьыр – дызыхь-хэ-р, н.кӀ.*

2) Благъэ-объект ІуэхуцӀэхэм захуэж субъектым и щхъэхэмкӀэ: *сэ с-хьыр, уэ п-хьыр, абы и-хьыр, дэ т-хьыр, фэ ф-хьыр, абыхэм я-хьыр.*

Благъэ объекттым и щхъэ бжыгъэр -хэ лъабжьэгъусэкӀэ къэбгъэлыгъуэ мэху, еплъ: *схьыр – схьы-хэ-р, тхьыр – тхьы-хэ-р, н.кӀ.*

7. ЩхьитӀ зиӀэ лэжыгыгъэцӀэ лъӀӀэхэм къатепщӀыкӀ ІуэхуцӀэхэм я щхъэхуэж парадигмэр, адреј ІуэхуцӀэ гупхэм елытауэ, нэхъ шыщ. Зэрыхабзэу, апхуэдэ субъект ІуэхуцӀэми, объект ІуэхуцӀэми щхьитӀкӀэ захуэж.

1) Субъект ІуэхуцӀэр зэхуэжӀа мэху благъэ объектымрэ мыблагъэ объектымрэ я щхъэхэмкӀэ. Къэтхьынщ *хуэщэн* лэжыгыгъэцӀэм къытепщӀыкӀ субъект ІуэхуцӀэр щхъэкӀэ зэхуэжӀа зэрыхуэ парадигмэр.

а) благъэ объекттым и щхъэхэмкӀэ: *сэ абы сы-хуэзышэр, уэ абы у-хуэзышэр, ар абы хуэзышэр, дэ абы ды-хуэзышэр, фэ абы фы-хуэзышэр, ахэр абы хуэзышэр.*

Мы парадигмэм фӀуэ зэбгъэубгъуфынуцӀ субъектымрэ мыблагъэ объекттымрэ я щхъэ бжыгъэр къэбгъэлыгъуэжӀэрэ, еплъ: *сы-хуэзышэр – сы-хуэзышэ-хэ-р – с-а-хуэзышэр – с-а-хуэзышэ-хэ-р, н.кӀ.*

б) мыблагъэ-объектым и щхъэхэмкӀэ: *ар сэ къы-с-хуэзышэр, ар уэ къы-п-хуэзышэр, ар абы къы-хуэзышэр, ар дэ къы-т-хуэзышэр, ар фэ къы-ф-хуэзышэр, ар абыхэм къ-а-хуэзышэр.*

Субъектым и щхъэ бжыгъэр -хэ лъабжьэгъусэкӀэ къагъэлыгъуэ, еплъ: *къысхуэзышэр – къысхуэзышэ-хэ-р, н.кӀ.* Лъабжьэгъусэ -хэ-м япэ, етӀуанэ щхъэхэм я деж къыгъэлыгъуэнкӀэ хъунуцӀ субъектым нэмыщӀ благъэ объекттым и куэд бжыгъэри, е а тӀум я куэд бжыгъэри зэуэ, н.ж. *къысхуэзышэхэр* ІуэхуцӀэ гъэпсыкӀэр къапщтэмэ, контекст зыхэттым елытауэ абы мыхъэнэ зэмылӀэужыгыуицӀ иӀэнкӀэ хъунуцӀ: 1) «ар сэ си деж къэзышэхэр», 2) «ахэр сэ си деж къэзышэр», 3) «ахэр си деж къэзышэхэр».

2) ЩхьитӀ зиӀэ лэжыгыгъэцӀэ лъӀӀэхэм къатекӀ мыблагъэ-объект ІуэхуцӀэхэр зэхуэжӀа мэху субъектымрэ благъэ объекттымрэ я щхъэхэмкӀэ.

а) субъектым и щхъэхэмкӀэ: *сэ ар зыхуэ-с-шэр, уэ ар зыхуэ-п-шэр, абы ар зыху-и-шэр, дэ ар зыхуэ-т-шэр, фэ ар зыхуэ-ф-шэр, абыхэм ар зыху-а-шэр.*

Мыблагъэ объекттым и щхъэ бжыгъэр -хэ лъабжьэгъусэкӀэ къагъэлыгъуэ, еплъ: *зыхуэсшэр – зыхуэсшэ-хэ-р, н.кӀ.* [Кабардино-черкесский язык 2006: 306].

Благъэ объекттым и щхъэ бжыгъэр къэгъэлыгъуакъыми, ищхъэкӀэ къыщыхъа парадигмэм и дэтхэнэ сатырэри мыхъэнтӀу къыбгурыуэ мэху, еплъ: *зыхуэсшэр* 1) «ар зыхуэсшэр», 2) «ахэр зыхуэсшэр».

Мы гьэпсыкІэм хуэдэхэм -хэ льябжьэгьусэм, контекстым елытауэ, кьыщигьэлъэгьуэнкІэ хьунуц мыблагьэ объектым и щхьэ бжыгьэм имызакьуэу благьэ объектым и бжыгьэри, уеблэмэ, а тІуми я куэд бжыгьэри зэуэ, н.ж. *зыхуэс-шэр* гьэпсыкІэм мыхьэнэ зэмыщхьыщ иІэну хуээфІокІ: 1) «сэ ар зи деж сшэхэр», 2) сэ ахэр зи деж сшэр», 3) сэ ахэр зи деж сшэхэр».

б) благьэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы сэ сы-зыхуишэр, абы уэ у-зыхуишэр, абы ар зыхуишэр, абы дэ ды-зыхуишэр, абы фэ фы-зыхуишэр, абы ахэр зыхуишэр.*

Щхьэхьуэж парадигмэм зегьгьэубгьу хьунуц субъектымрэ мыблагьэ объектымрэ я щхьэ бжыгьэр кьэбгьэлъагьуэкІэрэ, еплъ: *сызыху-и-шэр – сызыху-и-шэ-хэ-р – сызыху-а-шэр – сызыху-а-шэ-хэ-р*, н.кь.

3) Щхьыщ зиІэ лэжыгьэцІэ лъэлэсхэм кьатепщІыкІ благьэ-объект ИүэхуцІэхэм захьуэж субъектымрэ мыблагьэ объектымрэ я щхьэхэмкІэ:

а) субъектым и щхьэхэмкІэ: *сэ абы хуэ-с-шэр, уэ абы хуэ-п-шэр, абы абы ху-и-шэр, дэ абы хуэ-т-шэр, фэ абы хуэ-ф-шэр, абыхэм абы ху-а-шэр.*

Благьэ объектым и щхьэ бжыгьэр -хэ льябжьэгьусэкІэ кьагьэлъагьуэ, еплъ: *хуэсшэр – хуэсшэ-хэ-р*, н.кь.

Мыблагьэ объектым и куэд бжыгьэр льябжьэгьусэ я-(*йа*)-кІэ кьагьэлъагьуэ: *хуэсшэр – я-хуэсшэр*, н.кь.

б) благьэ объектым и щхьэхэмкІэ: *сэ абы кьы-с-хуишэр, уэ абы кьы-п-хуишэр, абы абы кьыхуишэр, дэ абы кьы-т-хуишэр, фэ абы кьы-ф-хуишэр, абыхэм абы кь-а-хуишэр.*

Субъектымрэ благьэ объектымрэ я бжыгьэр кьэбгьэлъагьуэурэ парадигмэ ищхьэкІэ кьыщыхьам и дэтхэнэ сатырэм и хэпщІыкІыу зегьгьэубгьуфынуц, еплъ: *кьысху-и-шэр – кьысху-и-шэ-хэ-р – кьысху-а-шэр – кьысху-а-шэ-хэ-р*, н.кь.

8. ЩхьиплІ, щхьытху зиІэ лэжыгьэцІэ лъэлэсхэм кьагьэхьу ИүэхуцІэхэм я щхьэхьуэж парадигмэхэр кьанэ щІагьуэ щымыІэу зэтохуэ. Абы кьыхэкІкІэ ахэр кьрибгьэлъэгьуэн папщІэ ирикьунуц *детын* щхьиплІ зиІэ лэжыгьэцІэ лъэлэсым кьытекІ субъект, объект ИүэхуцІэхэр щхьэкІэ зэхьуэкІа зэрыхьур кьэдгьэлъагьуэмэ [Кабардино-черкесский язык 2006: 307].

1) *Дезытыр* субъект ИүэхуцІэхэм благьэ, мыблагьэ объектхэм я щхьэхэмкІэ зехьуэж:

а) благьэ объектым и щхьэхэмкІэ: *сэ абы сы-дызыритыр, уэ абы у-дызыритыр, ар абы дызыритыр, дэ абы ды-дызыритыр, фэ абы фы-дызыритыр, ахэр абы дызыритхэр.*

Субъектым, япэ, етІуанэ мыблагьэ объектхэм я бжыгьэр льябжьэгьусэкІэ кьэбгьэлъэгьуа мэхьу, еплъ:

1) субъектым и щхьэ бжыгьэр: *сыдызыр-и-тыр – сыдызыр-а-тыр*, н.кь.

2) япэ мыблагьэ объектым и щхьэ бжыгьэр: *с-ы-дызыритыр – с-а-дызыритыр*, н.кь.

3) етІуанэ мыблагьэ объектым и щхьэ бжыгьэр: *сыдызыритыр – сыдызырит-хэ-р*, н.кь.

ЖьэрыІуатэбзэм -хэ льябжьэгьусэм кьыщигьэлъэгьуэнкІэ хьунуц етІуанэ мыблагьэ объектым нэмыщІ япэ мыблагьэ объектым и бжыгьэри (ар *а*- льябжьэкІэ кьэмыгьэлъэгьуамэ), зыныкьуэкІэ мыблагьэ объектитІми я куэд бжыгьэр зэуэ кьыгьэлъэгьуэнри хэлъщ.

б) япэ мыблагьэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы сэ ар кьыдызы-з-итыр, абы уэ ар кьыдызы-у-итыр, абы абы ар кьыдызыритыр, абы дэ ар кьыдызы-д-итыр, абы фэ ар кьыдызы-в-итыр, абы абыхэм ар кьадызыритыр.*

Адрей щхьэхэм я бжыгьэри кьыхэбгьэщмэ, парадигмэм хэт дэтхэнэми оппозицэ сатырхэр кьегьэхьу, еплъ: *зыритыр – кьыдызырит-хэ-р – кьыдызыр-а-тыр, кьыдызыр-а-т-хэ-р*, н.кь.

в) етІуанэ мыблагьэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы сэ ар кьы-з-дызыритыр, абы уэ ар кьы-б-дызыритыр, абы абы ар кьыдызыритыр, абы дэ ар кьы-д-дызыритыр, абы фэ ар кьы-в-дызыритыр, абы абыхэм ар кьадызыритыр.*

Ипэ ита парадигмэм ещху мыбдежи оппозицэ сатырхэр кышооху, еплъ: *кызыдызыритыр – кызыдызырит-хэ-р – кызыдызыр-а-тыр – кызыдызыр-а-т-хэ-р*, н.кь.

2) *Дыритыр* благгэ-объект ІуэхуцІэр субъектымрэ мыблаггэ объектымрэ я щхьэхэмкІэ зэхуэкІа мэху:

а) субъектым и щхьэхэмкІэ: *сэ абы абы де-с-тыр, уэ абы абы де-п-тыр, абы абы абы дыр-и-тыр, дэ абы абы де-т-тыр, фэ абы абы де-ф-тыр, абыхэм абы абы дыр-а-тыр*.

Благгэ объектым и куэд бжыггэр -хэ лъабжьэужкІэ кьэггэлъэггуа мэху, еплъ: *дестыр – дест-хэ-р*, н.кь.

б) япэ мыблаггэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы сэ абы кыды-з-итыр, абы уэ абы кыды-у-итыр, абы абы абы кыдыритыр, абы дэ абы кыды-д-итыр, абы фэ абы кыды-в-итыр, абы абыхэм абы кь-а-дыритыр*.

Благгэ объектым и куэд бжыггэр -хэ лъабжьэггусэкІэ кьэггэлъэггуа мэху, еплъ: *кыдызитыр – кыдызит-хэ-р*, н.кь.

Субъектым и куэд бжыггэри апхуэдэу кьэггэлъэггуэ мэху: *кыдыз-и-тыр – кыдыз-а-тыр*, н.кь.

в) етІуанэ мыблаггэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы абы сэ кы-з-дыритыр, абы абы уэ кы-б-дыритыр, абы абы абы кыдыритыр, абы абы дэ кы-д-дыритыр, абы абы фэ кы-в-дыритыр, абы абы абыхэм кь-а-дыритыр*.

3) *Зыдыритыр* мыблаггэ-объект ІуэхуцІэр субъектым, благгэ объектым, етІуанэ мыблаггэ объектым я щхьэхэмкІэ зэхуэкІа мэху:

а) субъектым и щхьэхэмкІэ: *сэ абы ар зыде-с-тыр, уэ абы ар зыде-п-тыр, абы абы ар зыдыр-и-тыр, дэ абы ар зыде-т-тыр, фэ абы ар зыде-ф-тыр, абыхэм абы ар зыдыр-а-тыр*.

Мыблаггэ объектым и куэд бжыггэр -хэ лъабжьэггусэмкІэ кьэггэлъэггуэ, еплъ: *зидестыр – зидест-хэ-р*, н.кь. Ауэ кьэггэлъэггуапхьэщ -хэ лъабжьэггусэм мыпхуэдэхэм щыггуэ мыблаггэ объектым нэмыщІа дрей щхьэхэми я бжыггэр кьиггэлъэггуэнкІэ зэрыхунур. Апхуэдэ щыкІэкІэ *зидестхэр* ІуэхуцІэ гьэпсыкІэм мы кьэкІуэну мыхьэнэхэр иІэнкІэ хьунуш: 1) «сэ абы ар зи ггусэхуэ естыр», 2) «сэ абы ахэр зи ггусэу естыр», 3) «сэ абыхэм ар зи ггусэу естыр». Лъабжьэггусэ -хэ-м зэуэ щхьитІми, щхьищми я куэд бжыггэ кьиггэлъэггуэнкІэ зэрыхунур Іуэхум кыхэплъыггэмэ, ищхьэкІэ кыщыхьа гьэпсыкІэм мыхьэнэуэ иІэнкІэ хьунур куэдкІэ нэхьыбэщ [Бижоев 2005: 127].

б) благгэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы абы сэ сы-дызыритыр, абы абы уэ у-зыдыритыр, абы абы ар зыдыритыр, абы абы дэ ды-зыритыр, абы абы фэ фы-зыдыритыр, абы абы ахэр зыдырит-хэ-р*.

Дрей щхьэхэм я бжыггэхэри кьэггэлъэггуа зэрыхум и фІыггэкІэ мы парадигмэм хэт дэтхэнэми оппозицэ сатырхэр кьеггэху, еплъ, псалгэм папщІэ: *сы-зыдыр-и-тыр – сы-зыдыр-и-т-хэ-р – с-а-зыдыр-и-тыр – сы-зыдыр-а-тыр*, н.кь. Лъабжьэггусэ -хэ-р мыбдежи щымыхьэнэбэщ – *сызыдыритхэр* гьэпсыкІэм, контекст зыхэтым елытауэ, мыпхуэдэ мыхьэнэхэр иІэнкІэ хьунуш: а) «абы сэ абы зи ггусэхуэ сырितыр»; 2) «абы сэ абы зи ггусэу сыритыр»; 3) «абы сэ абыхэм зи ггусэхуэ саритыр». Ещанэ щхьэ гьэпсыкІэм деж благгэ субъектым и бжыггэр кыщыбггэлъэггуэ мэхури, мыбдеж -хэ лъабжьэггусэм благгэ объектым и бжыггэри кыщеггэлъэггуэ, еплъ: *зыдыритхэр* «абы ахэр абы зи ггусэу иритыр».

в) етІуанэ мыблаггэ объектым и щхьэхэмкІэ: *абы сэ ар кызыды-з-итыр, абы уэ ар кызыды-у-итыр, абы ар кызыды-ритыр, абы дэ ар кызыды-д-итыр, абы фэ ар кызыды-в-итыр, абы абыхэм ар кь-а-зыдыритыр*.

Дрей щхьэхэми я бжыггэхэр кьэггэлъэггуэ зэрыхум и хьэкькІэ парадигмэм и сатырхэм зебггэубггуэ мэху, еплъ, псалгэм папщІэ: *кызыды-з-и-тыр – кызыды-з-и-т-хэ-р – кызыды-з-а-тыр*, н.кь. [Бижоев 2005: 129].

КъызэрызэцIэткуэуж гупсысэхэр мыращ. Япэрауэ, адэгэбзэ IуэхуцIэм щхьэ-хъуэж зэриIэм гу зэрылыгэтерэ икIи зэрелэжьрэ зыкъом щIами, мы Iуэхугуэум ехьэлIа лъэныкъуэ псори мызыгъуэгукIэ наIуэ къащIауэ пхужыIэнукъым. IуэхуцIэхэм я зэхэлыкIэм елыгтауэ абыхэм щхьэкIэ зэрызахъуэжым яхэлъ щхьэхуэныгъэ-хэм нэхъ гупсэхуу кIэлъыплъыпхьэщ. ЕтIуанэрауэ, IуэхуцIэхэмрэ ахэр къызытекI лэжыгъэцIэ ухахэмрэ я зыхъуэжыкIэр зэбгъапщэкIэрэ гъэщIэгъуэн гуэрхэр сэтей къыпхуэщIынуу. Ещанэрауэ, IуэхуцIэ щхьэхъуэжыр бзэ куэдым ядомылыгагу нэщэнэу щыщыткIэ, ар джыным лингвистикэ теорием и дежкIи мыхьэнэ щилэкIэ, адыгэбзэм елэжъ щIэныгъэлIхэм мыбы дяпэкIи я нэIэ трагъэтыпхьэщ.

ЕIуэлIапхьэхэхэр

1. *Бижоев Б.Ч.* Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991. 152 с.
2. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
3. *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. 216 с.
4. *Кабардино-черкесский язык* в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
5. *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 342 с.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПАРАДИГМАТИКИ СПРЯЖЕНИЯ СУБЪЕКТНЫХ И ОБЪЕКТНЫХ ПРИЧАСТИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Статья посвящена выявлению особенностей изменения по лицам субъектно-объектных причастий в кабардино-черкесском языке. Подчеркивается тот факт, что сама возможность адыгских причастий иметь парадигматику спряжения является уникальной спецификой адыгских языков, отличающей их если не всех языков мира, то от их подавляющего большинства. Именно это обуславливает важность описания и подробного анализа подобного явления не только для адыговедения, но и для теории лингвистики. В работе сопоставляются парадигмы спряжения причастий и глаголов, от которых они производятся, и таким путем наглядно демонстрируются сходства и расхождения между ними в этой области. Подобный анализ позволяет сделать вывод о том, что причастия в адыгских языках, приобретая признаки имени, в то же время во многом сохраняют и свойства исходных для них финитных глаголов, и в их числе важнейшим является спряжение.

Ключевые слова: спряжение, парадигматика, причастие, одноличные глаголы, полиперсонализм, прямой объект, единственное число, многозначность.

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE PARADIGMATICS OF CONJUGATION OF SUBJECT AND OBJECT INVOLVES IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Bizhoev Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Research Scientist, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bizhoev1952@mail.ru

The article is devoted to identifying the features of the change in the subjects of subject-object participles in the Kabardino-Circassian language. The fact is emphasized that the very possibility of the Adyghe participles to have the conjugation paradigmatics is a unique specificity

of the Adyghe languages, which distinguishes them, if not all languages of the world, then from their overwhelming majority. This is what determines the importance of describing and analyzing such a phenomenon in detail not only for Adygology, but also for the theory of linguistics. The work compares the conjugation paradigms of the participles and the verbs from which they are derived, and in this way the similarities and differences between them in this area are clearly demonstrated. Such an analysis allows us to conclude that participles in the Adyghe languages, while acquiring the signs of a name, at the same time largely retain the properties of the original finite verbs for them, and among them the most important is conjugation.

Keywords: conjugation, paradigmatics, participle, one-person verbs, polypersonalism, direct object, singular, polysemy.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-67-74

АДЫГЭБЗЭМ И ГЪЭЗЭЦЭНИМ БГЪЭДЭЛЬ ГРАММАТИКЭ НЭЦЭНЭХЭР

Жылэтеж Хьэжысмел Чылэний и кьуэ, филологие цлэныггэхэмклэ кандидат, Федеральнэ кьэрал бюджет цлэныггэ Гуэхуцлаллэ «Урысейм цлэныггэхэмклэ и академием и Кьэбэрдей-Балкькэр цлэныггэ центр» «Федеральнэ цлэныггэ центрм» и кьудамэм адыгэбзэ секторым и цлэныггэ лэжыаклуэ нэхьыж, hazismel@mail.ru

Мы лэжыггэр теухуаш адыгэбзэм и гъэзэцэным бгъэдэль грамматикэ нэцэ- нэхэр зэубз цлэным. Адыгэбзэм и гъэзэцэныр цлэныггэ бгъэдыхьэклэклэ яджын зэрщадзэрэ зэман зыбжанэ дэклами, абы теухуауэ иджыри зэхэггэклыпхьэ, убзы- хупхьэ Гуэхуггэуэ куэд зэрщыцлэм шэч хэлькыым. Псалгэм папцлэ, гъэзэцэныр бзэм кызырыхьаггэклэ щыклар, псалгэ лэпкыггэуэу кьэклуам елытауэ зэрагуэшыр, и зэхэтыклар тешыхьауэ илэ лэужыггэуэхэр. Абыхэм нэмыщлэ цыщлаггэ ину кы- долгытэ гъэзэцэным теухуауэ адыгэбзэклэ шылэ лэжыггэхэр зэрымащлэ дыдэр. Мы кьедбжэклэ Гуэхуггэуэхэр зэхэггэкыным теухуаш мы лэжыггэр.

Зэрыггэуээн псалгэхэр: адыгэбзэ, гъэзэцэн, псалгэуа, псалгэ лэпкыггэуэ, синтаксис кьалэн, лэабжэггэуэ.

Адыгэбзэм и гъэзэцэныр, уасэхуэщл-зэман, субъект-объект зэхушы-тыклар кыггэлыггэуэклэрэ, псалгэуахэм и лэабжэггэтлэ пкыггэуэ иклар и зэхэлтыклар кызызыггэпэщкыпцлэмэху. Абыпкыггэуэт Гуанэхэм ямызакьуэу гъэзэцэлагуэри и унафэм щлэггэуэ: гъэзэцэным гъэзэцэлагуэр, хэггэхуэныр, предмет мыхьэнэ зилэ хьэлхэр зэреггэлагуэ, абы кыдэлагуэу гъэзэцэлагуэм, хэггэхуээн занщлэмрэ мыблаггэмрэ щхьэкли бжыггэкли йоклу. Мыбдежи гъэзэцэным пыуэ субъект, объект кызыггэлыггэуэ щхьэ аффиксхэм я зэклэлыклар елыташ лэжыггэцлар лэлагуэ е лэмылагуэу шытыным. Гъэзэцэныр а лыхьэхэм я закьуэжкыым зыдэггэпсар, атлэ хьэл зэмылагуэжыггэуэхэми ядэггэпса мэху абы (гъэзэцэным) пыуэ **-щлэ, щ-, дэ-, те-**, н. хьэл псалгэлапэхэмрэ провербхэмрэ кыггэсэбэпурэ.

Гъэзэцэным хэль нэггэуэщл щхьэхуэныггэхэм ящыщ синтетизм иныр [Кабардино-черкесский язык 2006: 409]. Абы и флыггэклэ мы псалгэуахэм и пкыггэуэр гъэзэцэн кудейуэжкыым кызырыклар, атлэ езым и закьуэуи псалгэуа мэхуф. Ар кызыхьаггэр гъэзэцэлагуэм, хэггэхуэным, хьэлым я лэабжэггэуэ морфемэхэр гъэзэцэным зэрхэтыраш.

Морфологие и лэныкьуэклэ зыхуэдэм елытауэ, гъэзэцэныр адыгэ бзэцэныггэлэхэм тлуэу ягуэш хабзэц – лэжыггэцларэ цлэуэ [Урыс 1994: 27; Джаурджий, Дзасэж 1992: 26]. Ауэ апхуэдэ гуэшыкларлэ мал имылауэ ущыцлэуээн Гуэхуиггэуитлэ кыхоклэ:

1. Лэжыггэцларэхэм хуэдэу уасэхуэщл-зэман категорэ зимылэ цлэхэм гъэзэцэн кьалэныр езыхэр цлэуэ кьэнэжу, лэжыггэцларэ лэужыггэуэ мыхьуу ягъэзэцлэфыну?

2. Гъэзэцэнхэр лэжыггэцларэ цлэуэ бгуэшмэ, гъэзэцэну кьакуэ Гуэхуцлэхэр, Гуэхудэлагуэхэр, абыхэм я зэхыхьэхэр, инфинитивхэр, цлэхэмрэ лэжыггэцларэ гьэпсыкларэхэмрэ зэггэуэу кышыкларэклэ, ахэр дэтхэнэ гупыр ара зыхьэггэхьэнур?

Япэ упщлэм ехьэлауэ адыгэ бзэцэныггэм еплыкларэ зэтемыхуэхэр шылэщ: языныкьуэ адыгэ бзэцэныггэлэхэм кьалгытэ сыт хуэдэ цлэри лэжыггэцларэ хьуфыну: **сы-цыхуш**, мыр **щлалэш**, ар **дахэш**; адрейхэм зэрагуггэмклэ, цлэ

гъээщлэным и зыхъуэжыныгъэр зэрэкӀуэкӀыр цӀэ зыхъуэжыныгъэкӀэщ икӀи сыт шыгъуи цӀэуэ кӀонэж. Мы ушщӀэм ехъӀлауэ Ӏуэхур зытетым нэхъ пэгъунэгъуу ещанэ еплъыкӀи шыӀэщ: цӀэ зыхъуэжыныгъэкӀэ зэхъуэкӀа хъу цӀэхэр цӀэуэ кӀонэж, ауэ лъабжьэгъусэ хъей зыхэт цӀэ гъээщлэнынр лэжыгъэцӀэ мэхъу: *Ди адэр мэ-пхъащӀэ-р*; *Сэ залымыгъэкӀэ с-о-Ӏэзэ-р*; *Уэ ӀэмалынишагъэжкӀэ у-о-дохутыр*; *Мудар пӀальэкӀэ мэ-бригадир*. ЦӀэ-гъээщлэну мы шапхъэхэм хэт *мэ-пхъащӀэ-р*, *с-о-Ӏэзэ-р*, *у-о-дохутыр*, *мэ-бригадир* псалъэхэм, предмет, шытыкӀэ мыхъуу, *еупс* (*пхъэр*), *солажьэр*, *уеджащ* (*тхылъым*) лэжыгъэцӀэ хъейхэм хуэдэу Ӏуэхугъуэщ къагъэлыагъуэр. Мыпхуэдэ гъээщлэнынр шыӀэцӀэу убж хъунукъым, я мыхъэнэкӀэ абыхэм къагъэлыагъуэ Ӏуэхугъуэр ипэм щегъэжьауэ къэлытэн хуейщ. Абыхэм зэреплын хуейр Ӏуэхугъуэ къэзыгъэлыагъуэ лэжыгъэцӀэуш (*дохутырын*, *пхъэщӀэн*, н.кь.). Ӏуэхугъуэ къагъэлыагъуэу апхуэдэхэм хоувэ хъей лъабжьэпэхэу *мэ-ма, о-*, псалъэужь *-р*.

МыдэкӀэ къагъэлыгъуапхъэщ цӀэ зыхъуэжыныгъэкӀэ зэхъуэкӀа хъу цӀэхэр шытыкӀэ къэзыгъэлыагъуэ цӀэуэ кызызынэжыр: *Ди гъунэгъур пхъащӀэщ*; *Уэ удохутыри*; *Мурад бригадир*.

ЦӀэ зыхъуэжыныгъэкӀэ зэхъуэкӀа хъу цӀэхэм къащхъэщыкӀыу, цӀэхэм къатекӀа лэжыгъэцӀэхэм гъээщлэным и синтаксис увыпӀэр хуэгъууш псалъэухахэм щаубыдыф: *Уэ дохутыр*; *Фыбригадир*; *УмыпхъащӀэ*.

ЦӀэхэм къатекӀа лэжыгъэцӀэхэм, лэжыгъэцӀэ хъейхэми хуэдэу, зэрыушщӀэ псалъэухахэм псалъэужь хъей *-р(э)* щапоувэ, абыкӀэ псом япэу ахэр къащхъэщокӀ кызызыгъуэкӀ цӀэ-гъээщлэну апхуэдэ синтаксис зэхэлъыкӀэм хэтхэм: **Убригадир-р?** **Убригадир?** **УпхъащӀэркъэ?** **УпхъащӀэкъэ?**

ЕтӀуанэ ушщӀэр – гъээщлэнынр цӀэрэ лэжыгъэцӀэу гуэшынынр – икъукӀэ елыта зэхэгъэщхъэхукӀыныгъэщ, сыт щхъэкӀэ жыпӀэмэ абыхэм я зэхуаку гъунапкъэ пыухыкӀа дэлькъым. Гъээщлэну къакӀуэ лэжыгъэцӀэхэм лэжыгъэцӀэ гъээщлэнкӀэ уеджэ хъумэ, цӀэхэр – еӀуэлӀапхъэ гуэрхэр иӀэу цӀэ гъээщлэнынр хэббжэмэ, гурыӀуэгъуэкъым гъээщлэнынр къалэн яӀэу къакӀуэ ӀуэхуцӀэр, ӀуэхудэкӀуэр, инфинитивыр (абыхэм я зэхыхъэхэр), субстантив е адъектив зэхыхъэхэр, къэхъукӀэцӀэмрэ макъыцӀэмрэ, фразеологизмэ (псалъафэ) е нэгъуэщӀ псалъэ зэпхэхэр здыхэбгъэхънур.

Гъээщлэнынр къалэн яӀэу къакӀуэ лэжыгъэцӀэ гъэпсыкӀэ зиӀэхэр (ӀуэхуцӀэр, ӀуэхудэкӀуэр, инфинитивыр) адыгъэбзэм и гъээщлэнынр лӀэужыгъуэ гуэрым шыхэдгъэхъэкӀэ, а гупым хэгъэхъэн хуейщ зэхыхъэхэм я купщӀэ Ӏыхъэу къакӀуэ лэжыгъэцӀэ гъэпсыкӀэхэм къагъэхъу синтаксис зэхыхъэхэри.

Гъээщлэнынр къакӀуэ субстантив е адъектив зэхыхъэхэр, цӀэ е лэжыгъэцӀэ псалъэ зэпхэхэр гуэшын хуей хъумэ, ари зэрыщын хуейр а щыкӀэмкӀэщ – Ӏыхъэ нэхъыщхъэр зыщыщ псалъэ лӀэпкъыгъуэм елытауэщ.

Гъээщлэнынр къакӀуэ фразеологизмэ занэхэм я Ӏуэхур нэхъ гугъуш, сыт щхъэкӀэ жыпӀэмэ предикат синтаксис увыпӀэр ялыгыфынуш лэжыгъэцӀэ, лэжыгъэцӀэ-цӀэ е цӀэ фразеологизмэхэм (псалъафэхэм). Абы нэхъей, бзэм куэдэр уащрохъэлӀэ я гъэпсыкӀэкӀэ лэжыгъэцӀэ, я мыхъэнэкӀэ цӀэ фразеологизмэ занэхэм: *и напэм къэнжал тебзащ*; *щай и уасэкъым*; *и Ӏэнэм дыщэ кыпоиц*; *псалъитӀ я цхъэ зэтричыркъым*. Гъээщлэнынр къэкӀуа фразеологизмэ занэхэр гуэшын хуей хъумэ, лэжыгъэцӀэ е цӀэ фразеологизмэхэр зыхуэфашэ гъээщлэнынр гупым хэгъэхъамэ, я гъэпсыкӀэкӀэ лэжыгъэцӀэ-цӀэуэ щытхэр, ауэ я мыхъэнэкӀэ цӀэуэ къэхъахэр, я гъэпсыкӀэ нэщэнэ къудеймкӀэ лэжыгъэцӀэ гъээщлэнынр къэлытамэ нэхъ тэмэмщ.

Гъээщлэнынр къэхъа къэхъукӀэцӀэхэр, макъыцӀэхэмрэ зэрызыпащӀыж псалъэхэмрэ цӀэхэм хэгъэхъапхъэщ, сыту жыпӀэмэ, предикату щыткӀэрэ, ахэр ягъээщӀэ къалэнкӀэ цӀэхэм нэхъ япэгъунэгъуш.

Абы кыдэкӀуэуи иджыри зэ кыыхэгъэщыпхъэщ гъээщлэнынр лӀэужыгъуитӀу – цӀэрэ лэжыгъэцӀэу – гуэшынынр икъукӀэ елытауэ зэрыщытыр, абы кыыхъэкӀыу нэхъ щхъэпэщ гъээщлэнынр зыхыхъэ цӀэ е лэжыгъэцӀэ гупым елытауэ мыгуэшынынр, атӀэ абыхэм я зэхэлъыкӀэм тецӀыхъынынр.

ГъэзэщIэным и нэцэнэмрэ хэхауэ иIэ гъэпсыкIэхэмрэ елыгытауэ кызырыкIуэ, зэхэт, зэхэль гъэзэщIэнхэр кыыхэбгъэкI хьунуш.

ГъэзэщIэн кызырыкIуэр

Адыгэбзэ псалъэухам гъэзэщIэн кызырыкIуэр зи щхъэ хушытыж псалъэхуэ кыщокIуэ, щхъэтечауэ жыпIэмэ: лэжыгъэщIуэ, IуэхуцIуэ, IуэхудэкIуэу, цIуэу, кьэхьукIэцIуэ, макьыщIуэ е фразеологизмэ зануэ.

ГъэзэщIэн и синтаксис увыпIэр яубыд мыхъей лэжыгъэщIэхэмрэ лъэIэс гъэпсыкIэ зиIэ хъей лэжыгъэщIэхэмрэ зэралуатэ, зэрыупщIэ, фIэфIыныгъэ, хуэгъэуш, унафэ, гъэщIэгъуэныгъэ, шэч кытехъэныгъэ тешэхэм итхэу. Абы шыгъуэми лэжыгъэщIэхэр итыфынуш бзэм иIэ зэман псоми – ит, блэкIа, кьэкIуэну гъэкIэщIа, шыз зэманхэм, аорист гъэпсыкIэм.

ГъэзэщIэну кьакIуэр зыхуэдэм елыгытауэ (хъей/мыхъей, зэрыт тешэм, зэманым), предикату шыт лэжыгъэщIэм гъэзэщIэныгъэ кьэзыгъэлыагъуэ **-щ, -т, -кьым, мы-, мэ-/ма-, о-, -мэ, -ми**, н. поувэ: *Беймырзэ и хъэщIэщым дынэблэгъа-щ* [Кьалэмбий. 1978: 17]; *Дыгъэр пэаззэу щхъэгум кьытехъа-т* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 397]; *Апхуэдэ гуапагъэ езы цауэм кыгъэщIам илгъэгуа-кьым*; (Тырку:) *А илгъэс блыщIым шыцу илгъэс цэ ныкьуэр, тобэ ирехъу, сыбанэу-сызауэу есхъэклагъэн-щ* [Шортэн 1988: 99]; *Хъэсэн, мы уэздыгъэр плагъурэ?*; *Ноби щхъэ сепхужьа?* [Кьэрмокъуэ 2007: 27]; *Мэ-гупсысэ-р уэрэдусыр* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 321]; *Нанэ, фIыти сыкьыумылъхуамэ, бэлыхъэмэ ухъэмьидамэ. Зедзэну уи щIалэ цIыкIур кьэмыхъуу лэжамэ* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 42].

ЩыIэныгъэ псалъэухам IуэхудэкIуэр гъэзэщIэну шыхъэуэкIэ, абы гъэзэщIэныгъэ кьэзыгъэлыагъуэ лъабжьэгъусэ **-щ, -т** поувэ. ЩымыIэныгъэ псалъэухахэм а зы IуэхудэкIуэ-гъэзэщIэным, псалъэухам и стиль кьалэным елыгытауэ, шымыIэныгъэ предикат лъабжьэпэ **мы-м** нэмышI а мыхъэнэ дьдэр игъэзащIуэ лъабжьэгъусэ **-кьым** хъуэфынуш: *ЗэIуцIэм кьрагъэблэгъар школыр кьэзыгъххэр-т* [Кьэрмокъуэ 2004: 45]; (Алим:) *Сэ (тхыль) сурэт зэрытхэр-щ сфIэфIыр* [МафIэдз 2014: 236]; *Гузэвэгъуэм сыхъэздзар кьэкIуэжсар-кьым*.

IуэхудэкIуэр гъэзэщIэну зыхъуэ псалъэухахэм яIэ нэцэнэ щхъэхуэныгъэхэм ящыщI апхуэдэ псалъэухахэм гъэзэщIакIуэм и синтаксис кьалэныр IуэхуцIэм (IуэхуцIэ зэхыхъэм) зэрышигъэзащIэр: *Ар кьызырыфэр дэлъейуэщI*; *Уэ мэкъу уэрэурэуэ угъэшауэщI*; *АдэкIэ дызэрыкIуэнур дьыщурэщI*.

ГъэзэщIэну псалъэухам куэдрэ кыщокIуэ инфинитивыр, ар шыIэцIэ хъуахэми шыIэцIэ мыхъуахэми ящыщынкIэ хьунуш. Япэм хуэдэмэ, инфинитив-гъэзэщIэным гъэзэщIэныгъэ кьэзыгъэлыагъуэ лъабжьэгъусэ **-щ, -т, -кьым**-хэм ямызакъуэу псалъэзешэ лъабжьэгъусэхэри поувэр. Арами, апхуэдэ инфинитив-гъэзэщIэнхэр я мыхъэнэр кьэщIытэмэ, лэжыгъэщIэми цIэми хэбгъэхъэ хьунуш: *Ар зыпэмьлгъэщыр тхэны-р-т*; *Уэ узэрыцIэрыIуэр бэнэнымкIэ-щ*.

ЕтIуанэм деж инфинитив-гъэзэщIэныр кьэкIуэну зэманым ит лэжыгъэщIэ гъэпсыкIуэ кьэхъаш, субъектым и лъабжьэгъусэ поувэр (щхъэ куэд зиIэ лэжыгъэщIэ-инфинитивым – объектум и лъабжьэгъусэхэри): *Сэ нэхъ насытыфIэ хэт щыIэнт иджыпсту!*; *Хэт и-щIэнт IытIэ дунейм щекIуэкI Iуэхухэми апхуэдэу хэгупсысыхъу* [Кьэрмокъуэ 2007: 160]; *Сытым п-и-щIынт абы иджыпсту и гупсысэм щIыгъуныр*; *Хэт у-хуэзгъэдэн си дахэр?*

ГъэзэщIэн кызырыкIуэу кьокIуэф цIэтэкI лэжыгъэщIэхэр: *Махуэм солгъуэр*. *Жэщым солгъыр*; *Ар нэмышэ кхъухълыатэт* [Кьэрмокъуэ 1984: 205]; *Уэ у-обригадир, аракъэ? Зауэм и пэкIэ (Мурид) илгъэситIкIэ трактористащ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 21].

ГъэзэщIэн кызырыкIуэм и синтаксис кьалэныр адыгэбзэм шагъэзащIэ субъектым и шытыкIэгъэлыагъуэ нэцэнэ, зэрыщытыр, зейр кьэзыгъэлыагъуэ цIэхэм. Предикату кьэкIуа цIэхэм мыхъей лэжыгъэщIэхэм хуэдэу захъуэж. Ауэ, абыхэм

кьашхьэщыкыгу, цIэ-гъэзэщIэнхэр объектум и щхьэмкIэ зэхуэкIа хьуркыым. Зэрауатэ псалъэуха кызырэрыкIуэм цIэ-гъэзэщIэнхэм я шыIэныгъэр гъэзэщIэныгъэ лъабжьэужь **-щ, -т**-хэм кышцагъэлыагъуэ, шымыIэныгъэр – лъабжьэужь **-кыым**-м.

ТхьэрыIуэ псалъэухахэм шыIэныгъэр кьрагъэлыгъуэн папщIэ лъабжьэужь **-щ, -т**-хэм нэмышI **-мэ, -кIэ** лъабжьэужьхэр кышцагъэсэбэп. Апхуэдэ псалъэухахэм шымыIэныгъэр лъабжьэгъусэ **-кыым, мы**-хэмкIэ гъэнэIуа шохуэ: *Ар Хьэсэнщи, тхьэ; Ар Хьэсэнкыым, алыхь; Уэлэхьы, ядыгъуар мы-щэщI; Уи фIэщ зэрыхун, а пиццэр дахэ-кIэ.*

Предикату кьэкуа цIэхэм гъэнэхуа-мыгъэнэхуа категорэмрэ псалъэзешэмрэ яIуэ кьонэж. Абы кыдэкIуэу гу лыгтэн хуейщ цIэ-гъэзэщIэнхэм псалъэзешышым (цIэиуэ, зыунэтI, зэрыху) я лъабжьэгъусэхэм языхэз пытынкIэ зэрыхунум. Апхуэдэ цIэхэм зыхуэуж псалъэзешэм и лъабжьэгъусэ пыту литературэбзэм кышчыкIуэ хабзэкыым.

ГъэзэщIэн кызырэрыкIуэу бзэм кышчокIуэ мыпхуэдэ цIэхэр:

1. ШыIэцIэ зэдайхэмрэ унейхэмрэ: *Гъуабжэ псори мыщэккыым. Лыд псори дыщэккыым* [Джэрыджэ 2018: 17]; *Япэрауэ, сэ сыерыпIынэ цIыкIуеккыым, товарищ бригадир, сы-Багъ Софятиц* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 145]; *Ар лыгъэ?* [МафIэдз 1992: 213].

Гуп щхьэхуэ мэхуэ зэхьэкIа мыхьэнэ яIуэ предикату кьэкуа шыIэцIэхэр. Абы шыгъуэми апхуэдэ цIэхэр псалъэ щхьэхуэккыым зыпэувыр, атIэ жыIэгъуэ псохэм япохуэ. Я мыхьэнэкIэ ахэр зэхуэдэккыым. Иныкыуэхэр фразеологизмэ теплэ лъэпкь ямыIуэ кьахь, адрейхэр фразеологизмэхэм хуокIуэ: *Сыщытыфынуккыым, алыхь, сыоперацэщ* (и мыхьэнэкIэ: *Операцэ сацIауц*); *Нобэ узанятие?* (и мыхьэнэкIэ: *Нобэ занятие уиIэ? (ибгъэлэрэ?)*); *Уэ угуащэккыым, утхьэмадэккыым* (и мыхьэнэкIэ: 1. *Тхьэмади гуащи убгъэдэсккыым*; 2. *Уэ ухьыджэбз дэсиц*); *Сэ сыбынищ, сыунэщ* (и мыхьэнэкIэ: *Унагъуэ сиIэщ*); *Уадыгэбзи уэ!* (и мыхьэнэкIэ: *Уэ уадыги*); *Уэлэхьы, сыадыгэбзэм* (и мыхьэнэкIэ: *Сыадыгэщ*); *Сэ сыныбжэзгъуккыым, сыжэрэгъуккыым* (и мыхьэнэкIэ: *Сэ си закъуэщ*).

Фразеологизм нэцэнэ яIэщ мыпхуэдэ цIэ-гъэзэщIэнхэм: *Умастэккыым, уIуданэккыым* (и мыхьэнэкIэ: *Укъулейсыщ*); *(Замирэт Женя жриIуэ:) Узиблагъэккыым, узиньбжэзгъуккыым, узипэишэгъуккыым* [Къэрмокъуэ 2004: 153] (и мыхьэнэкIэ: *Узизырищ*); *Ар гъуапэккыым, пицампIэккыым* (и мыхьэнэкIэ: *Ар мыхьэнэнищэщ*).

2. ШытыкIэгъэлыагъуэ, ехьэлIа пльыфэцIэхэр: *Дыщ мэжаджэ IэфIц* [Адыгэ псалъэжьхэр 1967: 22]; *ЦIыхуфэр Iувиц* [Адыгэ псалъэжьхэр 1967: 96]; *(Женя:) Апхуэдэу жумыIэ, Замирэт, уэ иджыри уцIалэщ, удахэщ...* [Къэрмокъуэ 2004: 154]; *Анэм и гур шабэщ, нэхь хуабэщ, ар нэхь гуащIэмащIэщ* [ШэджыхьэщIэ 1987: 53]; *Иэнэм кьытралъхьа шхыныр дыгъуасэрейщ; Хьэжыым кьыдита мэкъур нэгъабэрейт.*

3. БжыгъэцIэ гуп земылIэужьыгъуэхэр: *Зэпеуэм шытекIуар етIуанэриц (бригадэ); ЦIыкIухэр иратар тIурытIц; Пхьуантэм и цIэр тIуащIэщ.*

4. ЦIэпапщIэ гуп псори: *Ауэ, умыдэжъ гуэрыращи, революцэм псом япэ хуит кыицIар хэт?* [Елгъэр 1988: 79]; *Уэрац, си дахэ, сэ си псэ, ПсэукIэ псори зыгъэфIыр* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 113]; *Сыт хьэдыгъуэдахэ а жыпIэр?!* [Елгъэр 1988: 81]; *Хьэжы, унафэр ууейщ, уэ пиIымыкIэ сыарэзыщ* [ЩоджэнцIыкIу 2000: 396]; *Иджы щхьэж и бжэмьышх кьылъысыжын папщIэ унафэр мырац* [Дыгъужь 1983: 14]; *Сэраккыым икIи уэраккыым зи ягъэр – эзырац* [Елгъэр 1976: 146].

5. КъэхьукIэцIэр: *(Безрыкыуэ:) Си унагъуэбжэр нобэщ шыхуэсиIыжар* [Нало 1993: 338]; *(Мэзан КIулэ жриIуэ:) Уа, ныщхьэбэккыым дэ япэ дыдэу дыщызэхуэзари зэпылъын шыцIэддзари* [Елгъэр 1983: 14]; *(Къуэиэрим:); Дыгъуасэт уэ щхьэкIэ тхыль кыищысIэрыхьар, Сэлмэн* [ШэджыхьэщIэ 1987: 329]; *Дыгъуэс-жэщ, хьэуэ нышэдибэт ар...* [Елгъэр 1983: 69]; *Хьэуэ, зиунагъуэрэ, абы и хадэр ижыырабгъумкIэщ* [Елгъэр 1983: 111].

6. Макъыцлэхэмрэ зэрызыпашлэж псалъэхэмрэ: *Ар цлыху кынтлэ-кынтлэиц; Абы и хьэлыр а-ды-дыдиц; Анэм и гуцхьэр мафлэм кърисыклэрт. Уэху-уэхьт.*

Гьэзэщлэну псалъэухам кыщоклуэ лэжыгыэцлэ-цлэ, лэжыгыэцлэ, цлэ фразеологизмэхэр.

Гьэзэщлэну кьэклуа лэжыгыэцлэ, лэжыгыэцлэ-цлэ фразеологизмэ занэхэм псалъэ нэхьыщхьэу хэтыр субъект-объект лъабжьэгъусэхэмрэ зэман категорэ кьэзыгьэлыагъуэмрэ зиэ лэжыгыэцлэхэмрэщ.

Лэжыгыэцлэ фразеологизмэхэм я лъэлэс-лъэмылэс категорэр лэжыгыэцлэ кьызырыклуэхэм я категорэм кьызырыщхьэщыкл шылэкъым. Ауэ лэжыгыэцлэ фразеологизмэхэм гьэпсыклэ кьагьэхьухэр мащлэщ.

Цлэ фразеологизмэм и пкъыу шытщ шылэцлэр. Предикату кьэклуа цлэ фразеологизмэхэм, псалъэ-цлэхэм зэпэбжу шытхэм, цлэ-гьэзэщлэнхэм япыгуэ лъабжьэгъусэ дьдэхэр ягъуэт: *Лекторым зэрылэзэм нэхьрэ нэхь лэзэжу зыкыгьэлыгьэгуэну и ужь зэритым Мыхьэмэт гу лъитат* [Кьэрмокъуэ 2007: 166]; *Билал и цхьэгъусэр лухукли псалъэкли чэнджэщэгъу ицлэкъым. Сыту жыплэмэ, я акъыл зэтэхуэтэкъым* [Дыгъужь 1983: 78]; *Шафигь лэджэми я цхьэфэ шлэбаиц* [Кьэрмокъуэ 2004: 134]; *И шыр зыцлэт боклэ (шэшэным) зидзри – мэхь-мэхь – шыр бгъуэтмэ къащтэ* [Шортэн 1975: 257].

Адыгэбзэм фразеологизмэу кьэклуа гьэзэщлэныр гьэгугъуахэм хабжэ.

Гьэгугъуахэм хохьэ тлуэ зэдзыллауэ кьэхьа лэжыгыэцлэ-гьэзэщлэнхэри. Ахэр гупитлу бгуэш мэхьу: 1) псалъэпкъхэр зэмышхьу зэдзылла лэжыгыэцлэ гьэзэщлэнхэр; 2) псалъэпкъхэр зэщхьу зэдзылла лэжыгыэцлэ гьэзэщлэнхэр.

Япэ гупым хыхьэ гьэзэщлэнхэм ялэ шхьэхуэныгьэщ я мыхьэнэр налуэу кьызырыгьэлыгьэуар, ахэр зыклэщлэпч мыхьуу зэрыщытыр. Абы шыгъуэми лэжыгыэцлэ псалъэпкъ зэмышхьитлыр лухугъуэм и эклэлтыклуэныгьэр кьэзыгьэлыагъуэ лъабжьэгъусэ -ри-клэ зэпхауэ шытщ. Лэжыгыэцлэ псалъэпкъитлми субьектым и лъабжьэгъусэ япоувэ, нэхьыбэрэ блэкла зэман гьэпсыклуэ кьоклуэр. Апхуэдэ лэжыгыэцлэ-гьэзэщлэнхэм псалъэухам и мыхьэнэм быдагьэ, ерышагьэ халхьэ: *Ябзри ядыжаиц ар унафэицл нэхьыщхьэхэм; (Хьэжпагуэ Софят жрилуэ:)* Гьэ псом лыхьэ-лыхьэу зэдгьэпэщыжа тракторыр пкъутэри уежьэжаиц [Щоджэнцлэку I. 1962: 145]; *Сэ си насытыр зыхьа псытэр блэжери ежьэжаиц* [Елгьэр 1983: 24]; *Гьунэгьур уафэм доклуейри кьохыжэ псори и нэклэ илээгъуауэ; Адакьэжьыр тенклэри иплытлыжаиц* [Адыгэ псалъэжьхэр 1967: 107].

Зи псалъэпкъыр зэщхьу зэдзылла лэжыгыэцлэ гьэзэщлэнхэм, ищхьэклэ зи гугъу тшлэ гьэзэщлэнхэм хуэдэу, псалъэухам быдагьэ, пэжыныгьэ халхьэ. Ауэ иужьрейхэм къашхьэщыкыу, зы лъабжьэ зиэу зэдзылла лэжыгыэцлэ-гьэзэщлэнхэр я мыхьэнэклэ эклэщлэпч мыхьуу шыткъым. Ахэр зэманищми я гьэпсыклэхэр ялэу зэралуатэ, зэрыупщлэ, хуэгъуш тешэхэм иту кьоклуэ. Абы шыгъуэми предикат лъабжьэгъусэхэр зыпыувэр гьэзэщлэнхэм ящыщ зыращ. Апхуэдэ гьэзэщлэнхэм хэт лэжыгыэцлэр лъэлэсуи лъэмылэсуи шытыфынуш. Лэжыгыэцлэхэм кьытезыгьэзэж псалъэпкъхэр зыр зым клэлтыклуэу шытыфынуш. Ауэ абыхэм я кум субьектыр е объектыр кьыщыдэуви кьохьу: *Пцэфланлэм лыжьыитл эклэлхьэуужьу кьыщлэоклэри шауэр ирагьэблагьэ. – Фыкьаклуэ, фыкьаклуэ* [Нало 1993: 28]; *Зылуегьэх, Дисэ, зылуегьэхэи нэхьыфлэц* [Кыщокъуэ 2005: 81]; *–Уэстынукукьым жыслэици, уэстынукукьым, – Азэмэт и макъым зригьэлэтаиц* [Кьэрмокъуэ 1984: 55]; *(Аружан:.) Хьуниц, слэутэнклэ сэ ар сахыхьэу слэутэнкьым дауи, доскам истхэниц* [Щоджэнцлэку I. 1962: 55].

Бзэм ущрихьэлэ шылэщ фразеологизмэ занэхэм хэт лэжыгыэцлэ лыхьэм кьытригьэзэжу: *(Хьэжпагуэ Софят жрилуэ:)* – *Тхуэмылэщлэжышын хуэдизу ди напэр тенхаиц.*

– *Тесха-тезмышами, згьэзэжлуэжыфыниц сэ ар* [Щоджэнцлэку I. 1962: 145].

Адрейхэм емышхь гьэпсыклэ кьагьэхьу мыпхуэдэу зэдзылла лэжыгыэцлэ-гьэзэщлэнхэм: япэр риторикэ упщлэ хэлъу зэрыупщлэ псалъэухам хэту, етлуанэ

лэжыггээцлэм мыхуныггэ льябжэггусэ -**кьым** пытрэ а ушцлэм и жэуапу шыту: *Амлэ лыр абы кьыпхушцнэнт? Щинакьым!* [Щоджэнцлыкгу I. 1962: 223]; *Ар сэ схушэчынт? Схушэчакьым!* [Щоджэнцлыкгу I. 1962: 226].

Лэжыггээцлэхэм нэмышцл а льябжэггусэ дьдэхэр япыту гьээцлэн гьэуггьуауэ кьэкгуэфынушцлэ зэдзылаэхэр: *Триггэчыныху игукли (Софят) желэ: «Пэжш, пэжш, сатеклар пэжш»* [Щоджэнцлыкгу I. 1962: 54]; – *Узахушц, тлэсэ, узахушц!* – *жилаш хьэцлэм; Мащлэш, мащлэ, князь льяплэ, хуабжэу мащлэш* [Нало 1993: 240].

Бзэм куэдрэ ушрохьэллэ зэдзылла псалгэ-псалгэухахэм (*Нымлэ, Амлэ, Хьэуэ*): *Нымлэ, нымлэ. Псори кьызэхуэсац; Хьэуэ, хьэуэ! Ар Лу и унэкгуэц Жэрыштыкьым, ар балкьэр Жэрыштышц* [Нало 1993: 360]; *Амлэ, амлэ. Хьэцлэхэр кьэсац.*

Псалгэуха кьалэн яггээшцлэу кьэкгуэфынушц кьыггэзыггээж зэ псалгээпышцлэмрэ *алэ* макьышцлэмрэ: *Зэ, зэ. Умылшцлэ* [Мафлэдз 1992: 260]; *Алэ, алэ. А жыплэр сьт?* [Щоджэнцлыкгу I. 1962: 96].

Зыггэуггьу лыхьэу гьээцлэнным и гьусэу кьаггэсэбэп *илэ, еуэ, хьайдэ (хьейдэ), плэрэ, ахьай (ахьей)* псалгэклапэхэр: *Фитлысхэ мо выгум, илэ дыгувашц, – гьумэтлымэрт Джырандыкьуэ* [Мафлэдз 1992: 313]; *Пшэдджыжь кьэс апхуэдэу зитхьэцлэу плэрэ абы?*; – *Сыздынэвдзысыжын, ньбжээгьу? – Ахьей уздэтшэжын; Банашцлэм дыкьышцлэушцлэрыжым, хьэр кьышцыхьэ нэшац, шцлэжэр?* – *Ахьейми шцлэжэр!* – *жилаш бажэм* [Адыгэ Гуэрыгуатэ 1999: 148]; – *Имамьм узэрыбггэдыхьэн хуей хабзэхэри шцлэрэ?* – *Ахьай шцлэрэ.* [Шортэн 1975: 174]. *Плэрэ* псалгэклапэр зэрыушцлэ псалгэухахэм кьышцлэуэ. Мыпхуэдэхэм *деж плэрэ*-м кьеггэуэв зи гьусэ лыггэ нэхьышцхьэм льябжэггусэ -у//уэ пытын хуейуэ.

Гьээцлэн зэхэтыр

Адыгэбзэм и гьээцлэн зэхэтыр лыхьитлу шытш: нэхьышцхьэрэ (пкьахуэ мыхьэнэ кьэзыггэлыагьуэ) гуэдзэрэ (грамматикэ мыхьэнэ кьэзыггэлыагьуэ). Мыбдеж объект-уасэхуэшцлэ мыхьэнэр зыхэллын хуей лыхьэ гуэдзэм куэдрэ гьээцлэн нэхьышцхьэм и мыхьэнэм шцлэгьу, и плыфэ гуэрхэр пыухыкла ешцлэ. Абы кьыдэклэуи гьээцлэнным зэрышцыту игьуэт грамматикэ гьэпсыклэр (гьээцлэнным и лыхьэ нэхьышцхьэм пыт шцхэ льябжэггусэхэмклэ гьээцлэклэуэмрэ хэггэхуэнымрэ шцхьэклэ, бжыггэклэ еклуныр) нэхьыбэу зи кьалэныр лыхьэ нэхьышцхьэр араш. Гьээцлэн зэхэтым и лыхьэ нэхьышцхьэу кьоклуэ Гуэхудэклэуэр, Гуэхушцлэр, инфинитивыр. Абыхэм я гьусэу гуэдзэ лыхьэу кьоклуэ лэжыггээцлэхэр. А лэжыггээцлэхэм кьаггэлыагьуэ: 1) субъектым Гуэхугьуэм хуилэ субъект-уасэхуэшцлэ хушытыклэ зэмылэужыгьуэхэр; 2) Гуэхугьуэм и лээхьэнэ зэхуэмыдэхэр.

Субъектым Гуэхугьуэм хуилэ субъект-уасэхуэшцлэ хушытыклэхэр кьэзыггэлыагьуэ лэжыггээцлэ гуэдзэу кьаггэсэбэп *хуеин, мурад шлын, льяклын, хьун, хушлэкьун, хэтын*, н.кь.: (*Хьэжым*.) *Си шлыхуэ птелышц, ууклытэн хуейшц, мэкьур мэгьуж* [Щоджэнцлыкгу А. 2000: 389]; *Кьуажэ гупэм шьыт мэзым кьыхэтлысхьэу шцлалэм кьешцэнэ мурад шцлэшц; И нэцхьыр уфами и пащлэклэ шцлэгуфлыкьыу еплэ хьуншц а бжыггэм Хьэжпагуэ* [Щоджэнцлыкгу I. 1962: 71]; *Пащтыхьыжьыдэрэ кьэклуами, Дэ кьыттеклуэни льяклакьым* [Пашцлэ 2003: 185]; *Ауэ Мусэ и гуми, и псэмми кьышцызэцлэна мафлэр игьэункыфлыным хушцлэкьуашц и телгэклэ* [Кьашырггэ 1957: 237]; *Дьуэ-дьуэпсклэ зэфлаггэклэну хэтишц нэхьыбэр* [Шэклыхьэцлэ 1987: 121].

Гуэдзэ лыхьэу кьакулэуэ лээхьэнэ кьэзыггэлыагьуэ лэжыггээцлэхэр мыпхуэдэу бгуэш мэхьу: а) Гуэхугьуэм и шцлэдзэллэ кьэзыггэлыагьуэ; б) Гуэхугьуэр зэрэклэуэклэ кьэзыггэлыагьуэ; в) Гуэхугьуэм и клэух кьэзыггэлыагьуэ.

Шцлэдзэллэр кьаггэлыагьуэ **шцлэдзэн, хуежэн, еггэжэн** лээхьэнэ лэжыггээцлэхэм: *Хьэжым сарыкьыр зышцхьэрехри, лажьэ зимылэ, шцлэнтлэпс лэпкь кьызымыкьуа шцхьэфэ шцлэнэр лэрыльэцлэ хужь цыкьлэуэ илгэцлурэ, шхьидэн*

щIидзаш [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 395]; *Мурид абы зыхуигьэзэн фIэфIтэкъыми гьуэгуэм дидзыхыну хуежъащ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 153]; *Бекович-Черкасскэм и увьпIэр цубыдыжыхукIэ пэплъэри полковникым псэлгэн иригьэжъащ* [Нало 1993: 64].

Иуэхугьуэр зэрелуэкIыр кьэзыгьэлъагьуэ лэжыгьэцIэхэщ **зэпыт, шытын, шыIэн, хабзэн**, н.кь.: *Адыгэр сыт цыгьуи зэрыадыгьуэ кьонэж: IэкIуэлъакуагьэр кьанщытэ зэпытщ...* [Нало 1993: 288]; *(ГуащэгьафIэ:)* – *Билъостэн, ар уэ умыщIэу щыткъым...* [МафIэдз 1992: 333]; *УIэгьэ хьу сэлэтхэр санитар-сэлэтхэм кьыIуах хабзэщ* [Нало 1993: 158]; *Абы яшэчыр зыхьыфын шыIэкъым* [МафIэдз 1992: 403].

Иуэхугьуэм и кIэхуыр **иухын, хьужын, нэсын**, н.кь. лъэхьэнэ лэжыгьэцIэхэмкIэ кьэгьэлъэгьуа мэхьу: *Абы (Мурид) и джанэ пIащIэ тIэкIур хьыбий хьупэным нэсащ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 201]; *ЦIыхухэм я кьызэхуэсыныр иджыри иухакъым* [Къашыргьэ 1957: 283]; *Хэхэсу мы кьуажэм кьызэрыIэхьуэрэ Iэджэ щIат, жылэм ящыщ хьужат* [МафIэдз 1992: 35].

ГьэзэщIэн зэхэтым и синтаксис кьалэныр ягьэзашIэу куэдрэ кьокIуэ псалгэ зэгьэкIуа зыбжанэ. Абыхэм я Iыхьэ нэхьыщхьэу щытщ цIэхэмрэ (щыIэцIэр, плъыфэцIэр, бжыгьэцIэр, цIэпапщIэр) кьэхьукIэцIэхэмрэ, гуэдзэ мыхьэнэ яIэу кьышагьэсэбэп **щIын, кьыщIэкIын, хьун, и гугьэн, хуэдэн**, н.кь. лэжыгьэцIэ дэлэпыкьуэгьухэр: *Хум шым и цыр дахэ ещI; ХьэщIэр жьакулэу кьыщIэкIынти, сурьуэгьуэу псалгэрт* [КIыщокьуэ 1984: 664]; – *Зы цIыху лажьэеркъым... – щыхьэт хьуащ Дзу* [Къашыргьэ 1957: 25]; *Шэджагьуэм пиэри нэхь зэкIэщIихужри махуэри уэфI кьэхьужащ* [Нало 1993: 215]. *(ТIулэ:)* – *Тобэ, ТIуш, уэ лIы бзаджэ-жьыри угубзыгьуэ си гугьати!* [МафIэдз 2014: 225].

Гуэдзэ кьалэныр **деж, нэс, папщIэ, щхьэкIэ, кьудей**, н.кь. псалгэужьхэм ягьэзэщIэфынуш: *А насыпыр Кьантемыр и дежт абы кьыщицгьуэтынур; Софят папщIи Бахьсэныпсыр псыежэх кьудейтэкъым* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 79]; *Уэр папщIэщ апхуэдэу щIэсщIар; Кьэралым и хабзэр цызекIуэр мыбы нэсщ.*

Бзэм щIэх-щIэхыурэ ущрохьэлIэ гьэзэщIэн зэхэтым и гуэдзэ Iыхьэу фразеологизмэхэр кьышыкIуэу: *(Хьэжым:)* – *Ухуеймэ сыти щIэ, нобэ удэмыкIыну Iэмал иIэкъым* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 389]; *Аружан иджыри кьепсыхыну (тракторым) гугьэ ищIыхьэркъым* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 90-91].

Гуэдзэ кьалэныр игьэзашIэу куэдрэ кьокIуэ **ар** цIэпапщIэр. Абы дежи **ар**-м кьегьэуэв Iыгьэ нэхьыщхьэр зэрыхьу псалгэзешэ гьэпсыкIэм итын хуейуэ: *А псыхьуэм кьыдэкI уэрам щхьэлум тес-у аращ Мухьэдинхэ* [Елгьэр 1976: 71]; *Мыхэр студентхэ-у аращ.*

ГьэзэщIэным и дэлэпыкьуэгьуэ Iыхьэу кьэкIуэфынуш шэч мыхьэнэ зыхэль **узиIэ** лэжыгьэцIэр. Абыи, цIэпапщIэ **ар**-м хуэдэу, Iыхьэ нэхьыщхьэр зэрыхьу псалгэзешэ гьэпсыкIэм итын хуейуэ кьегьэуэв: *Ар узилэ урысыххэ-у; ХакIуэр кьыщIыхуэбгьэфэщари армыра-уэ узилэ!* [КIыщокьуэ 1985: 274]; *ЕгьэджакIуэу кьагьэкIуэжар мы-Алий-уэ узилэ.*

Гуэдзэ кьалэныр игьэзашIэфынуш **мыгьуэ** пкьыгьуэм. Мыр езыр морфологии и лъэныкьуэкIэ плъыфэцIэщ, псалгэухам «гушIэгьуэ» мыхьэнэ хельхьэ: *(Датт:)* *Бэлыхэ Iэджи фэзгьэшиэча мыгьуэщ, тIасэ* [Елгьэр 1976: 90]; *(Анэм:)* *Алыхэ, си Iи си лIы щIээдзын мыгьуэтэм* [Кьэрмокъуэ 2007: 86].

2. ГьэзэщIэн зэхэлъыр

ГьэзэщIэн зэхэлъхэм кьызэрыщхьэщыкI щхьэхуэныгьуэ яIэщ абыхэм псалгэ ирикьуу тIу е нэхьыбэ лексикэ-грамматикэ мыхьэнэ яIэу зэрыхэтыр. Гьэгугьуа, зэхэт гьэзэщIэнхэм кьащхьэщыкIыу, гьэзэщIэн зэхэлъхэм хьыхьэ Iыхьэ псоми мыхьэнэ пыухыкIа яIэжщ. Адыгэбзэм и гьэзэщIэн зэхэлъхэм я синтаксис увьпIэр нэхьыбэу зыубыдыр цIэ, лэжыгьэцIэ псалгэ зэпхэхэращ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ

псалъэ зэпхараш синтаксис занэу шытыр, псалъэ ирикъуу тIу е нэхьыбэ хьууэ, мыхьэнэкIи грамматикэкIи зэпхауэ. Псалъэ зэпхам предикатым и синтаксис увыпIэр зэриубыдыфыр адыгэбзэм зыщызыубгъуа Iуэхугъуэщ. Абы шыгъуэми предикат лъабжьэгъусэ зыпыувэ псалъэ зэпхам зы Iуэхугъуэ зэхэлъ кыггэлъэгъуэфынууш. Абы кыдэкIуэуи гу лъытапхьэщ гъээщIэну кьакIуэр цIэ е гъээщIэн псалъэ гупхэм зэрамызакъуэм. А кьалэныр куэдрэ ягъэзащIэ синтаксис зэхыхьэхэм (IуэхуцIэ, IуэхудэкIуэ, инфинитив, зэзыгъапщэ).

3. Синтаксис зэхыхьэхэр гъээщIэн зэхэлъу кьызэрыкIуэр

ГъээщIэным и синтаксис увыпIэр адреи зэхыхьэхэм нэхьрэ нэхьыбэрэ еубыд кьепха псалъэхэр зыщIыгъу IуэхуцIэм. Абы дежи IуэхуцIэ зэхыхьэм хэт IуэхуцIэр щхьэкIэ, бжыгъэкIэ йокIу субъектым – Iуэхугъуэр зылэжьым е IуэхуцIэм и шытыкIэр зыхэлъым: *сэ с-ызэджэраш (тхылъыр), фэ ф-тхариц (диктантыр), Мухьэмэд и-лариц (куэбжэр)*. Абы шыгъуэми IуэхуцIэ зэхыхьэгъээщIэныр гъээщIакIуэм йокIу, цIэ-гъээщIэныр зэрекIу щIыкIэм хуэдэу. Апхуэдэхэм деж гъээщIэну кьакIуэ хабзэщ цIэ унейхэмрэ задайхэмрэ, цIэ хьуахэмрэ IуэхуцIэхэмрэ (IуэхуцIэ зэхыхьэхэр). Япэ, етIуанэ щхьэ цIэпапщIэхэр апхуэдэ гъэпсыкIэхэм гъээщIакIуэу кьышыкIуэркъым. IуэхуцIэ зэхыхьэгъээщIэным гъээщIакIуэр зэрегъакIуэ, цIэйIуэ псалъэзешэм ирегъэувэ. Абы кыдэкIуэуи IуэхуцIэ зэхыхьэр гъээщIакIуэм ещанэ щхьэм закъуэ е куэд бжыгъэу шокIу. ГъээщIакIуэу IуэхуцIэ зэхыхьэр кьакIуэмэ, абырэ гъээщIэнымрэ бжыгъэкIэ шызэмыкIу шыIэш: *Нобэ ди деж кьэкIуа-хэ-р Налшык кьикIа-хэ-риц – Нобэ ди деж кьэкIуа-#-р Налшык кьикIа-хэ-риц; Мурид-# цIыгъуэ хуабэкIэ ныбжэзгъур зыIыгъыфт* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 114]; *Схуэмыхьыжы-р мы Аружан кьызищIариц* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 79].

Арэзыгъэ гъэпсыкIэ зиIэ IуэхуцIэ зэхыхьэгъээщIэным гъээщIакIуагъэ кьэзыггэлъагъуэ псалъэужь **-щ**, **-т** поувэ. ЩымыIэныгъэ гъэпсыкIэр, псалъэухам стиль и лъэныкьуэкIэ кьийуатэм елыгтауэ, псалъэужь **-кьым**-кIэ е лъабжьэпэ **мы**-кIэ кьэггэлъэгъуа мэхьу: *А бригадиры-р хьэрэмыгъэ зигу иль-кьым – А бригадиры-р хьэрэмыгъэ зигу и-мы-лъыц*.

IуэхудэкIуэ зэхыхьэгъээщIэн зыхэт псалъэухам гъээщIакIуэу хоувэ е IуэхуцIэр, е IуэхуцIэ зэхыхьэр. IуэхудэкIуэ зэхыхьэгъээщIэным зэригъакIуэ гъээщIакIуэм цIэйIуэ псалъэзешэм и лъабжьэгъусэ **-р** зэпымууэ поувэ: *ЕхыпIэм узрехыфы-р шыр IумпIэкIэ пIыгъыуш; Зауэ нэужьым мы си кьарэм сытесу кьуаажэм сынызэрыдыхьэжыну-р си дамыгъэхэр дыгъэм пэлыдуш*.

Инфинитив зэхыхьэгъээщIэн зыхэт псалъэухахэм гъээщIакIуэу кьыщокIуэ IуэхуцIэр е IуэхуцIэ зэхыхьэр. Абыи, IуэхудэкIуэ зэхыхьэгъээщIэныр зыхэтым ещхьу, цIэйIуэ псалъэзешэм и лъабжьэгъусэ **-р** поувэр: *Ар кьызыхуигъэщIа-р емызэшыжу сабийм гъэсэныгъэ лэжыгъэ ядегъэкIуэкIыныриц; БалигъынIэ зэриувэрэ а лъыр емызэшыжу злэжы-р Аргудан щIыналгъэм щамылгъэгуа нартыху бэв кьэгъэкIыныриц*.

ГъээщIакIуэу псалъэухам хэувэфынууш еигъэ цIэпапщIэхэр зи гъусэ шыIэцIэр: *Иджы Шумахуэ и гурацэ-р дэтхэнэ гектарми нартыху центнерищэ кьытрихыныриц*.

ГъээщIэн зэхэлъу псалъэухам кьыщокIуэ зэзыгъапщэ зэхыхьэр, н.ж. IуэхуцIэ зэхыхьэгъээщIакIуэм хэт субъектыр зрагъапщэ цIэ Iыхьэмрэ хуэдэу, **ещхьу** псалъэхэмрэ кьаггэхьуу. синтаксис зэхыхьэ Апхуэдэ гъэпсыкIэм гъээщIакIуэу хэувэфынууш цIэйIуэ псалъэзешэм ит IуэхуцIэ зэхыхьэм и закъуэщ. Зэзыгъапщэ зэхыхьэм хэт цIэ Iыхьэр хуэдэу, **ещхьу** псалъэхэм зэрагъакIуэ – зыхьуэж псалъэзешэм и лъабжьэгъусэ **-м** ираггэгъуэтыр. Зэзыгъапщэ зэхыхьэм хыхьэ езы хуэдэу, **ещхьу** Iыхьэхэм, псалъэухам и зэлъэIэс кьалэным елыгтауэ, педикат лъабжьэгъусэ (**-щ**, **-т**, **-кьым**) поувэ: *Лиуан и мэлыхьуэхьэр зэрыкьугъы-р дыгъужьым*

хуэдэу-иц; Бийм и щIытIымы тIасхъэцIэххэр зэрыбгъэдэпцхъа-р лъэну зызыгъэхъэзыра аслъэным ецхъуиц.

Хуэдэу, ецхъу Iыхъэхэм я пIэкIэ бзэм мымащIэрэ къегъэсэбэп -у/-уэ лъабжэгъусэхэр, ахэр зыпыувэр цIэ Iыхъэр аращ: *дыгъужьым хуэдэуиц – дыгъужь-у-иц; лъэну зызыгъэхъэзыра аслъэным ецхъуиц – лъэну зызыгъэхъэзыра аслъэн-у-иц.*

4. Псалъэ зэпхар гъэзэщIэн зэхэлъу къызэрыкIуэр

Адыгэбзэ синтаксисым зыщызыубгъуа Iуэхугъуэхэм ящыщ гъэзэщIэн къалэн яIэу цIэ псалъэ зэпха къызэрыкIуэхэмрэ зэхэлъхэмрэ къызэрыщагъэсэбэпыр. Предикат къалэн щамыгъэзащIэм деж абыхэм зэреджэр гъэнахуэ псалъэ зэпхахэщ. Апхуэдэу гъэзэщIэн зэхэлъу къагъэсэбэп мыпхуэдэ Iыхъэу зэхэт псалъэ зэпхахэр:

1. ЩыIэцIэрэ щытыкIэгъэлыагъуэ е ехъэлIа плъыфэцIэрэ: *Ар езыр щIалэ фIыцIабзэиц; Налшык къалэ дахэиц; Мыр дыгъуасэрей газетиц.*

2. ЩыIэцIэрэ бжыгъэцIэ гуп зэмылIэужьыгъуэхэмрэ: *Пэшым щIэтыр лIуитIм; Бгырыс шэшэнхэмрэ осетинхэмрэ щIыуэ ялыысар дестынэ Iыхъэ щанэ зырызт; Сэ къыщызжаIар етIуанэ махуэриц.*

3. ЩыIэцIэрэ ар зыгъэнаIуэ (зыгъэбелджылы) нэгъуэщI щыIэцIэрэ: *Хъыджэбз трактористрэ физ пристафрэт сымылгъэужар иджы* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 25]; *Хъыджэбзыр пшынэкIэ зыдежсур лIыгъэ-пхъашагъэ уэрэдиц.*

4. ЩыIэцIэрэ цIэпапщIэ гуп зэмылIэужьыгъуэхэмрэ: *Щыхубэм сымт я лажьэ, я пашэхэриц ахэр мафIэм хэзышэр* [Къэрмокъуэ 2007: 23]; *Анэ быдзышэм иужькIэ дэ тIухуар мы псыраиц; Абы дегупсысын хуейуэ дезыхулIари езы урысхэриц* [Къэрмокъуэ 2007: 23]; *Апхуэдэ гъуэгураиц фIэзахуэу щIалэм къыхихар.*

5. ЩыIэцIэрэ IуэхуцIэ зэхыхъэрэ: *ЩакIуэ къыдэкIа балъкъэрхэриц Уэсмэн япэу къэзыгъуэтыжар; КIэмыргуей лъхукъуэлIхэми я хъыбар хэмыкIыр я уэркъхэриц; Зи бзэм хуимытыжэ жэсгъуэзгъухэриц къысхуицIэзытхуэр* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 226].

6. ЩыIэцIэрэ IуэхудэкIуэ зэхыхъэрэ: *Псори къехъуапсэу шыиц къэсцихуар; Биижьыр хигъащIэу джатэиц сызыхуейр.*

7. ЩыIэцIэрэ зэзыгъапщэ зэхыхъэрэ: *Щыхухъу Iэпицэ и гъумагъуу бжэ-мийиц къысхуашар; ПелуаныплIэ хъужауэ лIышхуэиц гублацхъэм дэсыр.*

ГъэзэщIэну бзэм къыщыкIуэфынуиц:

1. ЦIэ псалъэ зэпха-зэхэлъхэр: *Ар лIы пIащэ гуэриц* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 86]; *Трактор бригадэм и унэр дэщытым деж япэу Софят къыщилгъэуар щиху жыг цхъэкIитхуиц* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 19]; *Мыпхуэдэ мэз лъагъуэ зэгъуэкIыпIэхэриц ахэр нэхъ щыщакIуэхэр.*

2. Синтаксис зэхыхъэхэмрэ цIэ псалъэ зэпхахэмрэ лэжыгъэцIэ гуэдзэ ядэщIыгъуу: *Мыр тхыль хъэлэмэту къыщIэкIынуиц.* ГъэзэщIакIуагъэ лъабжэгъусэ -щ-р къыщIэкIынын лэжыгъэцIэ гуэдзэм зэрыпыувэм дэщIыгъуу абы тхыль хъэлэмэт псалъэ зэпхам хэт тхыль Iыхъэ нэхъыщхъэр зэрыхъу псалъэзешэм ирегъуэвэр. *Хъэлэмэт* гуэдзэ Iыхъэм, *тхыль* псалъэ нэхъыщхъэм псалъэзешэкIэ екIуэрэ, зэрыхъу псалъэзешэм и лъабжэгъусэ -у егъуэтыр. А лъабжэгъусэр гъэнэхуакIуэмрэ ягъэнахуэмрэ я зэхуэдэщ. *ЗэлущIэм къекIуллар цIыху ницыкIутху къудей-т; Мыхэр Налшык къыкIахэр ара хуэдэ-иц.*

ГъэзэщIэн зэхэлъым и къалэныр адыгэбзэм шагъэзэщIэфынуиц лэжыгъэцIэ псалъэ зэпхахэми: *Уэ уи ныбжэсгъум деж щIэупицIакIуэ укIуэну къыптохуэр.*

Ди къэхутэныгъэм къыригъуэхэр къызэщIэпкъуэжмэ, адыгэбзэм и гъэзэщIэныр псалъэухам и лъабжэгъэтIыль пкъыгъуэ икIи и зэхэлъыкIэр къызэзыгъэпэщ купщIэ мэхъу. Абы пкъыгъуэ етIуанэхэм ямызакъуэу гъэзэщIакIуэри и унафэм щIегъуэвэ. ГъэзэщIэным и нэшэнэмрэ хэхауэ иIэ гъэпсыкIэхэмрэ елгытауэ къызэрыкIуэ, зэхэт, зэхэлъ гъэзэщIэнхэр къыхэбгъэкI хъунищ. ГъэзэщIэну псалъэухам хоувэ щыIэцIэхэр, плъыфэцIэхэр, бжыгъэцIэхэр, цIэпапщIэхэр,

кьэхьукIэцIэхэр, макьыщIэхэмрэ зэрызыпащIыж псалъэхэмрэ, фразеологизмэ занэхэр, псалъэ зэпахэр, синтаксис зэхыхьэхэр.

ЕгуэлIапхьэхэр

1. Адыгэ псалъэжхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1967. 252 н. (Кабардинские пословицы и поговорки. Кн. II. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 252 с.).

2. Адыгэ Гуэрыгуатэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н. (Адыгское устное народное творчество. Нальчик: Эльбрус, 1999. 400 с.).

3. *Дыгъужь Къу*. Бжыхьэ псыдзэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ Къэршей-Шэрджэс отделенэ, 1983. 216 н. (*Дугужев К.* Осенний поток. Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение, 1983. 216 с.).

4. *Джасурджий Хь.З., Джасэжь Хь.Е.* Адыгэбзэ. ЕтIуанэ Iыхьэ. Налшык: Нарт, 1992. 240 н. (*Гяургиев Х.З., Джасэжев Х.Э.* Учебник кабардинского языка для средних учебных заведений, школ и классов с углубленным изучением родного языка. Ч. II. Нальчик: Нарт, 1992. 240 с.).

5. *Елгъэр К.* Лъэужьхэр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1983. 436 н. (*Елгаров К.* Следы: Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1983. 436 с.).

6. *Елгъэр К.* Ухеймэ – ульэщI. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н. (*Елгаров К.* Тот силен – кто прав. Повести. Нальчик: Эльбрус, 1976. 348 с.).

7. *Елгъэр К.* Цыугагъэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 392 н. (*Елгаров К.* Ошибка. Роман. Нальчик: Эльбрус, 1988. 392 с.).

8. Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т. I. Гл. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.

9. *КIыщокъуэ А.* Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ Тхыгъэхэр томиплIым щызэхуэхьэсауэ. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1984. н. 856. (*Кешоков А.П.* Зеленый полумесяц // Собр. соч. в 4-х томах. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1984. 856 с.).

10. *КIыщокъуэ А.* Нал къута. Тхыгъэхэр томиплIым щызэхуэхьэсауэ. Т. III. Налшык: Эльбрус, 1985. н. 782. (*Кешоков А.П.* Сломанная подкова // Собр. соч. в 4-х томах. Т. III. Нальчик: Эльбрус, 1985. 782 с.).

11. *КIыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (*Кешоков А.* Чудесное мгновение // Собр. Соч. в 6 т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 2005. 488 с.).

12. *Къалэмбий.* Адыгэ хьыбархэр. Налшык: Эльбрус, 1978. 136 н. (Каламбий. Рассказы и повести. Нальчик: Эльбрус, 1978. 136 с.).

13. *Къашыргъэ Хь.* Насыным и хэкIыпIэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. 309 н. (*Кашыргов Х.* Источник счастья. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).

14. *Къэрмокъуэ М.* Азэмт. Налшык: Эльбрус, 1984. 392 н. (*Кармоков М.* Азамат. Нальчик: Эльбрус, 1984. 392 с.).

15. *Къэрмокъуэ М.* Пшапэ зэхуэзгъуэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н. (*Кармоков М.* Сумерки. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. 264 с.).

16. *Къэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI. Ещанэ тхыль. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (*Кармоков М.* А тополя еще растут. Т. 3. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 320 с.).

17. *МафIэдз С.* Гъыбзэ хуэфашэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1992. 448 н. (*Мафедзев С.* Достойны печальной песни: роман. Нальчик: Эльбрус, 1992. 448 с.).

18. *МафIэдз С.* Уэрэд макъамэ: повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2014. 344 н. (*Мафедзев С.* Мелодия песни: Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2014. 344 с.).

19. *Налю А.* Тхыгъэхэр. Нэхуш шу. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1993, 400 н. (*Налюев А.* Всадники рассвета. Избранные произведения в 3 т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1993. 400 с.).

20. *ПацIэ Б.* Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2003, 376 н. (*Пачев Б.* Сочинения: Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 с.).

21. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 360 с. (*Урусов Х.Ш.* Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. Нальчик: Эльбрус, 1994. 213 с.).

22. *ШэджыхьэцIэ Хь.* Тэрч щыхьэтщ. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (*Шекихачев Х.* Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).

23. Шортэн А. Бгырысхэр. Роман. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1975. 403 с.).
24. Шортэн А. Бгырысхэр. Роман. Епланэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1988. 304 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. IV. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.).
25. ШоджэныцIыкIу А. Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н. (Шогенцуков А.А. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 432 с.).
26. ШоджэныцIыкIу I. Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1962. 232 н. (Шогенцуков А.О. Весна Софийт. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 232 с.).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗУЕМОГО В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Жилетежев Хажисмель Чилияниевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), hazismel@mail.ru

В работе предпринята попытка охарактеризовать грамматические особенности сказуемого кабардино-черкесского языка. Хотя научное изучение сказуемого кабардино-черкесского языка началось давно, не вызывает сомнения, что некоторые проблемы остаются до сих пор недостаточно разработанными. Таковыми, например, являются принципы выделения сказуемого в языке, классификация по его морфологической природе, типы сказуемого. Кроме этого большим недостатком считаем наличие небольшого количества работ относительно сказуемого на кабардино-черкесском языке. Решению этих проблем посвящена данная статья.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, сказуемое, предложение, части речи, синтаксическая функция, аффикс.

GRAMMATICAL FEATURES OF THE PREDICATE IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zhiletezhov Khazhismel Chilyanievich, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), hazismel@mail.ru

The paper attempts to characterize the grammatical features of the predicate of the Kabardino-Circassian language. Although the scientific study of the predicate of the Kabardino-Circassian language began long ago, there is no doubt that some problems still remain insufficiently developed. These are, for example, the principles of predicate selection in a language, classification by its morphological nature, and predicate types. In addition, we consider the presence of a small number of works on the predicate in the Kabardino-Circassian language to be a big disadvantage. This article is devoted to solving these problems.

Keywords: Kabardino-Circassian language, predicate, sentence, parts of speech, syntactic function, affix.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-75-85

НАЗВАНИЯ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аппоев Алим Каншауович, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), appoev74@mail.ru.

Битгиева Фарида Азрегалиевна, магистрант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», farida.b.99@mail.ru

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем лексикологии карачаево-балкарского языка. В частности, в ней представлены различные характеристики лексико-семантической группы слов, являющихся названиями традиционной женской одежды карачаевцев и балкарцев. В работе проведен анализ тюркологических работ, в том числе и карачаево-балкарских авторов, связанных с различными аспектами изучения рассматриваемого пласта лексики. Показана специфика лексико-семантической группы слов «названия женской одежды». Выявлено, что целый ряд названий одежды и обуви, начиная от самого понятия одежда, в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, являются общими для женского и мужского полов. Установлено, что в карачаево-балкарском языке функционируют традиционные названия женской одежды, относящиеся к общетюркскому пласту лексики. Они сохранились в языке без особых семантических трансформаций. Наряду с ними наличествуют и собственно карачаево-балкарские номинации одежды. Поскольку лексика карачаево-балкарского языка не является закрытой системой, она за время своего существования пополнилась множеством новаций, что детерминируется интенсивными контактами между различными странами и народами, развитием и расширением международных и межнациональных отношений в различных сферах жизни социума. В этом отношении особого внимания заслуживают фарсизмы, арабизмы, русизмы и европеизмы. Среди представленных номинаций одежды превалируют термины, которые образованы морфологическим способом, а также лексикализованные дескрипции, структурированные по образцу первого типа изафета.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, лексикология, женская одежда, номинация, лингвокультурология, семантика, словообразование.

В тюркском языкознании лексике одежды традиционно уделяется большое внимание, что можно заметить из большого количества разноаспектных научных гуманитарных исследований. Так, например, Д.Б. Рамазанова на материале татарского языка провела анализ фонетико-морфологических, лексико-семантических разновидностей данного пласта лексики и рассмотрела ареалы ее распространения [Рамазанова 2002]. Лексика одежды и головных уборов в татарском языке представлена и в работе Л.Ф. Тухбиевой, которая выявила и описала лингвистические особенности лексики одежды и головных уборов, провела их историко-генетический анализ и сгруппировала по принципу номинации [Тухбиева 2006].

Р.П. Абдина рассмотрела лексику традиционной одежды в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком [Абдина 2009]. Основным достоинством данной работы является то, что автором выделены интегрирующие ее элементы с опорой на анализ древнетюркского и других языков.

Н.В. Ерленбаева в диссертационном исследовании «Бытовая лексика алтайского языка» [Ерленбаева 2005] скрупулезно описала, проанализировала и провела семантическую таксономию верхней одежды и ее составных частей, материалов для шитья, украшений.

На материале башкирского языка А.Т. Шамигуловой проделана большая работа по сбору и систематизации лексики одежды и украшений. В частности, автором проведена удачная лексико-семантическая классификация данного пласта лексики, выявлены исконные и заимствованные лексемы, рассмотрены их структурно-грамматические и словообразовательные особенности, а также специфика употребления во фразеологии и фольклоре [Шамигулова 2015].

В карачаево-балкарском языкознании одним из первых названия одежды исследовал И.М. Отаров. В 1974 г. им была защищена кандидатская диссертация, в которой на материале одежды и обуви рассмотрена профессиональная лексика карачаево-балкарского языка [Отаров 1974]. Автором данный пласт лексики изучен в лексико-семантическом аспекте с учетом данных других тюркских языков, а также языков народов, которые традиционно контактировали с карачаевцами и балкарцами. Этот же материал лег в основу изданной впоследствии научной монографии [Отаров 1978].

К проблемам терминологии одежды и украшений обратился и А.К. Аппоев. Проводя скрупулезный анализ этнографической лексики карачаево-балкарского языка, он актуализировал следующие аспекты некоторых названий женской одежды: лексико-семантические характеристики одежды, основные принципы и способы их номинации, а также способы образования с учетом структурных особенностей [Аппоев 2003а, 2003б]. Им также выявлено этнокультурное значение некоторых названий одежды в карачаево-балкарском языке [Аппоев 2015]. Следует отметить и научную статью А.К. Аппоева и М.Б. Кетенчиева, которые предприняли в ней полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке [Аппоев, Кетенчиев 2011].

Рассматриваемая проблема находит свою нишу также в трудах фольклористов и литературоведов. Это детерминируется тем, что современные гуманитарные исследования нацелены на выявление и описание базовых характеристик этнической картины мира, репрезентирующих «представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант» [Узденова 2018: 94]. В этом отношении релевантным признается и традиционная одежда этноса. Так, например, следует отметить в этом плане произведения известного балкарского прозаика З.Х. Толгурова «Белая шаль» и «Белое платье». В данных произведениях женская одежда имеет символическое значение и отражает доминантные стереотипы карачаево-балкарского этноса. Указанное применимо к литературе Кабардино-Балкарии в целом [Betuganova et al. 2019].

Большой вклад в сбор и систематизацию названий одежды вносят этнографы. Указанное обнаруживается у известного хореографа М.Ч. Кудаяева, рассмотревшего одежду как важнейший элемент духовного наследия балкарцев и карачаевцев. Автором собран и опубликован богатый фактологический материал, связанный с народной одеждой карачаевцев и балкарцев. У него обнаруживаются в первую очередь названия одежды, используемой в традиционных народных танцах [Кудаяев 2012: 7–97].

Этнографы, изучая одежду, подразделяют ее на три группы: женская одежда, украшения, мужская одежда. При этом они больший упор делают на ее прагматику и функциональный аспект, что видно из специальных научных исследований [Сергеева и др. 2014].

Как видно из вышеизложенного, карачаево-балкарской традиционной одежде уделено большое внимание. Тем не менее, многие ее характеристики, особенно гендерные, все еще остаются вне поля зрения исследователей. Исходя из этого,

нами ставится цель осветить особенности терминов карачаево-балкарской женской одежды и украшений.

В рамках данной работы наиболее релевантным представляется обращение к проблеме лексико-семантической таксономии лексики одежды, что детерминировано необходимостью системного описания словарного состава языка. При этом актуализируется такое понятие, как «семантическое поле», представляющее собой сложную структуру, состоящую из ядра и периферии. Ядерные конститuentы этого поля в функциональном отношении являются более нагруженными и представляют собой гиперонимы, т.е. слова, обозначающие более широкий класс предметов, а к периферии относятся так называемые гипонимы, которые обозначают более узкий класс предметов. Для таких понятий присущи родо-видовые отношения. Для семантического поля «женская одежда» ядерной лексемой является слово *кийим* «одежда» в купе с гендерно маркированным адъективным актуализатором *тиширыу* «женщина» (*тиширыу кийим* «женская одежда»). Периферийная часть же поля заполняется значительным количеством названий женской одежды, характеризующихся многообразием форм, передающих широкий спектр значений и функций: *жаурукъ* «платок», *камар/кямар* «женский пояс, изготовленный из серебра или золота», *ал бота* «передник, фартук», *чикиля* «маленький нижний головной платок» и др.

Целый ряд названий одежды и обуви, начиная от самого понятия одежда, в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, являются общими для женского и мужского полов: *бел бау* «пояс, ремень», *габара* «телогрейка, жилет, стеганая ватная (шерстяная) короткая безрукавка», *кийим* «одежда», *юс кийим* «верхняя одежда», *ич кийим* «нательная одежда», *кёлек* «рубашка», *кёнчек* «брюки», *чарыкъ* «чувяк; тапочка», *чурукъ* «обувь на каблуке», *шалбар* «шаровары» и т.п.

Достаточно релевантной представляется систематизация названий одежды и их частей с точки зрения происхождения. В данном случае речь идет о противопоставлении лексики общетюркской, исконно карачаево-балкарской и иноязычной, заимствованной. Привлеченный к анализу фактологический материал свидетельствует в пользу того, что определенная часть слов, обозначающих одежду, имеет непосредственное отношение к общетюркским наименованиям, зафиксированным в древнетюркских источниках, в частности, в Древнетюркском словаре. Так, например, в современном карачаево-балкарском языке обнаруживаются наименования женской одежды типа *женг* «рукав», *кийим* «одежда», *кёлек* «рубашка», *кърушакъ* «пояс», *чарыкъ* «чувяк, тапочка», *этек* «подол, пола; юбка» и др. Эти же слова с некоторыми семантико-фонетическими вариациями нашли отражение в Древнетюркском словаре: *jeŋ* «рукав» [ДТС 1969: 256], *kedim* «одежда, одеяние» [ДТС 1969: 293], *köŋläk* «рубашка» [ДТС 1969: 315], *qur* «пояс, кушак» [ДТС 1969: 466], *čaruq* «чувяк» [ДТС 1969: 141], *etäk* «пола платья, одежды» [ДТС 1969: 187].

Как и в других языках, в карачаево-балкарском языке лексика пополняется и за счет собственных ресурсов. В этом отношении можно говорить о диалектизмах различных типов и словообразовательных средствах языка. Думается, что определенная часть лексики одежды сопряжена с собственно карачаево-балкарскими словами, к которым можно отнести следующие номинации одежды: *ал бота* «передник», *бокка* «шапочка», *думала кёнчек* «очень яркие штаны (обычно женские)», *женгсиз* «безрукавка», *жыйрыкъ гебенек* «подюбник», *жыйрыкъ тон* «шуба, присборенная у талии», *кийиз ал бота* «передник из тонкого войлока», *къап кийим* «маскарадная одежда в танце», *къонгурулу жыйрыкъ* «платье с бубенцами», *окъа жаурукъ* «платок, вышитый серебряными или золотыми нитками», *окъалы габара* «безрукавка, расшитая галунами или тесьмой», *опуракъ* «одежда (модная)», *туйме* «женский нагрудник», *чачакълы бёрк* «шапочка с бахромой», *чепкен жыйрыкъ* «шерстяное платье», *чепкен кийим* «шерстяная одежда собственного производства», *чохлу кёнчек* «женские штаны с бахромой», *эшилген*

гэбенек «женская вязаная накидка без рукавов или с рукавами», *эшилген габара* «вязаная безрукавка», *эшилген кийим* «вязаная одежда» и др.

Среди названий одежды, особенно собственно карачаево-балкарских, следует выделить две группы слов: а) диалектизмы (*бёхция* – *жыйрыкъ* (лит.) «платье», *гефхин* – *ал бота* (лит.) «передник» и др.), б) регионализмы-карачаизмы (*ау жаулукъ* (карачаизм) – *баи ау* «фата», *хота* (карачаизм) – *ал бота* «передник», *чепкен* (карачаизм) – *жыйрыкъ* «платье» и др.).

Поскольку язык, особенно его лексика, представляет собой динамическую систему, которая подвергается архаизации, в нем обнаруживаются устаревшие слова, связанные и с названиями женской одежды: *аба тон* «шуба свободного покроя», *анкъар къанатла* «платье с длинными рукавами, похожими на крылья сказочной двуглавой орлицы Анкар», *гён чарыкъ* «обувь из обработанной кожи крупного рогатого скота», *беллик жыйрыкъ* «платье с кушаком», *билезик* «браслет», *буун тьюме* «запонка», *герхана жыйрыкъ* «парчовое платье», *къайиши* «пояс», *къапталлы жыйрыкъ* «платье с бешметом», *къырыкъ женгликле* «нарукавники в форме желоба», *къыш къап* «шуба», *опуракъ* «одежда», *тери ал бота* «передник из шкуры», *эшилген башлыкъ* «вязаный женский башлык» и др.

Общеизвестным является тот факт, что интенсивные контакты между различными странами и народами, развитие и расширение международных и межнациональных отношений в различных сферах жизни социума приводят к пополнению словарного состава того или иного языка. Указанное непосредственно сопряжено и с названиями карачаево-балкарской женской одежды, а также с материалом для нее. Среди них встречаются:

1) фарсизмы: *басма* «ситец», *камар//кямар* «серебряный (иногда золотой) женский пояс», *къанатуат* «шелковая ткань красного цвета», *парча*, *шалбар* «шаровары», *шаль* и др.;

2) арабизмы: *кишмир* «кашемир», *къумач* «ткань, материя, мануфактура, плотно», *мишура*, *нубук*, *паранджа*, *сахтиян* «сафьян», *халат*, *хиджаб* и др.;

3) русизмы: *бахилы*, *босоножки*, *запонка*, *капрон*, *кисей*, *кофта*, *косынка*, *куртка*, *лайка*, *лифчик*, *майка*, *накидка*, *перчатка*, *плащ*, *сарафан*, *скатка*, *танкетка*, *тапочки*, *туфли* и др.;

4) европеизмы, т.е. английские (*бикини*, *боди*, *бриджи*, *джермпер*, *кардиган*, *клипсы*, *коверкот*, *костюм мохер*, *пижама*, *плед*, *свитер*), немецкие (*бюстгальтер*, *галстук*, *камволь*, *кант*, *муфта*, *пальто*, *плюш*, *рант*, *рейтуз*, *шлейф*, *шпилька*, *штанпель* и др.), французские (*берет*, *букле*, *ватин*, *велюр*, *гамашла* «гамаша», *декольте*, *жакет*, *капот*, *коленкор*, *комбинезон*, *корсет*, *корсаж*, *крепдешин*, *манто*, *марля*, *муслин*, *пелерина*, *сабо*, *сандалеты*, *трикотаж*, *фетр*, *фланель*, *шарф*, *шевро*, *шифон*, *юбка* и др.) слова, вошедшие в карачаево-балкарский язык благодаря русскому языку-посреднику. Такого рода заимствования находят свою нишу в языке и вытесняют «на вторые позиции другие собственно карачаево-балкарские лексические единицы» [Ахматова, Кетенчиев 2018: 59].

Небезынтересны и способы образования названий женской одежды или другой лексики, связанной с ней. Одним из основных является собственно морфологический способ, или аффиксация. Наибольшими функционально-семантическими возможностями при таком способе отмечен аффикс *-лыкъ/-лик* (*-лукъ/-люк*): *беллик* «матерчатый пояс, который обычно носили пожилые женщины», *боюнлукъ* «фигурная застежка, которая пришивается на нагрудник», *буунлукъ* «браслет (женский); манжета», *жаулукъ* «платок», *жыйрыкълыкъ* «материал, предназначенный для шитья платья» и др., которые обычно производны от имен существительных.

Другие аффиксы обычно встречаются в составе различных компонентов терминов одежды, образованных путем лексикализации свободных словосочетаний, например: *минчакълы жыйрыкъ* «платье с пришитыми бусами», *окъалы кёнчек* «штаны с орнаментом», *оюулу ал бота* «передник с орнаментом», *чохла ал бота*

«передник с бахромой», *чохлу кёнчек* «штаны с бахромой», *хуржунду ал бота* «передник с карманами», *женгсиз жыйрыкь* «платье без рукавов» и др.

Значительная часть номинаций женской одежды носит композитный характер, т.е. такие названия по своей структуре в основном двухкомпонентны и образуются по образцу первого типа изафета (имя существительное в основном падеже + имя существительное в основном падеже). Благодаря их первым атрибутивным элементам актуализируются определенные характеристики женской одежды. Такая специфика терминологической лексики карачаево-балкарского языка актуализирована и в специальных лингвистических исследованиях, посвященных названиям дней недели [Кетенчиев и др. 2019a], месяцев [Кетенчиев и др. 2019b; Ketenchiev et al. 2019] и т.д. Рассмотрим их на примере самой функциональной разновидности женской одежды – женского платка. Так, например, первые конститuentы названий платков указывают на:

а) материал, из которого изготовлен платок: *ангорка жаурукь* «платок из ангорки», *герхана жаурукь* «парчовый платок», *жибек жаурукь* «шелковый платок», *жюн жаурукь* «шерстяной платок», *кёрпе жаурукь* «большой шерстяной платок, плед», *парча жаурукь* «парчовый платок», *пух жаурукь* «пуховый платок», *серебрянка жаурукь* «платок из серебрянки», *чепкен жаурукь* «платок из тонкой шерстяной ткани собственного производства»;

б) способ изготовления платка: *бичилген жаурукь* «скроенный платок», *тигилген жаурукь* «сшитый платок», *эшилген жаурукь* «связанный платок»;

в) форму платка: *тёртгюл жаурукь* «квадратный платок», *ючгюл жаурукь* «трехгранный платок (косынка)»;

г) на наличие у платка различных украшений: *минчакълы жаурукь* «платок с нашитыми бусами», *токъмакълы жаурукь* «платок с пришитыми колокольчиками», *окъа жаурукь* «платок вышитый серебряными или золотыми нитками», *чачакълы жаурукь* «платок с бахромой»;

д) на место происхождения платка: *мухарске жаурукь* «разновидность праздничного шелкового платка (бухарский платок)»;

е) у кого приобретен платок: *кюпес жаурукь* «купеческий платок» и др. В подобных номинациях отражаются различные сферы жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев, а также «закодированы базовые архетипические характеристики этноса» [Кетенчиев и др. 2018: 82].

Таким образом, как показывает проанализированный выше фактологический материал, названия женской одежды входят в более крупную лексико-семантическую группу, центральным элементом которой является лексема *кийим* «одежда». Данный пласт лексики имеет различное происхождение: общетюркские и собственно карачаево-балкарские слова, а также заимствования из арабского, персидского, русского и европейских языков. С точки зрения структуры они являются простыми и сложными, образованными различными способами.

Источники и литература

1. Абдина Р.П. Лексика традиционной одежды в диалектах хакасского языка (в сравнении с алтайским языком): дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 199 с.
2. Анпоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003а. 129 с.
3. Анпоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003б. 23 с.
4. Анпоев А.К. Этнокультурное значение некоторых названий одежды в карачаево-балкарском языке. В сборнике: Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008). Ответственный редактор З.А. Кучукова. Редакционная коллегия: М.Б. Амалбекова, У.М. Бахтикиреева,

А.Г. Гачева, Е.А. Куянцева, А.Х. Мусукаева, А.И. Смирнова, Б.И. Тетуев, А.Т. Шогенова. 2015. С. 377–380.

5. *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). С. 10–13.

6. *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2 (30). С. 57–64. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64.

7. *ДТС 1969* – Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Темишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

8. *Ерленбаева Н.В.* Бытовая лексика алтайского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005. 166 с.

9. *Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А.* Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 81–84.

10. *Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Ахматова М.А.* Полиаспектный анализ названий дней недели в карачаево-балкарском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2019а. Т. 8. № 2 (27). С. 248–251. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0802-0059.

11. *Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Хуболов С.М.* Названия месяцев в карачаево-балкарском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019б. № 6 (93). С. 109–118. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-10.

12. *Кудаев М.Ч.* Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Книга, 2012. 279 с.

13. *Отаров И.М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1974. 251 с.

14. *Отаров И.М.* Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). Нальчик: Эльбрус, 1978. 108 с.

15. *Рамазанова Д.Б.* Названия одежды и украшений в татарском языке. Казань: Изд-во Мастер Лайн, 2002. 352 с.

16. *Сергеева Г.А., Махмудова З.У., Каракетова И.М.* Одежда // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 243–265.

17. *Тухбиева Л.Ф.* Лексика одежды и головных уборов в татарском литературном языке: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 218 с.

18. *Узденова Ф.Т.* Факторы этнической специфики: ментальность и система представлений // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 2 (82). С. 94–97. DOI: 10.18411/2018812119122.

19. *Шамигулова А.Т.* Лексика одежды и украшений в башкирском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 427 с.

20. *Betuganova Y.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M.* Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi-journal of history culture and art research. 2019. Т. 8. № 2. С. 660–670.

21. *Ketenchiev M.B., Dodueva A.T., Uzdenova F.T., Khubolov S.M.* Names of months and national linguistic picture of world on material of Karachai-Balkarian folklore and literature // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. Т. 6. № S7. P. 13.

NAMES OF WOMEN'S CLOTHING IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), appoev74@mail.ru

Bittieva Farida Azretaliyevna, Master's Student of the Federal state budgetary educational Institution of higher education «Kabardino-Balkarian state university named after H.M. Berbekov», farida.b.99@mail.ru

This article is devoted to one of the topical problems of the lexicology of the Karachay-Balkar language. In particular, it presents various characteristics of the lexical and semantic

group of words associated with the names of traditional women's clothing of Karachay and Balkars. The paper analyzes Turkological works, including those by Karachay-Balkar authors, related to various aspects of studying the considered vocabulary layer. The specificity of the lexical and semantic group of words «names of women's clothing» is shown. It is revealed that a number of names of clothing and footwear, starting from the very concept of clothing, in the Karachay-Balkar language, as in other Turkic languages, are common for the female and male genders. It is established that in the Karachay-Balkar language there are traditional names of women's clothing related to the General Turkic layer of vocabulary. They have been preserved in the language without any special semantic transformations. Along with them, there are also Karachay-Balkar clothing categories. Since the vocabulary of the Karachay-Balkar language is not a closed system, it has been supplemented with many innovations during its existence, which is determined by intensive contacts between different countries and peoples, the development and expansion of international and interethnic relations in various spheres of social life. In this respect deserve special attention parsism, the Arabic loan-words, russisms and Europeanism. Among the presented categories of clothing, terms that are formed in a morphological way prevail, as well as lexicalized descriptions structured on the model of the first type of izafet.

Keywords: Karachay-Balkar language, lexicology, women's clothing, nomination, linguo-culturology, semantics, word formation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-86-92

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В НОВОМ «РУССКО-КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ СЛОВАРЕ»

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhiieva@mail.ru

Данная статья посвящена лексикографическому анализу устаревшей лексики современного карачаево-балкарского языка. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью пассивного фонда лексики, отсутствием единого взгляда на проблему дифференциации понятий «архаизм» и «историзм», что затрудняет решение лексикографических проблем современного карачаево-балкарского языка. Следует отметить, что «Русско-карачаево-балкарский словарь» (1965г.) был составлен на основе готового русского словника без предварительного собирания лексики исследуемого языка. В этих условиях первый переводной словарь не может быть свободен от недостатков и пробелов. Учитывая это, многие практические вопросы нуждаются в дополнении и требуют своего решения. В работе обращается внимание на необходимость расширения и усовершенствования существующего словника «Русско-карачаево-балкарского словаря». Обосновывается важность специального лексикографического оформления словарными пометами устаревшей лексики.

Ключевые слова: лексикография, словник, переводной словарь устаревшие слова (архаизмы, историзмы), советизмы, словарные пометы.

Общеизвестно, что развитие современного карачаево-балкарского языкознания происходит непрерывно под влиянием экстралингвистических и внутриязыковых факторов, чутко реагируя на все явления, происходящие в жизни социума, и, естественно, при этом отражая взаимодействие активного и пассивного словарного запаса и не отказываясь полностью от устаревшего, не исключая его из своего лексического массива. Как отмечает В.Г. Егоров, «лексическое богатство каждого языка выражается главным образом в словарях разного типа» [Егоров 1971: 95]. Как и в любом другом языке, в лексике современного карачаево-балкарского языка употребляются как устаревшие (архаизмы, историзмы), так и новые слова (неологизмы).

В отличие от некоторых тюркских языков, исследование вопросов лексикографии, составление словарей в рассматриваемом языке начато значительно позже. Периодом интенсивного развития карачаево-балкарской лексикографии являются 1960–1970 гг. Первой крупной работой карачаево-балкарской лексикографии явился «Русско-карачаево-балкарский словарь», составленный в Карачаево-Черкесском НИИ и изданный в Москве в 1965 году. Данный труд, созданный под редакцией Х.И. Суюнчева и И.Х. Урусбиева и охвативший около 35 000 слов, стал первым переводным нормативным словарем. Несмотря на недостатки, которые были нами отмечены ранее [Улаков, Махиева 2015: 69], «Русско-карачаево-балкарский словарь» (1965) является новой ступенью в развитии карачаево-балкарской лексикографии. Тем не менее, учитывая, что прошло более пятидесяти лет после выхода в свет этого словаря, время потребовало подготовки и издания более

обширного по охвату слов и более точного по их переводу нового переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря», отражающего нынешнего состояния исследуемого языка [Махиева 2016: 136].

Значительные изменения, произошедшие в экономической, социально-политической, культурной жизни народа, развитие науки и техники не могли не отразиться на языке, на его словарном составе. Д.Э. Розенталь отмечает, что «язык как система находится в постоянном движении, развитии, и в первую очередь реагирует на все изменения в обществе», и соответственно лексика любого языка постоянно изменяется, непрерывно обогащается, обновляется [Розенталь и др. 2002: 15]. Устаревание и отмирание некоторых слов – это естественное стремление каждого языка освободиться от избыточных лексических единиц, и задача исследователя – выявить причины этих изменений и характер их протекания [Бемянская 1978: 15]. Несомненно, каждый период развития современного карачаево-балкарского языка характеризуется определенным соотношением активного и пассивного словарного запаса. Вследствие этого, составителям необходимо при включении того или иного устаревшего слова в словарь нового переводного «Русско-карачаево-балкарского» словаря четко обозначить устаревшую лексику, охарактеризовать и отграничить лексико-семантические категории слов, входящих в устаревшую лексику, выявить основные критерии классификации и единые принципы лексикографирования подобных слов. Традиционно термин «устаревшая лексика» используется как обобщающее понятие по отношению к терминам «архаизм» и «историзм».

В языкознании среди слов, вышедших из активного употребления, различают названия переставших существовать в современной жизни предметов, явлений и т.д. и слова, вытесненные из живого языка другими, синонимичными им. Одни ученые рассматривают эти категории слов под общим названием «архаизмы» [Ахманова 1957: 271], другие – тоже под общим, но иным названием – «устаревшие слова» [Шанский 1972: 144; Фомина 1990: 225] или устаревшая лексика [Сазонова 1963: 124]. Те и другие обычно различают среди этих слов собственно архаизмы и историзмы. Некоторые исследователи из круга устаревших слов выделяют еще и «старинные слова» [Шанский 1972: 145]. Есть и такие ученые, которые считают архаизмы и историзмы самостоятельными лексическими разрядами [Гузеев 1984: 19].

По справедливому утверждению П.У. Умаровой «не может быть единой классификации устаревших слов в разных языках; сам язык диктует правила и нормы, которыми мы должны руководствоваться» [Умарова 2013: 15]. В современном карачаево-балкарском языке основными лексико-семантическими разрядами устаревшей лексики являются архаизмы и историзмы. Для решения проблемы отбора устаревшей лексики для нового переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря» необходимо прежде всего уточнить определение архаизмов и их отличия от историзмов.

Архаизмы словарного состава карачаево-балкарского языка возникли вследствие устаревания одних и развития других слов в синонимических рядах. По мнению В.Г. Костомарова, «одной из внутрилингвистических причин, обусловивших появление устаревших слов, является синонимическая конкуренция, в результате которой одно из синонимических слов уступает место другому» [Костомаров 1994: 96]. Нельзя смешивать с архаизмами слова, полностью выпавшие из употребления в современном языке, по терминологии Н.М. Шанского – «старинные слова» [Шанский 1972: 145]. Необходимо подчеркнуть, что следствием принципиальных различий между архаизмами и историзмами, как отдельными словами устаревшей лексики, является и тот факт, что «в отличие от историзмов архаизмы обозначают предметы, понятия, явления и т.д., т.е. реалии, еще сохранившиеся в современной жизни и имеющие новые названия, синонимичные архаизмам, заключающим в себе особые экспрессивные оттенки старины» [Гузеев 1984: 23].

Как свидетельствует фактологический материал, в «Русско-карачаево-балкарском словаре (1965) нет четкой дифференциации между историзмами и архаизмами. В отличие от архаизмов, историзмы – это устаревшие слова (термины), вышедшие из активного употребления вследствие того, что обозначаемые ими понятия уже неизвестны говорящим как реальная часть их повседневного быта [СКБЯ Ч. 1: 18].

В современном карачаево-балкарском языке к историзмам относятся слова (термины), обозначающие различные социальные прослойки: *акъсюек* (букв. «белая кость») «аристократ, знатный», *къарауаш* «служанка, рабыня»; общественно-политические термины: *мырза* «знатный князь, сын хана, поставленный им на княжение», *олий*, *хан* «верховный князь», *элмен* «правитель села» и т.д.

Историзмами послереволюционного периода стали в основном общественно-политические слова, выражавшие реалии советского периода (советизмы) [Улаков, Махиева 2019: 94]. Советизмы – это наименование новых советских понятий, появившиеся на свет после Октябрьской революции (1917). Приведем примеры: **партия** ж. 1. партия; **Коммунистическая партия Советского Союза** Совет Союзну Коммунист партиясы; **член партии** партияны члени; **партсобрание** с. партсобрание; партия жыйылыу; **исполком** м. (исполнительный комитет) исполком (толтуруучу комитет) и др.

В процессе исторического развития некоторые советизмы, заменяясь новыми заимствованными словами, приобрели новые смысловые значения. Ср.: *департамент*, *парламент*, *дума*, *муниципалитет* и др. Многие словесные единицы и выражения советского периода, понятия коммунистической идеологии, имевшие раньше конкретные значения, вышли из активного словарного состава, такие как: *политбюро*, *комсомол*, *соцсоревнование*, *соцреализм*, *пятилетка*, *партком*, *генсек* и др. перешли в пассивный фонд языка.

В «советской» устаревшей лексике наблюдаются процесс сокращения слов. Данный процесс наблюдается и в РКБС (1965), где часть слов – это сложносокращенные слова (советского периода), которые пишутся слитно. Среди аббревиатур и сложносокращенных слов наиболее употребительными являются:

1) сложносокращенные слова, образуемые путем сложения начальных слогов слов: *райком* (*районный комитет*), *совхоз* (*советское хозяйство*), *совнарком* (*совет народных комиссаров*), *партком* (*партийный комитет*), *компартия* (*коммунистическая партия*) и др.;

2) аббревиатуры инициального типа: буквенные и буквенно-звуковые: СССР (Союз Советских Социалистических Республик) СССР (*Совет Социалист Республиканы Союзу*); ЦК (Центральный Комитет) АК (*Ара Комитет*); ЦК КПСС (Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза) КПСС-ни АК-сы (*Совет Союзну Коммунист партиясыны Ара Комитети*) и др.

Хотелось бы отметить, что среди причин архаизации лексики советского периода исследуемого языка условно присутствуют следующее: 1) исчезновение соответствующего явления; 2) изменения значения слова, выход из употребления отдельного значения (многозначных слов); 3) изменения в общественно-политической жизни народа, включая культуру, быт; 4) наличие временного компонента в смысловой структуре словарной лексемы.

Архаизация слов в исследуемом языке не связана с их происхождением. Устаревшими словами стали многие арабо-персидские ранние заимствования, как, например, *хукмат* «правительство», *мектеп*, *медресе* «мусульманская школа», *хуррият* «революция» и др. Но, переходя в разряд устаревших, некоторые словарные единицы не исчезают совсем, они могут актуализировать свое значение и начать снова активно функционировать в языке.

Как показывает практика, при определении устаревшей лексики для нового переводного словаря (работа над которым продолжается) важно и оформление

соответствующей системы словарных помет для устаревшей лексики. В современной лексикографической теории словарная помета – это «слово (реже словосочетание), большей частью приводимое в сокращенной или условной (символической) записи и дающее определенную характеристику либо слову или словосочетанию входного языка, либо его переводящему эквиваленту, либо отношениям между переводимой и переводящей единицами словаря» [Берков 2004: 23]. С учетом сказанного, словарная помета – это «словарное уточнение стилистического уровня употребительности, функционально-профессиональной сферы употребления, семантической характеристики лексических единиц и т.п., приводимое в сокращенной или условной (символической) записи» [Дубичинский 1994: 67].

Проведенный нами анализ используемых помет в РКБС (1965) показал значительный разбой и непоследовательность в словарных пометах. Многие слова пассивного фонда (архаизмы, историзмы) имеют общую помету (*уст.*), т.е. *устарелое*; указывает, что словарная единица является вышедшим или выходящим из активного употребления. Но и эта система помет применяется в «Русско-карачаево-балкарском словаре» (1965) не всегда последовательно. Так, например, слово **барин** (помещик) *бий* дается с пометой *уст.* (стр. 34); слово **витязь** *батыр, жигит, тултар* дается с пометой *уст.* (стр. 70). Некоторые словарные лексемы даются без помет. Ср.: батрак м. *жалчы* (стр. 34); большевик м. *большевик* (стр. 48) и т.д. Все это показывает, что существует целый ряд несогласованностей в системе помет, что ставит перед составителями нового переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря» задачу: решить проблему специального лексикографического оформления архаизмов и историзмов и вопрос об их систематизации.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости особого подхода к отбору устаревших слов. Архаизмы и историзмы как неотъемлемая часть современной языковой системы рассматриваемого языка должны в полной мере отражаться в новом переводном «Русско-карачаево-балкарском словаре». Как показывает анализ, лексикографической разработки требует не только устаревшая лексика исследуемого языка, но и система словарных помет для данной лексики.

Источники и литература

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 296 с.
2. Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 24 с.
3. Берков В.П. Двухязычная лексикография. Учебник. СПб.: Астрель, ККТ, Транзит-книга, 2004. 236 с.
4. Гузев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 156 с.
5. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. Харьков: ХПУ, 1994. 102 с.
6. Егоров В.Г. Словосложение в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 95–106.
7. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика – пресс, 1994. 247 с.
8. Махиева Л.Х. Некоторые проблемы составления «Русско-карачаево-балкарского словаря» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 2. № 7(61). 2016. С. 135–138.
9. Розенталь Д.Э. и др. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с.
10. РКБС – Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 744 с.
11. Сазонова И.К. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М.: Изд-во литературы на иностр.яз., 1963. 136 с.
12. СКБЯ – Современный карачаево-балкарский язык. В двух частях / Кабардино-Балкарский научный центр РАН; ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных

исследований». Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. Ч. 1. Фонетика, фонология, орфоэпия, графика и орфография, лексикология, фразеология, лексикография, морфемика, морфонология, словообразование. 448 с.

13. Улаков М.З., Махиева Л.Х. Опыт практической лексикографии карачаево-балкарского языка / Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 1. С. 69–76.

14. Улаков М.З., Махиева Л.Х. Проблемы терминологии карачаево-балкарского языка. Нальчик: Ред.-изд. отдел КБНЦ РАН, 2019. 120 с.

15. Умарова П.У. Устаревшая лексика в аварском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013. 24 с.

16. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1990. 415 с.

17. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 328 с.

OUTDATED VOCABULARY AND ITS REFLECTION IN THE NEW «RUSSIAN-KARACHAYEV-BALKARIAN DICTIONARY»

Makhieva Lyudmila Khamangerievna, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila.makhieva@mail.ru

This article is devoted to the lexicographic study of the outdated vocabulary of the modern Karachai-Balkarian language. The relevance of the study is due to insufficient study of the passive vocabulary fund, the lack of a unified view of the problem of differentiating the concepts of «archaism» and «historicism», which complicates the solution of lexicographic issues of the modern Karachai-Balkarian language. It should be noted that the «Russian-Karachai-Balkarian Dictionary» (1965) was compiled on the basis of a ready-made Russian vocabulary without first collecting the vocabulary of the studied language. Under these conditions, the first translation dictionary cannot be free of shortcomings and gaps. Taking this into account, many practical questions need to be completed and resolved. The work draws attention to the need to supplement and improve the existing vocabulary of the «Russian-Karachay-Balkarian dictionary». The importance of special lexicographic design of dictionary labels for outdated vocabulary is substantiated.

Keywords: lexicography, vocabulary, translation dictionary, obsolete words (archaisms, historicisms), Sovietisms, dictionary labels.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-93-97

ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЭМОТИВЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

В данной статье проводится лексико-грамматический анализ именных фразеоэмотивов, к которым относятся связанные единицы, функционально соотносящиеся с существительным, обладающие его категориальными признаками. Показан антропоцентрический характер данных фразеологизмов. Отмечены возможные виды их семантического переосмысления: метафорическое и метонимическое. Указаны два основных семантических класса эмотивов, к которым относятся именные фразеоэмотивы кабардино-черкесского языка – «эмоциональная характеристика», «эмоциональное качество». Установлено, что последний семантический класс эмотивов образуют фразеологизмы, в состав которых входит слово *су* «сердце». Исследование структурного состава выявило наиболее распространенные в кабардино-черкесском языке двухкомпонентные именные фразеоэмотивы, а также многокомпонентные (в основном трехкомпонентные) единицы, количество которых гораздо меньше. Проанализированы синтаксические виды связи, образующие данные фразеологические единицы (атрибутивный и сочинительный), представлен их возможный морфологический состав с указанием особенностей грамматического оформления. Обнаружена способность именных фразеоэмотивов к словоизменению: последний компонент исследуемых единиц реализует все падежные формы; качественные прилагательные в их составе образуют сравнительную и превосходную степени сравнения посредством частиц и различных суффиксов. Продемонстрирована возможность данных фразеологизмов выполнять роль главных и второстепенных членов предложения.

Ключевые слова: эмотиология, именные фразеоэмотивы, метафорическое и метонимическое переосмысление, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество, лексико-грамматическая структура.

Эмотиология – молодая, неизученная область лексикологии кабардино-черкесского языка. Объектом ее исследования являются эмоции, которые, как известно, представляют собой неотъемлемую часть человека и его речевой деятельности: они одновременно являются и объектом отражения в языке, и инструментом отражения самих себя и других объектов действительности [Шаховский 1987: 7–8]. Наиболее характерным для эмотивной лексики кабардино-черкесского языка является преобладание фразеологизмов [Токмакова 2009: 196]. Фразеологические единицы, выражающие эмоциональные состояния человека, являются экспонентами национально-культурной специфики языка [Кумыкова 2017: 75], что определяется спецификой их внутренней формы и значением фразеолексы, в зависимости от способа выражения которой выделяются глагольные, именные, наречно-обстоятельственные, компаративные и предикативно-коммуникативные типы. В данной статье пойдет речь об именных фразеоэмотивах.

К именным относятся фразеологизмы, функционально соотносящиеся с существительным, обладающие его категориальными признаками. Семантическим

центром таких фразеологических единиц, как правило, является существительное, поэтому иначе их называют субстантивными.

Именные фразеомотивы кабардино-черкесского языка носят антропоцентрический оценочный характер: положительный (*Ищабэ-Иущабэ* «ласковый, добрый» (букв. «ласковые руки – ласковый язык»), *гу хьэлэл* «добросердечный, добродушный» (букв. «сердце доброе»), *лы фЫццIэ гьуццIынэ* «храбрый мужчина» [СКЧЯ: 505] (букв. «черный мужчина с глазами цвета железа»), *лым я лей* «храбрейший из храбрых» (букв. «среди мужчин особый»), *псэм и цIасэ* «душевный (о человеке)» (букв. «любимец души»)) или отрицательный (*хьэл ИэнтIа* «человек с норовом» (букв. «с закрученным характером»), *цIыху хьэлэ* «тяжелый человек», *тхьэр зэуа (зэуэжа)* «богом обиженный, несчастный» (букв. «кого бог ударил»), *жьэ мэхьаджэ* «сквернослов» (букв. «рот скверный»), *фыгьуэныр зи гуцхьэнэгьу* «зависть – его примета». При этом надо отметить, что положительных именных фразеомотивов, как, впрочем, и положительных эмотивов вообще, в кабардино-черкесском языке значительно меньше отрицательных.

Анализируя семантику данных фразеологизмов, можно выделить метафорическое и метонимическое переосмысление лексических единиц. Метафорическое, основанное на сходстве предметов, явлений, качеств, в фразеомотивах кабардино-черкесского языка развивается в основном в двух направлениях: от мира природы (животного мира) к миру человека (*бжэн цIакъуэ* «жалкий, ничтожный» (букв. «хромая коза»), *хьэ цэхурьпхьуэ* «коварный» (букв. «собака, кусающая исподтишка»), *блэр зэраукIа баш* «проклятый» (букв. «палка, которой убили змею»), *мэлыфэ зытеубгьуа дьгьужь* «волк в овечьей шкуре» (букв. «волк, на кого накинута овечья шкура»), *шкIаццIэм игьэдела танэ* «легко одураченный» (букв. «бычок (телка), одураченный теленком-сосунком»)), или внутри самого мира человека (*тхьэр зэуа (зэуэжа)* «богом обиженный, несчастный» (букв. «кого бог ударил»), *афIэкIа номыр (шэрай) зимыIэр* «ничтожный» (букв. «у кого больше номера (внешности) нет»), *уафэм нэсу пIастхьэ* «заносчивый» (букв. «кто, до неба доставая, царапается»), *кьуэгьэнанIэ фочауэ* «хвастливый трус» (букв. «стрелок из укрытия»), *ахьырзэман махуэм кьалъхуа* «трус» (букв. «в прекрасный день рожденный»)).

Метонимическое переосмысление в именных фразеомотивах в основном проявляется в переносе наименования органа, части человека на человека в целом, на его качество: *бзэ IэфI* «ласковый» (букв. «язык сладкий»), *жьэ мэхьаджэ* «сквернослов» (букв. «рот скверный»), *нэри нэри (пIэпех)* «захватывает тебя всего, без остатка» (букв. «отнимает глаза и нос»), *фэ пIаццIэ* «малодушный» (букв. «кожа тонкая»), *Ищабэ-Иущабэ* «ласковый, добрый» (букв. «ласковые руки – ласковый язык»), *хамэгьу-хамацхьэ* «недоверчивый, неприветливый, недружелюбный» (букв. «чужое сердце – чужая голова») и т.д. В составе большинства подобных фразеологизмов присутствует слово *гу* «сердце»: *гу махэ* «мягкосердечный» (букв. «сердце слабое»), *гу мыгьуэ* «жалостливый, сострадательный» (букв. «сердце жалостливое»), *гу пцIанэ* «отзывчивый, чуткий» (букв. «сердце голое»), *гу пIаццIэ* «сердечный, душевный» (букв. «сердце тонкое»), *гу хьэлэл* «добросердечный, добродушный» (букв. «сердце доброе»), *гу щабэ* «мягкосердечный» (букв. «сердце мягкое»), *гу цIылэ* «черствый, бездушный» (букв. «сердце холодное»), *гу IэфI* «добросердечный; мягкосердечный» (букв. «сердце сладкое»), *гу Iув* «бесчувственное сердце» (букв. «сердце толстое»), *гу зэкIуэцIыль* «замкнутый, скрытный» (букв. «сердце завернутое»).

Среди именных фразеомотивов встречаются и такие, где один из компонентов используется в прямом значении и занимает обычно первую позицию во фразеологической единице: *цIыху щабэ* «мягкий человек», *цIыху хьэлэ* «тяжелый человек», *лы фЫццIэ гьуццIынэ* «храбрый мужчина» (букв. «черный мужчина с глазами цвета железа»), *нэцхьэ пьджэ* «суровый взгляд, колючий взгляд» (букв. «взгляд бодающий») и т.д.

В соответствии с эмотивной классификацией [Бабенко 1989] рассматриваемые фразеологизмы в кабардино-черкесском языке образуют два семантических класса: «эмоциональную характеризацию», включающую единицы, дающие эмоциональную оценку кому-либо (все приведенные выше примеры), и «эмоциональное качество», единицы которого называют сами свойства, качества человека. Последний немногочисленный класс представлен в основном фразеологизмами со словом *гу* «сердце»: *гу Изфлагъ* «добросердечность, душевная теплота» (букв. «сердца сладость»), *гу хьэлэлыгъэ* «добросердечность» (букв. «сердца доброта»), *гу шабагъ(э)* «мягкосердечие» (букв. «сердца мягкость»), *гу мыгъуагъэ* «жалостливость» (букв. «сердца несчастье»), *гу туланагъэ* «мягкосердечность; отзывчивость, чуткость» (букв. «сердца обнаженность»), *гу цылылагъэ* «черствость, равнодушие» (букв. «сердца холодность») и т.д.

Наиболее характерным видом синтаксических отношений в именных фразеомотивах являются атрибутивные, где главное слово – существительное, а зависимое, указывающее на признак, качество предмета, как правило, выражено прилагательным, причастием, реже местоимением. Подобный вид связи в основном представлен двухкомпонентными фразеологизмами:

1. «существительное + качественное прилагательное»: *нэпс гуаццIэ* «горькие слезы, горячие слезы», *цыыху цылыIэ* «холодный человек», *дыхъэхих нэццI* «усмешка; кривая улыбка» (букв. «ложный, деланный смех»), *дуней нэху* «милый мой, светик» (букв. «мир светлый»), *бжэн цлакъуэ* «жалкий, ничтожный» (букв. «хромая коза»), *фэ нлаццIэ* «малодушный» (букв. «кожа тонкая»), *бзэ ИзфI* «ласковый» (букв. «язык сладкий»);

2. «существительное + причастие»: *хьэл IуэнтIа* «человек с норовом» (букв. «с закрученным характером»), *нэццхъ пьдджэ* «суровый взгляд, колючий взгляд» (букв. «взгляд бодающий»), *гум цыццIэр* «то, что переживается в душе» (букв. «то, что сердцу не хватает»), *гум кърихур* «то, что не по душе» (букв. «то, что из сердца идет (несет)'), *тхьэр зэуа (зэуэжа)* «богом обиженный, несчастный» (букв. «кого бог ударил»);

3. «местоимение + имя существительное»: *си тIасэ* «мой милый», *сыт хьэдэгъуэдахэ!* «что за безобразие!».

Сюда же можно отнести многокомпонентные (более двух компонентов) именные фразеомотивы, состоящие из существительного, как главного слова, и причастия с другим существительным: *блэр зэраукIа баш* «проклятый» (букв. «палка, которой убили змею»), *мэлыфэ зытеубгъуа дыгъужь* «волк в овечьей шкуре» (букв. «волк, на кого накинута овечья шкура»), *шкIаццIэм игъэдела танэ* «легко одураченный» (букв. «бычок (телка), одураченный теленком-сосунком»), *уафэм нэсу нIастхъэ* «заносчивый» (букв. «кто, до неба доставая, царапается») и т.д.

К многокомпонентным относятся также именные фразеомотивы ласкания, выражающие любовь, нежность к кому-либо. Например: *си псэ закъуэ* «ненаглядный» (букв. «моя душа единственная»), *си псэ тIэкIу (цыкIу)* «душа моя, милый мой» (букв. «моей души немного»), *си дуней нэху* «любимый» (букв. «мой мир светлый»), *си шыр цыкIу* «детка» (букв. «мой детеныш маленький»), *зи гъаццIэ кIыхъ хъун* «дорогая» (букв. «чья жизнь длинной будет»), *си псэр зышхын* «милый, дорогой» (букв. «кто мою душу съест») и т.д. Они, как мы можем видеть, состоят, как правило, из притяжательного местоимения, существительного, прилагательного или глагола. Слово *цыкIу* «маленький» в приведенных примерах используется для выражения уменьшительно-ласкательного значения [Токмакова 2017: 47].

Обычно первый компонент именного фразеомотива, выраженный существительным, выступает в неопределенной, словарной форме: *цыыху шабэ* «мягкий человек», *бзэ ИзфI* «ласковый» (букв. «язык сладкий»), *алмэсты(н) мажъэ* «злая женщина» (букв. «расческа снежного человека»), *къуэгъэнанIэ фочауэ* «хвастливый

трус» (букв. «стрелок из укрытия»), *лы флыцлэ гьуцлынэ* «храбрый мужчина» (букв. «черный мужчина с глазами цвета железа») и т.д. В некоторых исследуемых фразеологизмах можно встретить именные компоненты, оформленные аффиксами эргативного, реже именительного падежей: *уафэм нэсу пластхэ* «заносчивый» (букв. «кто, до неба доставая, царапается»), *лым я лей* «храбрый из храбрых» (букв. «среди мужчин особый»), *псэм и щласэ* «душевный (о человеке)» (букв. «любимец души»), *шклауцлэм игьэдела танэ* «легко одураченный» (букв. «бычок (телка), одураченный теленком-сосунком»), *блэр зэраукла баиш* «проклятый» (букв. «палка, которой убили змею») и т.д.

Именные фразеомотивы способны к словоизменению, последний компонент которых обычно реализует все падежные формы кабардино-черкесского языка. Например, *гу хьэлэл* «добросердечный, добродушный» (букв. «сердце доброе») – Им.п. *гу хьэлэлыр*, Эрг.п. *гу хьэлэлым*, Посл.п. *гу хьэлэлклэ*, Обст.п. *гу хьэлэлу*; *уафэм нэсу пластхэ* «заносчивый» (букв. «кто, до неба доставая, царапается») – Им.п. *уафэм нэсу пластхээр*, Эрг.п. *уафэм нэсу пластхэм*, Посл.п. *уафэм нэсу пластхэкклэ*, Обст.п. *уафэм нэсу пластхэу* и т.д.

Качественные прилагательные в составе именных фразеомотивов сохраняют некоторые свои морфологические свойства. Так они могут образовывать степени сравнения: сравнительную и превосходную. Для создания сравнительной степени в данных единицах частица *нэхь* присоединяется не к прилагательному, как принято, а к существительному – ключевому слову в связанном словосочетании, вследствие чего все выражение получает нужную форму: *цлыху щабэ* «мягкий человек» – *нэхь цлыху щабэ* «более мягкий человек», *фэ нлауцлэ* «малодушный» (букв. «кожа тонкая») – *нэхь фэ нлауцлэ* «малодушнее», *акьыл луэнтла* «неуравновешенный, непостоянный» (букв. «разум закрученный») – *нэхь акьыл луэнтла* «неуравновешеннее, непостояннее» и т.д.

Во фразеологизмах, находящихся в сравнительной степени с частицей *нэхь*, с целью усиления степени преобладания качества к прилагательному могут быть прибавлены суффиксы: *-жэ* (*цлыху хьэлэ* «тяжелый человек» – *нэхь цлыху хьэлэжэ* «более тяжелый человек» – *нэхь цлыху хьэлэжэжэ* «еще более тяжелый человек»); *гу щабэ* «мягкосердечный» (букв. «сердце мягкое») – *нэхь гу щабэ* «мягкосердечнее» – *нэхь гу щабэжэ* «еще более мягкосердечный») или *-луэ* (*гу нцланэ* «отзывчивый» (букв. «сердце голое») – *нэхь гу нцланэ* «отзывчивее» – *нэхь гу нцланэлуэ* «поотзывчивее»), *цлыху гуанэ* «колкий, язвительный, едкий человек» (букв. «человек-сучок») – *нэхь цлыху гуанэ* «более колкий, язвительный, едкий человек» – *нэхь цлыху гуанэлуэ* «еще более колкий, язвительный, едкий человек»). Также к форме сравнительной степени могут присоединяться наречия *млэклуклэ*, *зымлэклуклэ*, *мауцлэклэ*, *зымауцлэклэ* со значением «немного», привносящие уменьшительный оттенок: *Ар сэ нэхьрэ млэклуклэ нэхь фэ нлауцлэц* «Он несколько малодушнее меня» [Бижоев 2005: 263].

Простые формы превосходной степени в основном образуются с помощью суффиксов *-щэ*, *-луэ*: *цлыху хьэлэ* «тяжелый человек» – *цлыху хьэлэщэ* (хьэлэлуэ) «слишком тяжелый человек», *гу нлауцлэ* «сердечный, душевный» (букв. «сердце тонкое») – *гу нлауцлауцэ* (*нлауцлэлуэ*) «очень сердечный, душевный». Сложные формы превосходной степени именных фразеомотивов могут образовываться, во-первых, посредством частиц *нэхь*, которая ставится перед фразеологизмом, и *дыдэ*, занимающую постпозиционное положение (*цлыху щабэ* «мягкий человек» – *нэхь цлыху щабэ дьдэ* «самый мягкий человек»; *бзэ* *лэфл* «ласковый» (букв. «язык сладкий») – *нэхь бзэ лэфл дьдэ* «самый ласковый»); во-вторых, путем присоединения к прилагательному слов *дыдэ*, *лей*, *икьуклэ*, *хуабжэу* (*гу махэ* «мягкосердечный» (букв. «сердце слабое») – *гу махэ дьдэ* «очень мягкосердечный», *гу махэ лей* «очень мягкосердечный», *икьуклэ гу махэ* «очень мягкосердечный», *хуабжэу гу махэ* «очень мягкосердечный»). Как мы можем видеть, слова *дыдэ* и *лей* следуют за прилагательным, *икьуклэ*, *хуабжэу* ставятся перед всем выражением.

Сочинительная связь в именных фразеомотивах объединяет равноправные слова либо при помощи повторяющихся союзных суффиксов *-и...-и* (*нэри пэри (пIэпех)* «захватывает тебя всего, без остатка» (букв. «и глаза, и нос (отнимает)»), *хьэкIэри кхьуэкIэри (зэрепх)* «комбинатор, проныра, пройдоха» (букв. «и хвост собаки, и хвост свиньи (связывает)»), *нэпси шхупси (кьыхэмынауэ)* «разделить кого-л. под орех» (букв. «и слезы, и вода от сквашенного молока (не останется)»), либо с помощью дефиса (*Иэцабэ-Луцабэ* «ласковый, добрый» (букв. «ласковые руки – ласковый язык»), *хамэгу-хамащхьэ* «недоверчивый, неприветливый, недружелюбный» (букв. «чужое сердце – чужая голова»). Именные фразеомотивы с сочинительной связью могут быть как простыми по составу (*нэри пэри (пIэпех)* «захватывает тебя всего, без остатка» (букв. «и глаза, и нос (отнимает)»), так и сложными (*хьэкIэри кхьуэкIэри (зэрепх)* «комбинатор, проныра, пройдоха» (букв. «и хвост собаки, и хвост свиньи (связывает)»), *Иэцабэ-Луцабэ* «ласковый, добрый» (букв. «ласковые руки – ласковый язык»)).

Среди именных фразеологизмов Б.М. Карданов выделяет единицы междометного характера, не имеющие ярко выраженной семантики. Однако способность выражать определенное эмоциональное значение однозначно определяет данные фразеологизмы в разряд эмотивных. Наличие в составе данных языковых комплексов именных форм, хотя и подвергшихся упрощению и деформации, позволяет, по мнению Б.М. Карданова, относить их к именным связанным единицам. Формально являющиеся номинативной единицей, лишённые какой-либо семантики они «представляют собой целостный семантический комплекс, обладающий признаками фразеологизма» [Карданов 1973: 162]. Надо отметить, что именные компоненты в таких комплексах уже перешли в разряд междометий, частиц и зафиксированы так в словарях [СКЧЯ, КЧРС]. В грамматике кабардино-черкесского языка они рассматриваются как производные междометия [Кабардино-черкесский язык 2006: 366]. Приведем пример: *уэху алыхь* 1. «ах, боже мой», 2. «давай; дал духу» [КРФС] – это сочетание междометия *уэху* «уф» и производного междометия *алыхь* «ей-богу», происшедшего от существительного *Аллах* со значением «бог в исламской религии». Аналогично обстоит дело с *а дыдыд мыгьуэ* «о горе мое» – междометие *дыдыд* «ой-ой-ой» + *мыгьуэ* – частица, выражающая боль, жалость, досаду и т.д., производную от существительного *мыгьуэ* со значением «беда, несчастье, горе» и т.д.

В предложении именные фразеомотивы могут выступать в роли различных членов предложения: подлежащего (*А тхьэгьэпцI джафэм* *Иэджи кьибжыниц, уемыдалуэм нэхьыфIц.* [Къашыргъэ 1966: 276] «Этот врун много наговорит, лучше уж ты его не слушай»); простого сказуемого (*Шыху хьэлэхэщ* (*хьанхэр*), *зэм урысыгуу мэгуэлгыжхэри персыцхьэ яфIэту пцэдджыжьым кьотэджыж.* [Шортэн 1975: 131] «Тяжелые люди (ханы), иногда с русским сердцем ложатся, с персидской головой утром встают»); составного сказуемого (*Иэджи фIэкла мпхуэдэу зэи ар (Шорэ) гу махэ и гьацIэ псом кьэхьуауэ кьыцIэкIынтэкьым.* [Шортэн 1985: 37] «Как теперь он (Шора), наверное, никогда за всю жизнь не становился таким мягкосердечным»); дополнения (*Ар (уцыджэлэнур) а зы алыхьыриц зыцIэр, – и бзэ* *ИэфIыгьэм* *зимыхьуэжу хуэгуапэт Волковым пьыр.* [Шортэн 1975: 149] «Это (когда ты упадешь) один Аллах знает, – не сменяя своей ласковости, был добр князь к Волкову»); определения (*Ермоловым, дауи, игьацIэм нэчыыхьIэ физ кьимыша пэтми, цIыхубз* *Иэджэ ильэгьуат акьылыфIэу, гу щабэу...* [Шортэн 1975: 94] «Ермолов, хотя за всю свою жизнь не женился, видел много женщин, умных, мягкосердечных...»), обстоятельства (*Нэщхь пьиджэу кьызоплэ.* «Суровым взглядом смотрит на меня»).

Таким образом, семантическим центром именных фразеомотивов является существительное. Рассматриваемые единицы носят антропоцентрический оценочный характер и могут быть как положительными, так и отрицательными.

В именных фразеологизмах различается метафорическое или метонимическое переосмысление лексических единиц. Первое основано на сходстве предметов, явлений, качеств и развивается в основном в двух направлениях: от мира природы к миру человека или внутри самого мира человека. Метонимическое переосмысление проявляется в основном в переносе наименования органа, части человека на человека в целом, на его качества. В составе большинства подобных фразеологизмов присутствует слово *зу* «сердце».

Согласно семантической классификации эмотивов, именные фразеологизмы образуют классы «эмоциональная характеристика» и «эмоциональное качество». Последний представлен фразеологизмами с *зу* «сердце». Основными синтаксическими связями в исследуемых единицах являются атрибутивная и сочинительная. По структуре различаются двухкомпонентные и многокомпонентные именные фразеологизмы, куда также входят фразеологизмы ласкания.

Именные фразеологизмы способны к словоизменению. Качественные прилагательные в составе исследуемых единиц могут образовывать степени сравнения. В предложении данные фразеологизмы, выполняя различные функции, могут выступать в роли главных и второстепенных членов.

Источники и литература

1. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
3. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 552 с.
4. *Карданов Б.М.* Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 н.
5. *КРФС* – Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 344 н.
6. *Кумыкова Д.М.* Лакуарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 71–76.
7. *КЧРС* – Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.
8. *Къашыргъэ Хъ.* Лъапсэ быдэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1966. 348 н.
9. *СКЧЯ* – Словарь кабардино-черкесского языка. Москва: Дигора, 1999. 860 с.
10. *Токмакова М.Х.* Проблемы эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. № 4. С. 195–200.
11. *Токмакова М.Х.* Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 274 с.
12. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. 192 с.
13. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.
14. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 1985. 332 н.

NAME PHRASEOEMOTIVES KABARDINO-CIRCESSIAN LANGUAGE

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This article provides a lexical and grammatical analysis of nominal phraseological expressions, which include related units, functionally related to a noun, possessing its categorial

features. The anthropocentric nature of these phraseological units is revealed. Possible types of their semantic rethinking are noted: metaphorical and metonymic. Two main semantic classes of emotives are indicated, which include nominal phraseological expressives of the Kabardino-Circassian language – «emotional characterization», «emotional quality». It has been established that the last semantic class of emotives is formed by phraseological units, which include the word *gu* «heart». Based on the structural composition, the most common in Kabardino-Circassian language are identified two-component nominal phraseological expressives, as well as multi-component units, the number of which is much smaller. The syntactic forms of communication that form these phraseological units (attributive and composing) are analyzed, their possible morphological composition with the indication of the peculiarities of grammatical design is presented. The ability of nominal phraseological expressives to inflate was discovered: the last component of the units under study implements all case forms; high-quality adjectives in their composition form a comparative and superlative degree of comparison through particles and various suffixes. The ability of these phraseological units to play the role of the main and secondary members of the sentence is demonstrated.

Keywords: emotiology, nominal phraseoemotives, metaphorical and metonymic rethinking, emotional characterization, emotional quality, lexical and grammatical structure.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-98-104

МОТИВЫ ПОЗДНЕГО ТИПА В СКАЗАНИЯХ О МАЛЕЧИПХ

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

Хагожеева Лиана Славовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana1771@mail.ru

В статье устанавливаются функции и характер объективации мотивов позднего типа и их взаимодействие с архаическими элементами повествования в цикле о малютке Малечипх, центрального персонажа сказаний завершающего этапа продуктивной стадии нартского эпоса. Исследуются истоки, функции и роль стадийно различных мотивов в создании единого цельного образа названной героини. Основное внимание уделяется системе духовных ценностей, связанных с идеалом семейной идиллии, женской верности, мудрости и способности изъясняться иносказательно и лаконично, что воспринимается как свидетельство острого ума. Отмечается, что главный персонаж рассматриваемого цикла является носителем эстетических достоинств и этических принципов традиционного раннефеодального адыгского общества. Это и позволяет отнести сказания о девушке Малечипх к заключительной стадии формирования нартского эпоса. В результате исследования выявлено, что при создании данного образа задействованы мотивы как архаические, так и позднего происхождения. В художественном тексте сказаний они образуют органически единое сочетание, что характерно для всех произведений, входящих в данный цикл. Этим определяется главная особенность всего цикла, а также оригинальность образа самой Малечипх и других персонажей.

Ключевые слова: адыгский нартский эпос, Малечипх, сказание, образ, сюжет, мотивы позднего типа.

Как известно, образ Малечипх создавался в разные исторические эпохи, в связи с чем в нем обнаруживаются наслоения различных стадий развития общества. Поэтому в сказаниях об этой героине можно проследить и мотивы, уходящие своими корнями в глубокую древность, и мотивы, имеющие более позднее происхождение. В предыдущей статье [Хагожеева 2020] мы охарактеризовали архаические элементы в этих сказаниях: определили их истоки, функции и роль в создании образа Малечипх. И, как можно заметить, многие мотивы позднего типа остались за пределами этого исследования, в связи с чем возникло желание восполнить этот пробел в настоящей статье.

В данном случае следует обратить внимание на то, что «возраст» того или иного фольклорного произведения определяется не только наличием или отсутствием в нем компонентов, в основе которых лежат древние мифологические представления. В частности, элементы архаики можно отметить в цикле о Бадиноко. Таковыми являются, например, мотивы чудесного рождения, быстрого роста, различных испытаний, которые во многих случаях связаны с обрядом инициации, героического

сватовства и мн. др. Тем не менее и его образ, и связанные с ним сюжеты ученые относят к более поздней стадии формирования адыгского героического эпоса. И это обусловлено тем, что в отличие от «старших» циклов, здесь во многих сказаниях основным стержнем проходит мотив защиты своей земли, а в самом образе отражены черты идеального средневекового рыцаря, что является новым явлением для нартского эпоса. При этом повествовательная стилистика большинства сказаний близка стилю преданий, а в некоторых случаях – богатырской сказки [см. об этом более подробно: Гутов 2009: 44–49]. Например, в адыгском фольклоре, в частности, в цикле о Бадиноко, широкое распространение получил сюжет под номером АТ 981 (*Почему перестали убивать стариков*), истоки которого восходят к существовавшему у многих народов древнему обычаю, согласно которому с горы сбрасывали одряхлевших стариков. Однако в данном случае сюжет не является прямым отражением исторического прошлого, а, по справедливому замечанию А.М. Гутова, «скорее всего, это, как часто встречается в фольклоре, художественная условность, призванная более рельефно выделить истоки обычая почитания старших, столь распространенного в среде кавказских народов» [Гутов 2009: 47]. Как видно, здесь архаические мотивы переплетаются с мотивами более позднего происхождения, и подобное явление становится характерным признаком практически для всех жанров фольклора. Оно наблюдается и в цикле о Малечипх: в ее образе, а также в сюжетах, посвященных этому персонажу, обнаруживаются мотивы с древней мифологической основой, и прослеживается их связь в едином повествовании с мотивами, возникшими в более позднее время.

Так, в ранних формах героического эпоса, например, в образе Сатаней-гуаши налицо архаические черты. Она наделена магической силой (может останавливать ход солнца), знает язык животных, изготавливает чудодейственные зелья и т.д., является воплощением прообраза Великой Матери, носительницей изначальной мудрости, в то же время она выступает авторитетным советчиком нартов, олицетворением женской чистоты. Малечипх тоже обладает магическими способностями. Она общается на языке зверей и птиц, ее понимают все объекты природы – река, солнце, ветер и пр.; сбываются все ее благопожелания, исполняются ее просьбы к силам природы и даже проклятия. Все это позволяет отнести ее образ к типологическому ряду древних персонажей (Тхагаледж, Сатаней, Уарсариж, Адюх и др.) архаического эпоса. Например, когда Малечипх идет на похороны своего нареченного Унаджоко, встречает на своем пути реку, которая препятствует ей, и она обращается к ней со словами:

– *Зи щыгъур хъэрахъэ,
Зи щагъыр хъэрабэ,
Абхэ я пхъуу
Бедхэ я пхъурьльху,
Узэгъжрэ уякум дьдэбгъэкIмэ...
ТхъэмыцкIэм дыригуIэкIуэц.
Дыногъынци, дынобжынци,
Махуэр макIуэ* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 12] –

Чья поверхность узорчатая,
Чья глубь многоцветная,
Абовых дочь,
Бедовых внучка,
Разделилась бы ты и между собой нас пропустила,
Мы плакальщики по покойному.
Поплакались бы мы тебе, попричитали бы мы тебе,
Да день проходит (*Перевод А.М. Гутова*).

Река выполняет ее просьбу и освобождает дорогу.

Однако основным отличительным признаком Малечипх от ранних персонажей нартского эпоса является знание и идеальное соблюдение норм и правил, указываемых женщине сводом неписаных правил – *адыгэ хабзэ*. Другими словами, в ее образе выявляются черты идеальной девушки-невесты, и то, что Малечипх является абсолютным носителем этических принципов традиционного раннефеодального адыгского общества, в большей степени, позволяет отнести ее цикл к заключительной стадии формирования нартского эпоса. Как это характерно для некоторых героев архаического эпоса, Малечипх нередко действует наперекор господствующим моральным правилам и выступает в качестве реформатора, что свойственно т.н. культурным героям. Так, инверсия помогает ей расставить нужные акценты в конфликте с окружающими. В сказании она выступает как художественный прием, задействованный с целью усилить необходимость соблюдения правил адыгского этикета. Таким образом, поведение Малечипх, на первый взгляд кажущееся абсолютно парадоксальным, впоследствии оказывается вполне адекватным.

По мнению большинства специалистов, цикл, посвященный этой героине, отражает период разложения первобытнообщинного строя, в силу чего она стала олицетворением семейной идиллии (что включает в себя умение выражаться иносказательно и способность передавать и понимать знаки мужа), женской верности, мудрости и острого ума. На наш взгляд, преимущественно эти ценности лежат в основе поздних мотивов в цикле Малечипх.

Система духовных ценностей, «работающих» в цикле Малечипх, отражает эстетические потребности и стереотипы общества, в котором создавался этот образ. Эти потребности во многом определяют задачу героини эпоса. Так, главная «миссия» Малечипх связана с ее маленьким ростом, что стало контрастным фоном, оттеняющим ее острый ум. Эта физическая особенность в сочетании с идеальным владением поэтическим слогом, с умением говорить афористическими фразами, иносказаниями, знанием тонкостей сложной этикетной системы отвечают требованиям той эпохи, в которой формировался образ Малечипх. В эпосе этого времени главную ценность представляют человеческие качества персонажей, в пользу чего главные герои лишились свойственных им ранее фантастических черт. Физическая сила и нравственные качества богатыря становятся приоритетными в адыгском эпосе. Соответственно, нравственные и интеллектуальные качества женщин в эпосе также выдвигаются на передний план. Поэтому Ш.Х. Хут считает, что основным оружием женщин в нартском эпосе стало острословие [Хут 2003: 83], что, вполне объясняет природу Малечипх, острой на язык. «Маленький рост делает парадоксальными нестандартное, но вполне адекватное поведение героини, подчеркивает ее интеллектуальные способности, являясь олицетворением женского остроумия и хитрости» [Хагожиева 2020: 125]. Таким образом, архаические мотивы в цикле сказаний переплетаются с мотивами позднего происхождения, выражающими нравственные и интеллектуальные идеи.

Мудрость и сила ума Малечипх прослеживается во всех вариантах сказаний. В этом плане хотелось бы привести эпизод из сказания *«Алыг'һэрэ Мэлэч'һэрэ благъэ зэрызэхуэхуар»* – «Как породнились Алиги и Малечи». Когда конь нареченного мужа Малечипх вернулся с пустым седлом, Алиговы послали горевестника к Малечам. Встретив в дороге Малечипх, всадник, не зная, что перед ним невестка Алиговых, спросил, как можно найти дом Маличей. Тогда Малечипх ответила ему в свойственной ей остроумной манере: «– *Малыч'һэ я унэрац, – жи'ац, – ик'и къуажацици, ик'и къуажэжк'эци, – жи'ац, – ик'и къуажэжк'уц, ауэ я унэ шындэбзий ицхъэрэмк'и э г'эд куэныш'ыб т'эк'лу цылыц, – жи'а*» [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7] – «– Маличей дом таков, – отвечала <она>, – он и верхняя часть села, и нижняя часть села, – сказала, – и середина села, только в нижней стороне от дома лежит чуть-чуть куриного помету, – сказала <Малечипх>» (Перевод А.М. Гутова).

Или же она отвечает на вопрос, какая из этих двух дорог ближе к дому Малечей: «– *МыбыкI'э укI'уэмэ, гъуогу жыжьэщ, гъуогу благъэщ, – жиIа. – МобыкI'э укIуэмэ, гъуогу благъэщ, – жиIа. – Уэ узэгуакIуэмкI'э укIуэну ухуитц, – жиIа*» [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7] – «Если поедешь вот так – дорога дальняя – дорога близкая [короткая], поедешь вот так – дорога близкая – <дорога дальняя>, – сказала. – По какой ехать – твоя воля, – ответила <Малечипх>» (Перевод А.М. Гутова).

Здесь Малечипх имела в виду, что одна дорога – трудная, другая легкая.

Малечипх владеет идеальным поэтическим слогом, в котором переплетаются парадокс, сатира и истинность. Она всегда говорит иносказательно. Второй смысл ее слов понять может не каждый, и потому на первый взгляд в ее речи видится какой-то парадокс. Только разгадав «завуалированный» смысл ее слов, партнеру открывается абсолютно адекватное значение сказанного. Во всех вариантах сказаний стиль речи Малечипх выдержан в таком духе. Когда ее гости спрашивают, где ее родители, она отвечает им иносказательно:

«– *Уи адэр дэнэ щыIэ? – жаIэу щепуцIым...
– Иримыкъу къытщэну кIуащ, – жиIащ<...>.
– Уи анэр дэнэ здэжIуар? – жаIащ гупым.
– Си анэр кIуащ, IуэхуитIгъэн, – жиIащ <Малычыпхъу>*
[Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ... 1994: 7] –

«– Где твой отец, – <когда Малечипх> спросили...
– Пошел продолжить то, что не кончается, – сказала.
– А куда мать пошла? – спросила <группа всадников>.
– Мать пошла задерживать два дела, – ответила <Малечипх>»
(Перевод Л.С. Хагожеевой).

Малечипх, имея в виду, что работа никогда не кончается, иносказательно сказала, что отец ушел трудиться, а мать ушла поболтать к соседке и задержала свои дела и дела соседки.

Малечипх славилась мастерством народного острословия и не всегда добродушным юмором. Женихи приезжали соревноваться с ней в острословии, и она всегда одерживала верх над ними, что было равносильно отказу: «Со всех сторон стекались молодые нарты только для того, чтобы послушать ее умные речи и поглядеть на нее» [Нарты 2002: 394].

Испытать маленькую Малечипх решил и Ашамез, встретив ее впервые, но неожиданный ответ находчивой девушки поразил его и дал надежный отпор. Ашамез слышал, что она остра на язык, и, чтобы разговорить ее, спросил, не видела ли она лошадей. Малечипх поняла, что он хочет испытать ее, и сказала так:

«– *Пцэдджыжь мазэр къыщыцIэзым,
Си бжэ дазэр зэIуэри,
ТепIэн дазэм сыкъыдэплъри...
ПцIэгъуалэр сокуцIэ-сокуцIэу,
ПцIэгъуэплъыр сокуцIэ дамыгъэу,
Къарэр блатхъэхуу,
Зыхури псытцIэм хэнауэ,
Ижьырабгъу кIаишэу,
Шэсырабгъу сокуу,
КIуэрэ-кIуэрэ ущыжу –
Апхуэдэ зыгуэрым
Уи адэ Аишэ и шыр ихуащ.
А слъэгъуам укIэлъымыкIуэ,
А слъэгъуам укIэлъымыжэ,*

*УкIэлъыжэми, уцIыхъэнукъым,
УцIыхъэми, упэлъэцынукъым, – жери Ашэмэз и адэ Ашэр Лъэбыцэ-
жъейм цукIыу и шыбзыр зэрихуауэ цытыгъар ириудэкIыу ещаци»*
[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 16] –

«– Когда утром месяц выкатился,
И дверь приоткрылась чуть-чуть,
Я посмотрела из-под одеяла...
Серый <конь> с густою гривой,
Гнедой <конь> с гривой особой,
Вороной <конь> со светлыми передними копытами,
Погонщик, застрявший в трясине,
Справа замыкающий,
Слева с большой гривой,
Сперва иноходью, но потом рысью,
Из таких же кто-то
Угнал коня у твоего отца Аша.
Я видела – не преследуй его,
Даже если вслед побежишь – не догонишь,
Догонишь – не победишь, – сказав, она бросила ему <в лицо>, как Тляби-
цажей, убив отца Ашамеза Ашу, угнал его кобылицу»
(Перевод Л.С. Хагоjeeвой).

Именно такая женская мудрость, созидательная сила Малечипх в сказании противопоставлена мировому злу. Малечипх предписана своя поведенческая стилистика, которая помогает ей в этой борьбе. Как отмечал А.Т. Шортанов, «по своей натуре Малечипх порою строптива, но умна, кокетлива, но воздержанна, злоречива, но не зла, хитра, но верна <...>. Ее вызывают на грубость, а она ответит так ласково и находчиво, что грубияну приходится краснеть. Слишком навязчивых нартов она отваживает от себя с тактом и юмором» [Шортанов 1969: 224].

Соглашаясь с А.Т. Шортановым, нужно отметить, что Малечипх, не зла и никогда первой не вступает в конфликт, ее всегда выводят на ответные действия и это всего лишь принцип ее самозащиты. «Многие сказания из цикла о Малечипх строятся по принципу обряда: сначала ее обижают, задевают каким-либо словом или поступком, затем она дает остроумный ответ, иногда содержащий саркастические нотки в адрес того, кто вызвал ее негативную реакцию», – пишет А.М. Дзагаштов [Дзагаштов 2017].

З.П. Кардангушев видит это противостояние в ее борьбе за свое место под солнцем и за свое личное счастье. По его мнению, скрытый смысл образа Малечипх это то, что единственная в своем роде, ни на кого не похожая маленькая девочка, чтобы быть счастливой как все, должна побороться за свое счастье [Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ... 1994: 4]. Малечипх резка, но не допускает грубости и оскорбления. А способом борьбы с негативным отношением общества является ее мастерство, острый язык и ум, тонкий юмор и знание тонкостей сложной этнической системы.

Мать Малечипх отправила ее за солью к соседке. Постеснявшись гостей гуаши, она иносказательно передала просьбу матери, полагаясь на ее находчивость. Но та, не поняв скрытого смысла слов Малечипх, сильно задела ее:

«– Нанэ «Пиэрым и уэд, Уэдым и дагъэ», – жери сыкъыгъэкIуащ, – жиIащ Мэлычыпхъу.

– Тхъэм удих уэ Iейр! Сыт мыбы «Пиэрым и уэд, уэдым и дагъэ», – жыхуиIэр, уэ, тхъэ, лы уимыIэу уцIэлъхуэным, – жери гуащэм, Мэлычыпхъут жыхуиIэр, къыгурымыIуэу къешхыдащ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] –

«– Нана прислала меня попросить: «То, что без жира в жирном <куске>, <И> жир в безжирном <куске>», – сказала Малечипх.

– Пусть Тха тебя заберет, неказистая! Что означает то, «Что без жира в жирном <куске>, <И> жир в безжирном <куске>»? Клянусь Тха, ты без мужа родишь <ребенка>! – не поняла гуаша, о чем говорит Малечипх и обругала ее» (Перевод М.Ф. Бухурова).

Решив отомстить, Малечипх на второй день отправилась к соседке, чтобы якобы передать просьбу ее мужа, находившегося в походе: приготовить крепкий напиток (*махсуму*) без закваски, дрожжей и подсыпки. Когда князь вернулся из похода, гуаша пожаловалась мужу на его странный приказ. Тогда позвали Малечипх. После того, как она все разъяснила, все увидели разумный смысл ее поступка.

Как видим, стиль речи и поведение Малечипх пронизаны парадоксом, который в сказаниях выступает, преимущественно как художественный прием. «Присутствие Малечипх на похоронах Унаджоко являются знаком того, что она оплакивает нареченного мужа на правах законной жены. Таким образом, создатели эпоса подчеркивают право Малечипх как законной жены Унаджоко. В этом заключен художественный смысл наблюдаемого парадокса. С другой стороны, учитывая, что в более раннюю эпоху «считалось абсолютной нормой, если девушка участвовала в оплакивании нареченного жениха», – пишет Ю.Ю. Карпов [Карпов 2001: 301]. Каким бы парадоксальным не казалось подобное поведение Малечипх, в наше время, все же, оно оправдано древностью данного обычая и системой архаических верований. А в другом варианте сказания содержится информация противоположного характера: «Не в обычае у нартов плач девичий, если умер нареченный до женитьбы» [Нарты 1974: 401]. Разумным объяснением подобного противоречия может быть то, что «в разные исторические эпохи принятые некогда откровенные формы выражения горя сменялись на сдержанность, и наоборот» [Хагожеева 2020: 129]. Таким образом, напластование разных исторических эпох в вариантах сказании о Малечипх может привести к парадоксу. Он вызван меняющимися в разные времена нравственными идеями и убеждениями общества и используется в фольклоре как художественный прием.

Образ Малечипх более ярко воплотил в себя период разложения первобытно-общинного строя, когда во главе семьи стоит мужчина, а женщина находится в его тени и является хранительницей семейного очага. По мнению Ш.Х. Хута, «не случайно все сказания об этой красавице посвящены семейно-бытовой тематике» [Хут 2003: 82]. Также она является символом женской верности и любви. В сказаниях Малечипх отвергает всех женихов, в каждом находит изъяны и остается верна своему нареченному мужу. Свидетельство тому, например, сказание «Как маленькая Малечипх шутила с женихами» [Нарты 2002: 394]. Даже самому завидному жениху, который был уверен в том, что в нем она не найдет изъяна, Малечипх не увидела своего суженного. Заметив всадника у ворот, Малечипх сказала: «Къеблагъэ, Iэжъэм ису шым тесъж!» [Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ... 1994: 8] – «Добро пожаловать, всадник в санях и на коне!» (Перевод Л.С. Хагожеевой), указывая на то, что носики его обуви торчат, как концы боковин у саней.

Строптивость дочери огорчала мать Малечипх и внушала тревогу за то, что она может остаться одна. На ее замечания Малечипх отвечала спокойно: «Сэ иджыри сыкъырагъэкIыжса щIыкIэкъым. Лыы и фыз трамыхмэ, сэ лыы сиIэц...» – «Разве жену отнимают у мужа? У меня есть муж. Он со мной не расходился» [Нарты 2002: 394].

Несмотря на упреки родных и преграды в пути, Малечипх отправляется на похороны Унаджоко и оплакивает его на правах законной жены. Так она выдерживает испытание на верность и добивается своего счастья. Таким образом, обряд оплакивания оказывается по своей функции своеобразным предсвадебным испытанием для героини. Поняв, что ее нареченный муж жив, а известие о его гибели ложное, Малечипх остается в доме жениха, сказав: «– Дэнэ сыздэкIуэжыр? Хамэр ирекIуэж, Сэ си унэ сыщIэсыжси, Къэнар сиIиц» [Мэлэчыпхъу и усэхэмрэ...

1994: 25] – «– Куда я пойду? Чужие пусть уходят, Я у себя дома, Тот, кто остался – мой муж» (Перевод Л.С. Хагожиевой).

Специфическая черта идеальной жены в сознании народа заключается в способности жены с полуслова понимать мужа и быть ему верной опорой. Умение говорить иносказательно с мужем и расшифровывать его знаки, заслуживали уважения в глазах мужчин. Вот почему в сказании «*Мэлычпхъу и хъыбар*» – «Хабар о Малечипх» князь, оценив эти качества в Малечипх, развелся с женой и женился на ней, сказав: «*«Пиэрым и уэд, уэдым и дагъэр» къэзымыщар сэ гуацэ схуэ-мыхъун*» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] – «Та, которая не понимает, что означает то, что без жира в жирном <куске>, <и> жир в безжирном <куске> не может быть мне женой» (Перевод М.Ф. Бухурова).

Как свидетельствуют варианты сказаний, эти качества Малечипх раскрывала и в супружеской жизни, и давала повод для восторга своему мужу и окружающим. Когда муж Малечипх прислал ей подарок из похода – два куска ткани на платье, то посланцы отрезали от них часть ткани. Заметив это, Малечипх поручила им передать мужу:

*«Вагъуэ из,
Мазэм итI,
Тхэрыкъуэ пцэхуитIым я нсэ,
КъуауицIэ фIыцIитIым ягу хъумыгъэцIын»*
[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] –

*«От звезды – один,
От месяца – два,
Ради двух белогрудых голубей,
Не омрачай сердца двум черным воронам»*
(Перевод А.И. Алиева).

Бейголы-посланцы не поняли скрытый смысл послания гуаши, и им захотелось узнать его. Тогда князь объяснил, что они отрезали с одного куска ткани один локоть, с другого – два локтя, и гуаша просит «ради белогрудых голубей», то есть, ради гуаши и князя не обижать «черных ворон», то есть бейголов. Узнав скрытый смысл послания гуаши, бейголы были восхищены умом Малечипх.

Талант Малечипх выражаться иносказательно проявляется и в другом эпизоде этого же сказания. После похода к князю приехали гости. Малечипх подавала в кунацкую мясо с бульоном и кусочками теста. Когда для одного гостя не хватало куска мяса, князь послал к ней узнать, в чем дело. Тогда, чтобы никого не обидеть, Малечипх передала мужу скрытое послание:

*«Пиэр лъэныкъуэ ирагъэзри
Вагъуэр зэрыз яцIацI»*
[АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-т. П. 14] –

*«Тучи в сторону отодвинули,
Поделили звездочки»*
(Перевод А.И. Алиевой).

Гостей поразило такое иносказательное послание, и они стали просить князя разъяснить значение слов гуаши. Тогда князь объяснил, что кусочки теста отодвинули и один кусок мяса вынули.

В другом варианте сказания [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7] Малечипх выдержала испытание на сообразительность и умение правильно трактовать иносказательное, тем самым превзошла первую жену своего мужа, которой значения слов свекра были поняты в прямом смысле («приставить к дороге лестницу»

означает скоротать время в пути, развлечь спутника в дороге какими-либо рассказами или приятной беседой; «вывести из чащи трех белохвостых коней» – срезать в чаще три длинные жерди и пр. [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 663-ф / 6, 7]), и доказала, что обладает желанными чертами женщины для успешной супружеской жизни.

Интеллектуальные способности, умение выражаться лаконично и поэтично, способность трактовать значения знаков и иносказаний ценились высоко в адыгском обществе, и это нашло отражение в фольклоре, в частности, в сказках. В сравнительном указателе сюжетов сказок по системе Аарне-Томпсона [Thompson 1961] (далее АТ) это, например, сюжеты АТ 870–879; АТ 920–929 и др., где удача в делах достигается с помощью острого ума и способности говорить метафорично [Сравнительный указатель... 2005].

«Прямой текст поймет любая жена средних умственных способностей. Но только сверхразумная жена иносказательно переведет на «человеческий язык», из обрывков фраз выстроит-достроит в голове целостную картину информации», – пишут Л.Ф. Хараева и З.А. Кучукова [Хараева, Кучукова 2018: 54]. Как указывают ученые, эти качества оцениваются высоко в адыгском фольклоре и историко-культурным обоснованием считают то, что мужчина большую часть жизни отдавал походам и не имел возможности обсудить с женой какие-то срочные вопросы. В таких случаях ему приходилось передавать ей скрытое послание. С учетом данных обстоятельств, авторы монографии полагают, что «успех мужского предпринимательства во многом зависел от смекалки, прозорливости жены, которая была «домашним» партнером своего отлучившегося мужа» [Хараева, Кучукова 2018: 54]. Другую причину авторы также видят в обычае избегания, принятого у всех северокавказских народов. Нормы этого обычая предполагали избегания встреч и разговоров супругов на виду у других. При необходимости мужчина доводил до жены послание знаками, жестами и скрытыми фразами. По их мнению, эти обстоятельства способствовали формированию способности адыгской женщины с полуслов понимать мужа [Хараева, Кучукова 2018: 54].

В данном случае резонно вспомнить существующее мнение о том, что этикет во многом определяет специфику мышления и стереотипы поведения народа. Как отмечает В.Г. Афанасьев: «Этикет выступает в роли системообразующего, системосохраняющего органа культуры общения, органа управления, если хотите» [Афанасьев 1980: 36]. Исходя из таких теорий, Б.Х. Бгажноков считает, что «этикет это образец, идеал коммуникативного поведения, а культура общения – его реальность» [Бгажноков 2011: 133]. Таким образом, сформировавшиеся в адыгском народе институты и моральные принципы диктуют правила и стандарты коммуникативного поведения и общения.

Также следует иметь в виду, что «этническая специфика общения неотделима от этнических способностей психики» [Бгажноков 2011: 153]. По мнению Б.Х. Бгажнокова, у всех народов в течение жизни вырабатывается специфическая культура общения, которая и является социальной и психологической характеристикой всего этноса [Бгажноков 2011: 154] «Может быть нигде так ярко не сказывается психология народа, как в его отношении к им же «созданным» духовным ценностям», – в подтверждение сказанному пишет Г. Шпет [Шпет 1927: 108]. Так, говоря о психологии адыгского народа, следует говорить о движущей силе чувства стыда, скромности, сдержанности, вежливости и т.д. Думаем, что именно эти принципы, специфичные для данного этноса, привели к потребности выражать мысли в скрытой, иносказательной форме, что впоследствии стало показателем высокого интеллектуального и морального воспитания человека в адыгском традиционном обществе. И если проследить психологическую динамику традиционного поведения, можно заключить, что эти этнокультурные правила общения и поведения практиковались на протяжении всей жизни традиционного адыгского

общества, независимо от социального статуса и возраста человека. Также нужно вспомнить, что «у адыгов, еще в конце XVIII века функционировал особый язык князей и дворян» [Бгажноков 2011: 140]. Но не будем забывать, что здесь мы говорим о языке метафор и афоризмов, которые надо расшифровать. В этом плане показателен институт знакомства и созданный для таких целей *девичья комната*. Как известно, она отводилась девушкам брачного возраста для визитов потенциальных женихов. Основная функция девичьих комнат – возможность хозяйки комнаты и собравшейся молодежи найти себе достойного спутника жизни. Соглашаясь с мнением многих исследователей, Л.А. Гутова пишет, что в этих посиделках не было ничего предосудительного. «Напротив, эти комнаты становились местом испытания ума, сообразительности, благородства молодых людей» [Гутова 2010: 59]. Здесь молодежь общалась иносказательно, афоризмами, загадками, с помощью символов и знаков. Таким образом, эти встречи проходили в виде поэтических соревнований. По свидетельству Б.Х. Бгажнокова, на «соревнование в острословии» к девушке приходили не только женихи, но и ее друзья и даже старики, независимо от того сосватана девушка или нет [Бгажноков 2011: 319]. То есть, эти визиты имели дополнительную функцию – развитие нравственного и интеллектуального воспитания молодежи. Очевидно, что этническая психология направлена на сохранение указанных ценностей и во многом определяет суть этнокультурных стереотипов поведения и стандартов общения в адыгском традиционном обществе.

В силу этого Малечипх, как типичный персонаж сказаний завершающего этапа продуктивной стадии героического эпоса, стала носителем названных эстетических качеств. При этом в произведениях об этой героине налицо доминирующее положение мотивов, возникших на базе этих ценностей. И, как показывает анализ материала, они, в сочетании с архаическими элементами, служат своего рода строительным материалом для формирования всего цикла и определяют оригинальность образа самой Малечипх и других героев.

Источники и литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с. (Цит. по кн.: Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 133).
3. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 512 с.
4. Гутов А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
5. Гутова Л.А. Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 212 с.
6. Дзагаитов А.М. Традиция и новаторство смеховой культуры в кабардинской прозе: Дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2017. 196 с.
7. Картов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001. 416 с.
8. Мэлэчпхъу и усэхэмрэ и хьыбархэмрэ / зыгъэхь. КъардэнгъушӀ Зырамыку. Нальчик: Эльбрус, 1994. Н. 32. (Мелечипх: стихи и сказания / подг. З. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 32 с.).
9. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.
10. Нарты. Кабардинский эпос / сост. Х.У. Эльбердов [и др.]. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 526 с.
11. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне-Томпсона / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // Адыгэ таурыхьхэр. ТомIгу. 1 том: Новеллэ таурыхьхэр / зэхэз., хэзыгъ., коммент., сюжетгъэлы.

зытхар Тхьэмокьуэ (Брай) Женэщ. Налшык: Эль-Фа, 2005. Н. 774–821. (Адыгские сказки. В 2-х томах. Т. 1: Новеллистические сказки / сост., вступ. ст., коммент., указ. сюжетов Ж.Г. Тхамокова (Брасва). Налчык: Эль-Фа, 2005. С. 774–821).

12. *ФАИГИКБНЦРАН* – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

13. *Хагожеева Л.С.* Архаические мотивы в цикле Малечипх // Вестник КБИГИ. 2020. № 2 (45). С. 124–132. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-124-132.

14. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Налчык: Принт Центр, 2018. 192 с. URL: <https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/05/kuchukova-z.a.-haraeva-l.f.-gender-i-jetnogender-na-materiale-kabardinskoj-zhenskoj-prozy.-nalchik.-izdatelskaja-tipografija-print-centr-2018.-192-s.-pdf> (дата обращения: 04.11.2020).

15. *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.

16. *Шортанов А.Т.* Героический эпос адыгов «Нарты» // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 188–225.

17. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. Вып. 1. М.: Гос. акад. худ. наук, 1927. 147 с. (Цит. по кн.: *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Налчык: Эльбрус, 2011. С. 154).

18. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

LATE-TYPE MOTIVES IN STORIES ABOUT MALECHIPKH

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Sector of the Adyghe Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavovna, Candidate of Philology, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article establishes the functions and nature of the objectification of late-type motives and their interaction with archaic elements of the narrative in the cycle of legends about the little Malechipkh, the central character of the legends of the final stage of the productive stage of the Nart epic. The sources, functions and role of different stages in the creation of a single integral image of the named heroine are investigated. The main attention is paid to the system of spiritual values associated with the ideal of family idyll, feminine fidelity, wisdom and the ability to express themselves allegorically and concisely, which is perceived as evidence of a sharp mind. It is noted that the main character of the cycle under consideration is the bearer of the aesthetic merits and ethical principles of the traditional early feudal Adyghe society. This allows us to refer the legends about the girl Malechipkh to the final stage of the formation of the Nart epic. As a result of the study, it was revealed that when creating this image, both archaic and late motives were involved. In the literary text of the legends, they form an organically unified combination, which is characteristic of all legends included in this cycle. This determines the main feature of the entire cycle, as well as the originality of the image of Malechipkh herself and other characters.

Keywords: Adyghe Nart epic, Malechipkh, legend, image, plot, motives of the late type.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-105-114

ОБ ИСТОКАХ ГЕРОИКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА (Поэтика и стиль)

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Возникновение и становление историко-героического эпоса в традиционной фольклорной системе обусловлено эволюцией словесного художественного творчества, и этим объясняется проявление в его ранней стадии не только очевидных новаций, но и признаков его преемственной связи с предыдущими установившимися жанрами, а также с доминирующей мировоззренческой системой. На примере анализа произведений, относящихся к ранней стадии формирования данного жанра в адыгском фольклоре, в статье устанавливаются некоторые закономерности названного процесса. Обращается внимание на характер межжанровых связей и на те новые функциональные особенности формального и художественного характера, которые, с одной стороны, призваны свидетельствовать о естественной эволюции поэтического творчества как единого и многообразного явления народной культуры, а с другой – о творческом отрицании предыдущих феноменов и продвижении в сторону дальнейшего развития искусства как такового. Наиболее выразительно это отмечается в области художественного стиля и поэтики, чем в значительной мере определяются родовые признаки жанра. В научный оборот водятся новые фактические материалы и предлагается новое научно обоснованное решение проблемы взаимодействия между разными жанрами и общесловесного континуума как явления.

Ключевые слова: мифология, архаический эпос, младший эпос, нарратив, поэтика, стиль.

В фольклористике известно много прецедентов, когда носитель устнопоэтической традиции может порою обходиться без строгого деления хранимой им в памяти эстетической информации на жанры и их разновидности. Во многих случаях он и не ощущает большой необходимости в этом, так как для него главнее не жанровые дефиниции, а знание и исполнение самих произведений. Иными словами, в сущности, всякий эпический певец является носителем фольклорного знания, и это значительно шире, чем узкожанровая специализация. Это одна из причин того, почему границы между жанрами остаются иногда весьма зыбкими и даже условными, что бывает свойственно не только сознанию конкретного лица, но характерно для фольклорной традиции в целом. Это с очевидностью проявляется в случаях, когда в основе произведений типологически различных жанров обнаруживается один общий исток. Так, например, известно, что героический эпос архаического типа и волшебная богатырская сказка часто черпают свои ключевые мотивы, сюжеты и образы персонажей из одного источника, мифологии. В этом кроется одна из причин известных параллелей в области типологии сюжетов и героев. Данное обстоятельство, на которое порою не обращается должного внимания, не только указывает на генетическую общность, но и обеспечивает вероятность межжанровых связей и даже создает некий образ-сюжетный континуум, что мы отмечали ранее [Гутов 2008]. Конкретно это проявляется в том, что

сходство определенного числа мотивов, сюжетов, типов персонажей и поэтических формул прослеживается в разностадиальных и различных по жанрам произведениях. Поскольку параллели на уровне мотивов, сюжетов и героев обстоятельно исследованы в трудах целого ряда ученых, считаем возможным сконцентрировать внимание на менее освещенных, но при этом важных проблемах – особенностях и вероятных сближениях в области поэтического стиля. В данной связи будет любопытно рассмотреть самые ранние произведения, относимые по формальным признакам к жанру историко-героического эпоса и при этом характеризующиеся такой степенью древности, что традиционно их образно именуют «дзэ зыгумысыж уэрэд» – «песня с выпавшими зубами».

Одна из таких песен под названием «Щихънагъ» дошла до нас в варианте, зафиксированном около двухсот лет назад Ш.Б. Ногмовым, в записях и публикациях позднейших собирателей она ни разу не отмечена. Перевод ее на русский был впервые опубликован в «Истории адыгейского народа» [Ногмов 1861: 44], но оригинал увидел свет только более чем через сотню лет. Только в 50-е годы XX в. проф. Г.Ф. Турчанинов исследовал сохранившиеся в архивах материалы Ш.Б. Ногмова и опубликовал в своей научной реконструкции его разрозненные труды, составив два тома. Туда вошли «Кабардино-русский словарь», «Начальные правила кабардинской грамматики», авторское стихотворное приветствие «Хох. (Здравица) в честь русской науки и академика А.М. Шёгрена», а также фольклорные записи, в их числе текст упомянутой песни «Щихънагъ» на языке оригинала [Ногма 1956–1959]. Русский ученый бережно произвел транслитерацию и выполнил собственный перевод, который отличается от ногмовского тем, что в реконструируемом тексте исходное значение каждого слова подписано под ним в отдельной строке (подстрочный перевод в буквальном значении этого выражения). Следом дан более свободный вариант текста на русском языке уже как связный текст, причем с сохранением разбивки на поэтические стихи. По сути, это структурно-аналитический перевод, в котором по понятным причинам не могли быть соблюдены принципы эквиритмичности и не сохранены эвфонические особенности стиха. Зато по возможности точно передана образно-выразительная структура оригинала, что не менее важно. В анализе наванной песни мы опираемся на указанное издание, но при этом позволяем себе некоторые отклонения и от транслитерации текста оригинала, и текста турчаниновского перевода. При полном уважении к огромной работе, проделанной ученым, наша «вольность» мотивируется тем, что со времени выхода в свет двух упомянутых томов практика текстологии и перевода фольклора получила свое развитие, что требует учета в работе современного исследователя. Помимо того, наши опыты в данном направлении не обошлись без участия самого Г.Ф. Турчанинова. Так, совместно с ним мы подготовили и выпустили в свет сборник фольклорных материалов, в работе над которым были усовершенствованы и некоторые принципы текстологии и аналитического перевода произведений адыгского фольклора [Из адыгского эпоса 1987]. Это использовано нами здесь как надежный ориентир применительно к нижеприводимому материалу. Поскольку упомянутое издание материалов Ш.Б. Ногмова вполне доступно читателю, мы не приводим их в настоящей работе, но предлагаем ниже нашу транслитерацию вместе с переводом на русский, выполненным нами с использованием толкований, которые дал в свое время Г.Ф. Турчанинов.

ЩИХЪНАГЪ

Уэ щихънагъыри ди кьан,
Щихънагъыри ди нэху,
Тхьэ<р> зи кьаныр мэхасэ,
И хасапэри Луэщхьэцэц...
Ар, Луэщхьэцэ цыгумэ

О шихнаг, наш кан,
Шихнаг – наш свет,
Богу поклоняющийся хасу устраивает,
Место его хасы – Ошхаца.
Ар, на вершине Ошхацы

Къухур унэгүэ шиухуэщ, ...
Дыжьыныр бжаблэгүэ циггъэжщ,
ТхьэИхухдхэр щохасэри,
Абы Ч'эсыр жьэк'эхушц,

Бгъэшхуэ хуэдэгүэ мэлъатэри
Б[П]шэми хэтгүэ мэхо[уа]рзэ,
Бзагъэ зыч'эхэр ельагъу.
Зи дзажэ<р> пылыпкыгүэ
Уэркъхэмэ я дышцэ жор.
Хигие гугумэ жор шыхуопсэ,
Маисэшхуэр зи гятэ,
Гятэ к'ыхьк'э мэдальэ,
Гятэ к'эч'к'и мэзаоф,
Зауэр гегук'э зэхешэр,
Зи щэк'уэк'эр<и> гуих.
Тхьэхэ<м> я щихьнагъ,
Ергебигуэ шу закъуэ.
[Ногма 1956: 44–45]

Из белой кости дом он возводит,
Серебро косяком двери ставит,
Тхухуды там собираются,
Сидящий [обитающий] там –
белобородый,
Орлу большому подобно он взлетает,
В облаках паря, кружит,
Тех, кто зло творит, замечает.
У кого ребра – слоновая кость,
<Кто> для уорков – золотой крест,
На поверхности Хигия крест сияет,
Тот, чей меч – мощная маиса,
Длинным мечом грозитя,
И коротким мечом умеет сражаться,
Сражение словно игру затекает,
Кого полет стрелы страшен
Божий ты шихнаг,
Эрегебовский всадник одинокий.

Шихьнагъ (шихнаг) – по версии Ш.Б. Ногмова, *епископ* или *святой человек*.

Къан (кан) – слово употребительно в нескольких значениях: *воспитанник*, *предмет особого внимания*, *объект поклонения* и пр.

Богу поклоняющийся – данным сочетанием мы переводим формулу «Тхьэр зи къан» (букв. – «Бог кому каном приходится»), исходя из того, что наиболее вероятное значение полисемантического слова «кан» здесь будет «предмет поклонения».

Иуащхьэцэ (Ошхаца) – топоним, курган на территории совр. с. Урвань КБР. Археолог П.Г. Акритас, первым описавший его, сообщил, что согласно преданию, во времена, когда адыги исповедовали христианство, на этом месте стояла церковь. Но когда пришел ислам, «старший шоген» или «епископ», как его называет автор статьи, попросил бывшую свою паству засыпать церковь землей; так и возник огромный курган [Акритас 1947: 310–311].

Къуху – (архаизм) – кость, белая кость.

ТхьэИхухдхэр (тхухуды) – мифические красавицы, райские гурии, ангелицы.

Хигие гугухэр (На поверхности Хигие) – подлинное значение сочетания слов установить не удалось, перевод условный.

Маисэ, маисэшхуэ (маиса, большая маиса / маисовская шашка) – сталь с особыми свойствами, шашка из стали маиса.

Уорки – дворяне, люди аристократического происхождения.

Эрегебовский – оружие, изготовленное легендарным мастером Эреджибом; здесь – воин обладающий оружием, изготовленным этим мастером.

Как отмечено, произведение известно в единственной записи. Сюжет контаминированный, его ядро образовано двумя разными мотивами. Это – религиозный, близкий к ритуальному песнопению, и секулярный, героико-эпический. Фрагменты единого текста тяготеют к одному из этих двух центров как сюжетообразующему, в то же время сам по себе текст не содержит последовательного изложения действий. Мозаичная композиция, один из атрибутивных признаков подавляющего большинства адыгских историко-героических песен, очевидна здесь в полной мере. Сакральный мотив обозначен названием (*шихьнагъ* – согласно толкованию собирателя – *епископ* или *святой человек*). В тексте тема сакральности развивается упоминанием креста (*жор*), библейско-мифических красавиц (*тхьэИхухдхэр*), полета, в котором объект воспевания, подобно самому богу, обзрывает округу из поднебесья и замечает тех, кто «творит зло». Предпоследний стих (*Божий ты шихнаг*) возвращает внимание к сакральной функции героя.

Наряду с этим примечательно, что в качестве зачина (первые два стиха текста) использована формула, устойчиво представленная в множестве вариантов сказания

архаического нартского эпоса, явления, базирующегося на мифологии, но не имеющего прямого отношения к религии. Эта формула является устойчивой в множестве записей героико-эпического сказания о нарте Сосруко: *Сосырыкъузу си къан, / Сосырыкъузу си нэху... – Сосруко мой кан, / Сосруко мой свет...* По времени фиксации ногмовский текст песни «Щихънагъ» самый ранний относительно текстов известных вариантов сказания о Сосруко, однако устойчивость с которой формула представлена в архаическом эпосе, дает основание считать, что она сложилась в эпическом контексте и в песню «мигрировала» оттуда, но не наоборот. В обоих случаях он оказался вполне уместным, хотя в контексте эпического сказания и песни опорные предикаты «кан» и «свет» различаются оттенками значения.

Так, в сказании о Сосруко формула вложена в уста Сатаней-гуаши, воспитавшей героя и замещающей мать. Отсюда «кан» резонно толковать в данном контексте как «воспитанник». А «свет» – как языческий символ добра, чистоты, солнца, коррелирует с ампула героя. В контексте же песни, посвященной христианскому священнику, определения «кан», «свет» надо понимать как поэтические определения объекта сакрального почитания. Такие стилевые парадигмы не только не стали препятствием к переходу формулы из архаического эпоса в песню позднего происхождения, но даже обозначили единство традиции, общей для двух разных жанров.

Тема героики усиливается упоминанием оружия – меча и лука со стрелами, что никак не вяжется с традиционным представлением о слугителе культа, на что впервые обратил внимание А.Т. Шортанов [Шортэн 1963: 20]. Судя по контексту, очевидно, что под воинской атрибутикой имеется в виду явно не «божий карающий меч». Также и сам герой не воитель за веру, а рыцарь-наездник, ищущий подвигов и земной славы, что десакрализует теософский поэтический текст. Поэтому на первом плане не христианская доктрина с идеей смирения или стойкости в вере, а исключительно воинская: указывается и на внешнюю угрозу, и на суровый воинственный облик самого героя, и на умелое владение разными видами оружия – мечом и луком со стрелами. Судя по всему, песня могла быть приурочена изначально к величальному ритуалу смешанного языческо-христианского характера. Но вследствие ослабления религиозного влияния произошла функциональная трансформация. Секуляризация закрепилась формулой «*Сражение словно игру затевает*» (она устойчива в песнях историко-героического величального характера) и упоминанием имени оружейного мастера – *Эреджиб (Эрегеб)*, изделия которого упоминаются в историко-героических песнях как аксессуары идеально-го воина.

Достойна также внимания структурная организация текста: сюжет ослабленный, композиция мозаичная, оценочные характеристики замещают повествование. Употребительны и типичные для историко-героических песен величальные эпитеты. Все это дает основание считать, что если песня и могла изначально быть сугубо религиозной по содержанию и практическому назначению, она в процессе бытования секуляризовалась и переподчинилась поэтике историко-героической песни, что и позволяет поместить данный текст в ряду песен и сказаний историко-героического эпоса.

В «Истории...» Ш.Б. Ногмова и в его рукописях слову *щихънагъ* дано толкование «епископ». В комментарии к тексту ученый допускает и другое вероятное значение – «святой владыка» [Ногма 1956: 46]. Известно, насколько скрупулезными относительно определения значений отдельных слов, интерпретации фактов и изложения исторических событий были и сам просветитель, и проф. Г.Ф. Турчанинов, один из его самых глубоких исследователей. Несмотря на это, считаем уместным изложить некоторые свои суждения. В частности, в современном кабардино-черкесском языке слово *щихънагъ* не употребительно ни в речи, ни в письменных источниках, хотя оно отмечено в толковом «Словаре кабардино-черкесского языка»

со значением «епископ» [Словарь... 1999: 774], по всей видимости, под влиянием ногмовских записей. Помимо названных источников оно нигде не упоминается. Как отмечает Г.Ф. Турчанинов, слово состоит из двух корней: *щихь-* и *-нагъ*. Первый компонент в живом современном языке обозначает «святой». В арабском языке слово «шейх» обозначает социальный статус. Но если адыгское «щикъ» заимствовано из арабского или персидского, что вполне вероятно, все же на новой почве за ним закрепилось несколько иное значение. Этим словом именуют всех религиозных отшельников или проповедников, в том числе монахов, ведущих мирный обособленный образ жизни, или же людей смиренных, тихих, исповедующих неприменение насилия. Учитывая, что духовный сан епископа весьма высок в церковной иерархии, можно усомниться, что один из его носителей мог обитать не в приметном административно-территориальном образовании наподобие греческой колонии, а в стороне от густонаселенных областей, уединившись в накурганном строении. Для обитателя подобного сооружения более всего подходит не пасторская функция, весьма высокая по сану ее носителя, а отшельническая, пустынножизненная, притягивающая к себе людей смирением, сакральными знаниями, проповедничеством. Есть основания сомневаться, что речь идет о лице столь высокого ранга в церковной иерархии. Уместно в связи с этим заметить, что в тексте «Истории...» Ш.Б. Ногмова слово дано в редакции – «шехник», что предположительно позволяет прочтение «щикъныкъуэ» (буквально *полу-шейх*) в значении *наместник шейха, его приближенный, подручный* или просто *монах, отшельник*.

Относительно второго компонента, корня *-нагъ*, мы можем отметить лишь то, что как основа слова он в современном языке не функционирует. Г.Ф. Турчанинов со ссылкой на Л.Г. Лопатинского склоняется к тому, что это может быть корень слова со значением «владыка», «властвующий» [Ногма 1956: 47]. Именно такое толкование дано у Л.Г. Лопатинского: «Владычество – нагъ» [Лопатинский 1891: 17]. Ни в одном ином источнике оно не отмечено, не функционирует оно с таким значением и в живой кабардинской речи. Однако не верить авторитетным исследователям у нас нет оснований. Другое дело, что в конкретном случае формант «-нагъ» может иметь иную функцию. Так, весьма заманчиво увидеть в нем значение «ясноглазый» или «златоглазый» – в современном языке «*нагъуэ*». Если принять эту версию, то значение всего слова можно толковать как «шейх / праведник ясноглазый». Такое прочтение расставляет на свои места и значение данного слова, и номенклатуру самого объекта – *служитель культа ясноглазый*. Понятно, это определение выступает как величальный эпитет, вполне соответствующий выделяемому объекту, но мы не смеем настаивать на этом толковании, так как морфологическая структура лексемы не вполне соответствует нормам современного языка, хотя в плане ретроспективном подобная форма могла быть и допустима. Поэтому вопрос об этимологии слова, которое сам Ш.Б. Ногмов приводит в двух редакциях, мы предпочитаем оставить открытым. Однако это обращает внимание на другое важное обстоятельство: в приведенном тексте есть и другие слова и сочетания, которые с трудом поддаются убедительному толкованию, а порою и вовсе не поддаются ему (*щикънагъ* / *шехник*, *къуху*, *Хигие*, *гугу*, *Ерэгъэб*). Вместе с явными архаизмами или архаическими словоформами (напр., аффикс *-гуэ* вместо *-уэ* в современном языке) они образуют довольно внушительное число лексических единиц и словосочетаний, представляющих «темные места», типичные для стилистики песен историко-героического жанра. В устном бытовании у некоторых слов, исходное значение оказывается утраченным. В вариантах они тяготеют или к трансформации – в меру рационального толкования, или же к консервации формы, делающей слово одним из «темных мест» текста.

Изложенное дает основание полагать, что рассматриваемая песня относится к разряду самых ранних произведений нового типа, возникших на стыке

архаического эпоса, языческо-раннехристианских гимнических песен и нарождающегося эпического жанра, именуемого историко-героическим.

К данной группе произведений правомерно отнести также «Песню могучих нартвов», «Сетования Бору Могучего», «Песню о Тлежрикопше», «Пшарихижаца» и некоторые другие. Первым трем из перечисленных мы уделили внимание в предыдущих своих работах [Гутов 1993: 19–22; Гутов 2000: 33–54], поэтому здесь позволим себе ограничиться краткой характеристикой интересующих нас особенностей. Таковы, например, их выраженные тематические связи с архаическим эпосом и мифологическими представлениями, а с другой стороны – такие стилевые атрибуты младшего эпоса как мозаичность композиции, суггестивный характер поэтического языка, характерное для младшего эпоса более интенсивное насыщение текста поэтическими стилевыми приемами. Так, первая из названных песен считается не чем иным, как «осколком» нартского сказания, признаки чего обнаруживаются в самом тексте. В содержании двух других налицо мифологические мотивы. Между тем они примечательны теми же стилевыми особенностями историко-героического эпоса.

Менее освещенной остается до настоящего времени песня «Пшарихижаца», относимая по доминирующей теме к разряду охотничьих, но характером исполнения и стилевыми особенностями поэтического языка явно тяготеющая к циклам младшего героического эпоса [Адыгэ Гуэрыуатэ 1963: 38–39]. По тематике и некоторым предметным ориентирам песня, а вернее, цикл из песни и сказания, действительно имеет прямое отношение к охоте. Центральная фигура – это князь-охотник, а в содержании песни налицо такие атрибуты как воспевание охотничьей удачливости и снаряжения князя, а также в прозаической части – описание сцены выезда на охоту и самой охоты. Однако если обратиться к формальным особенностям, прежде всего достойна внимания типичная для героико-исторической традиции организация цикла из песни и сопровождающего ее прозаического повествования, причем содержание первого компонента не будет ясно без второго. Песенный текст мозаичен и не представляет развернутого сюжета. Сказание же призвано воссоздать полную картину события, фрагменты которого лишь упоминаются в поэтическом тексте.

Событийная основа цикла заключается в том, что некий жестокий князь имел обыкновение брать с собой на охоту в роли подручного одного из своих подданных, но ни один из них впоследствии не возвращался вместе с ним домой. Дело было в том, что по прибытии на место охоты князь намеренно укладывался, будто бы подремать, и поручал своему спутнику разбудить его, если на поляне появится дичь. Но когда тот окликал его голосом или же пытался растолкать, жестокий князь в гневе убивал его, якобы за бестактность. Никто не смел спросить у князя, куда он девал своего спутника, и также никто не смел отказаться от его приглашения отправиться с ним на охоту. Так продолжалось до тех пор, пока очередь не дошла до одного молодого человека. По одним версиям, это был молодой человек, и его невеста, узнав, в чем дело, уговорила его, чтобы он дал ей свою мужскую одежду и отпустил ее вместо себя, пообещав, что она непременно вернется назад, причем, не запятнав себя ничем предосудительным. По другой версии, сопровождать князя вызвался некий лукавый плешивец. Когда охотники прибыли на нужное место, князь заявил спутнику, что он хочет подремать, но если на поляну выйдет какая дичь, пусть тот его окликнет. Случилось, что с одного конца широкой поляны вышел олень, с другого – вепрь, а вдали появился наездник, везущий на луке седла прекрасную пленницу. Видимо, он в пути утомился и задремал, пользуясь этим, пленница соскользнула с коня и спряталась в кустарнике среди поляны. Спутник / спутница князя вместо того, чтобы разбудить его толчком или громким голосом, затягивает величальную песню, в которой воспевает достоинства князя, заодно описывает картину происходящего. Князь пробуждается, подстреливает оленя и вепря, затем пленяет беглянку и, довольный, возвращается домой.

Цикл из сказания и песни интересен тем, что история частного характера, т.е. история конкретного человека, органически переплетена со стилистикой ситуативно мотивированной охотничьей песни, функционально обращенной к языческому покровителю, почитаемому всем обществом. Адресность охотничьей песни определяет обилие величальных эпитетов, метафор, сравнений, атрибутику наезднического лексикона, торжественность мелодии протяжной песни. Это свидетельствует о глубоких стадияльных корнях рассматриваемого произведения. Наряду с этим важно и то, что, вопреки обыкновению, князь не убивает спутника. Более того, он вполне удовлетворен тем, каким образом он был разбужен, и отныне ему незачем убивать своих спутников. Причина этого в скрытом намерении князя – чтобы о нем была сложена хвалебно-величальная песня. Для человека рыцарско-средневекового сознания слава способна заменить бессмертие. Тем самым мифологический архетип обретает новое смысловое наполнение, чем и входит в атрибутику младшего эпоса. Это обеспечивает межжанровый континуум сюжетной структуре, возникшей на ранней формационной стадии и впоследствии с эволюцией и формаций и художественного сознания успешно адаптировавшейся к обстоятельствам.

Способность сложившейся структуры к подобной адаптации обеспечивает не просто механическое сохранение конкретных мотивов, но и преемственность этнокультурной традиции. С эволюцией художественного сознания, естественно, рождаются новые мотивы и сюжеты, но наряду с ними сохраняются и те, которые вошли в культурный фонд гораздо раньше и со временем не утратили своего энергетического потенциала. В них могут изменяться функции, отдельные формальные особенности, но не сама основа структуры. Так, в результате секуляризации песня ритуально-обрядового назначения может обрести формальные признаки героической и благодаря этому окончательно утратить свою исходную функцию. «Шихнаг» – пример произведения, которое еще не полностью переформатировалось. Он еще не обрел типичной для младшего эпоса двучастности цикла (песня плюс прозаическое сказание), налицо также прямое заимствование формулы из старшего эпоса. Но в нем уже нет развернутого сюжета, для него характерна мозаичная композиция, текст предельно насыщен образными выражениями.

Мелодия песни до нас не дошла, но все признаки стиля указывают на то, что она должна представлять нечто среднее между речитативом старшего эпоса и протяжностью исполнения младшего. Такая манера имеет место в ряде песен ранней стадии историко-героического эпоса: центральный мотив или группа мотивов подчинены структуре мифологического архетипа, композиционно остается тяготение к нарративу, не всегда налицо сопровождающее предание или же оно явно мифологично. Вместе с тем композиция песенного текста мозаична и складывается из отдельных фрагментов описания и эмоционально-оценочной поэтической реакции на событие, усиливающей суггестивный компонент в плане выражения. Таким образом, на фоне исчерпывающей свой продуктивный потенциал поэтики старшего эпоса прорастают стиль и поэтическая система более компактного, составленного из повествования о конкретном событии, и эмоциональной поэтической реакции на это событие. Своего рода строительным материалом при этом способны послужить не только реальные лица и события, что само по себе является новацией, но и структурно-содержательные компоненты мифологических нарративов или старшего эпоса. Отсюда прозрачные параллели нарождающегося жанра с эпосом раннего типа, волшебной и богатырской сказкой, а также аккумуляция жанров афористического характера.

Источники и литература

1. *Гутов А.М.* Континуум в народном эпосе. Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ. Теория, история, проблемы современного развития. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 397–406.
2. < *Ногмов Ш.Б.* > История адыгейского народа, составленная Шора-Бекмурзин Ногмовым по преданиям кабардинцев. Тифлис: В типографии Главного Управления Наместника Кавказского, 1861. 181 с.
3. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Т. 1. Кабардинское книжное издательство. 1956. Т. 2. 1959. 308 с
4. Из адыгского народного эпоса. Материалы архива Н.А. Цагова. Составление и комментарии А.М. Гутова и Г.Ф. Турчанинова. Нальчик: Эльбрус, 1987. 108 с.
5. *Акритас П.Г.* Археологическая разведка в Кабарде в 1946 году. Ученые записки <Кабардинского научно-исследовательского института>. Т. II. Нальчик, 1947. С. 301–318.
6. *Шортэн Аскэрбий.* Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапэ. 1963. Н. 3–34 (Аскэрби Шортанов. Адыгский фольклор. – Адыгский фольклор. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. 1963. С. 3–34. На кабардино-черкесском языке).
7. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 853 с.
8. *Лопатинский Л.Г.* Краткая кабардинская грамматика. <Часть третья> – Русско-кабардинский словарь с указателем. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск XII. Тифлис: 1891. 618 с. Отдел II. 117 с.
9. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 207 с.
10. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-фа, 2000. 219 с.
11. Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапэ. 1963. Н. 340 (Адыгский фольклор. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 340 с. На кабард.-черк. языке).

ABOUT THE ORIGINS OF THE HISTORICAL AND HEROIC GENRE (Poetics and style)

Adam Mukhamedovich Gutov, Doctor of Philology, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The emergence and formation of the historical and heroic epic in the traditional folklore system is due to the evolution of verbal artistic creativity, and this explains the manifestation in its early stage of not only obvious innovations, but also signs of its continuity with the previous established genres, as well as with the dominant worldview system. On the example of the analysis of works related to the early stage of the formation of this genre in Adyghe folklore, the article establishes some regularities of this process. Attention is drawn to the nature of inter-genre relations and to the new functional features of the formal and artistic nature, which, on the one hand, are intended to indicate the natural evolution of poetic creativity as a single and diverse phenomenon of folk culture, and on the other – the creative negation of previous phenomena and progress towards the further development of art as such. This is most pronounced in the field of artistic style and poetics, which largely determines the generic characteristics of the genre. New factual materials are brought into scientific circulation and a new scientifically based solution to the problem of interaction between different genres and the General folklore continuum as a phenomenon is proposed.

Keywords: mythology, archaic epic, Junior epic, narrative, poetics, style.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-115-122

ТЕМАТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru.

Статья посвящена исследованию идейно-тематического многообразия пословиц и поговорок в одном из жанров карачаево-балкарского фольклора. В частности рассматривается их использование в народных сказках о животных. В текстах устного народного творчества эти выражения несут определенную художественную и функциональную нагрузку, в зависимости от того, в какой части произведения они используются.

В живом бытовании афористические выражения более активно употребляются в речи представителей старшего поколения. Эти малые формы народного поэтического творчества, являются связующим звеном между историческим опытом народа и его настоящим, отражая быт, культуру и традиции. Эти изречения активно употребляются и в повседневной речевой практике карачаевцев и балкарцев, придают языку носителей афористичность.

В настоящей статье мы, обращаясь к фразеологическим особенностям текстов устного народного творчества и проанализировав объёмный материал из архива ИГИ КБНЦ РАН, пришли к выводу, что пословицы и поговорки «нарт сёз» («слово нарта») перешли из более древних фольклорных жанров в народные сказки о животных. Создавая народом и передаваясь из поколения в поколение сказителями, они сохранили в себе традиции и национальный колорит носителя.

Ключевые слова: сказки о животных, пословицы, паремии, афористические выражения, традиции, память народа.

Мы с детства слышим, что ум – главное богатство человека. Для того чтобы воспитать поколение умных людей, существует много способов, методов воздействия, но одно из важнейших – это память народа, прекрасно сохранившаяся в устном народном творчестве. Суть и специфика традиций такова, что народная мудрость ни от чего не зависит, она жива во все времена: с годами обогащается и набирается опыта. Ни жизненные ситуации, ни исторические эпохи, ни социальное положение не могут повлиять на создание афористических выражений, в которых отражается жизнь человека. Эти выражения могут советовать и поучать. В народе их называют пословицами и поговорками. Они активно употребляются в повседневной речи старшего поколения людей (пословицы, поговорки), являются естественным процессом, широко используются в текстах устного народного творчества, представляя богатство его языка, при этом имеют свою определенную специфику.

Тема изучения пословиц и поговорок затронута во многих работах карачаево-балкарских исследователей (Малкондуева Х.Х. 1996; Джуртубаева М.Ч., 2009; Ёзден Адет, 2005; КБФВДЗИП, 1983; Кудаева М.Ч. 2009; Берберова Б.А. 2020, Ахматовой М.А. 2018 и др.). В переводе с карачаево-балкарского языка «пословица» – «нарт сёз» (карач.-балк.) означает «слово нарта». Как говорят в народе: «Нарт сёзде ётюрюк жокъ» – «В слове нарта нет лжи». Эти афористические

выражения являются неотъемлемой частью культуры исследуемого этноса. Так как «в героическом эпосе жители нартских сел считали себя народом с чистой кровью, поскольку были сотворены Тейри по его образу и подобию» [Ахматова 2018: 169], высказанные ими мудрые выражения до сих пор называются «нарт сёзле» – «слова нартов».

В карачаево-балкарском эпосе бытуют такие устойчивые формулы, которые в иносказательной форме определяют преклонные годы, старость людей, но при этом показывают их значимость:

Къарт болса да – нартды.

«Хоть и стал стариком – но нарт»

Ма олтурадыла къартла,

Ташны сыгып, суун чыгъаргъан нартла (Нарты 1994: 72)

«Вот сидят старики, из камня добывающие воду».

Пословицы и поговорки выполняют эмоциональную функцию, передавая различные чувства, напутственные советы, отправляющемуся в поход герою, которые служат завязкой отдельных эпизодов эпоса и выполняют специфические свои функции. Тема борьбы с врагом, суровость горского быта выразилась в таких изречениях. Например, в песне про «Дебета», нартский кузнец этими словами вручает клинки нартам:

Къылыч болсун нартлагъа саугъугъа,

Элия болсун жаулагъа (Нарты 1994: 144)

«Пусть этот меч будет подарком для нартов,

А для врагов пусть будет ударом молнии».

Этим высказыванием выражается основная мысль произведения.

Следовательно, пословицы и поговорки, получив свое начало в нартских сказаниях, нашли продолжение и в других жанрах устного народного творчества.

Богатым источником пополнения афористического фонда языка является народная сказка, где широко используются подобные афористические выражения. Функциональная ограниченность героев в карачаево-балкарских сказках о животных, их устная форма бытования являются связующим звеном передачи народной мудрости, обогащая многообразием красок человеческую жизнь из поколения в поколение.

В этих рассказах содержится колоссальная информация о жизни народа, вера в добро и светлое будущее. Главными героями в сказках о животных наравне с людьми являются звери, здесь они наделены неиссякаемым чувством юмора, переходящим в сарказм и сатиру. По своему содержанию сказки о животных содержат архаичные мотивы и воссоздают воззрения древних людей. Особенностью композиции сказочного текста является типическое построение речи героев, содержащее пословицы на различную тематику, придающие неповторимую поэтичность данным произведениям. Об этом исследователи пишут, что «Высокие художественные достоинства сказок в немалой степени определяются искусным применением пословиц и поговорок, в которых отражены представления, традиции и обычаи людей разных поколений, их трудовая деятельность, быт. Образцы афористической поэзии в фольклорных произведениях не только поэтически оформляют речь сказочных персонажей, но и служат средством их образной характеристики» [Гымпилова 2016: 21]. «Своими целями и взглядами на жизнь сказка тесно переплетается с пословицей. Они никогда не научат плохому, дают

разумные советы, высмеивают человеческие слабости и являются носителями народной мудрости» [Глазунова 2016: 76]. «Благодаря пословицам читатель глубоко чувствует, что дела и слова героя основаны на народной мудрости. Использование пословиц позволяет полнее передать склад речи, образ мышления, психологию персонажей [Магомедов 2015: 161].

В карачаево-балкарских сказках о животных пословицы выполняют различные функции. Они в силу своей немногословности без каких-нибудь трансформаций, включаются в разные эпизоды народной жизни. Интересно отметить, что устойчивые традиционные клише зачастую становятся составной частью диалога главных героев сказки. Например, в тексте «Къарт бла айыу» – «Старик и медведь» встречается выражение «Ахшылыкъгъа аманлыкъ бла жууап этме» – «За благое дело не отвечай плохим делом» [Архив ИГИ КБНЦ РАН]. Это – пословица-предостережение, используется в качестве совета от лисы медведю, который хотел съесть старика, после того как тот его освободил из заточения. Паремия содержит смысл: сделаешь зло в ответ на добро, и зло может к тебе вернуться.

Значительные художественные достоинства исследуемых карачаево-балкарских сказок о животных в немалой степени определяются мастерским употреблением афористических выражений, в которых воспроизведены представления, национальные традиции и обычаи людей. Семья в культуре карачаевцев и балкарцев воспринималась как этическая основа, традиционного образа жизни, в которой мужчина и женщина характеризуются двумя противоположными началами. Следовательно, в афористических изречениях их отмечают опозитивно. Пословица «Ахшы тиширыу аман эркегырыуну къоймаз. Аман эркегырыу иги тиширыуну тутмаз» – «Умная женщина не оставит плохого мужчину. Плохой мужчина не удержит хорошую женщину» из сказки «Жомакъ» – «Сказка» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] противопоставляет хорошую жену и плохого мужа в рамках одного паремического выражения. Исследователь Кетенчиев М.Б. оценивает подобные паремии о супругах по качествам по шкале хорошая/плохая. «Хорошая жена должна иметь следующие характеристики: а) она должна быть покладистой; б) не должна приставать к мужу по мелочам; в) обязана быть внимательной по отношению к мужу» [Кетенчиев и др.2015: 50]. В сказке сказитель умело использует данную пословицу, как характеризующую мудрость и моральные качества молодой девушки, которая вышла замуж за безумного парня. Сказитель передает эмоциональное состояние девушки, для которой важнее всего избавиться своего жениха от порока, что ей и удается.

Пословица из сказки «Айыу улучукъ» – «Сын медведя» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] «Кишиге кёр къазма, кёр къазсанг кесинг тюшерсе!» – «Не рой другому яму, а выроешь, сам в нее попадешь!» служит завязкой данного сюжета – мотивировкой действия героя. Пословица адресована мужчине, который пытался закрыть сына медведицы в пещере, но сам оказался на его месте. Народные изречения учат, в первую очередь, добру и порядочности, они воспитывают и облагораживают. Эта пословица существует и у многих других народов. Но и сейчас это изречение у всех народов обозначает одно и то же. Эта мудрость применима в разных жизненных ситуациях.

«В сказке «Тюлкюнню хыйласы» – «Хитрость лисы» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] высказывание «Амал билген амал бла, амал билмеген аман бла» – «У кого есть способ решения проблемы – способом, а кто не знает способа – хитростью (подлостью)» объясняет, что если не получается сделать дело по-хорошему, приходится применить хитрость (подлость, обман). В сказочных произведениях устного народного творчества часто встречаются сюжеты, выстроенные на повторах действий героев: встречи зверей с другими. Сюжет данной сказки строится на том, что лиса потеряла колокольчик, и чтобы его найти ходит от одного персонажа к другому за помощью. Не добившись от них участия, героиня сказки обманом

заставляет их самих выполнить ее просьбу. Мотивировкой ее такого поступка является безразличие окружающих. В контексте пословица показывает, что можно добиться хитростью того, чего не добьешься хорошим словом.

Важное место в карачаево-балкарских сказках о животных отводится и пословицам о человечности. Пословица «Хыйлачыны эки юлюшю башына» – «Хитрый платит дважды», означает, что из-за скупости, не стоит другому делать зло, так как все, что пожелаешь кому-то, может вернуться обратно. Это пословица из сказки «Албёрю и Тутбёрю» – «Алберю и Тутберю» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] в данном контексте выполняет назидательную функцию. Подлый поступок одного друга по отношению к другому вызывает отрицательные эмоции у слушателей. В конце сказки подводится итог о том, что за подобными низкими действиями неизбежно следует наказание.

Сказка «Кёгюрчюн уясин къалай ишлейди» – «Как голубь вьет себе гнездо» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] является демонстрацией того, что людям нужно быть терпеливыми и уметь учиться у других тому, чего сами не умеют, иначе в таком деле успеха не добиться. В сказке голубь хотел свить гнездо, но не знал, как это сделать. Когда птицы собрались и начали ему советовать, у него не хватило терпения дослушать их и, сказав, что сам дальше сумеет, попросил уйти, но так и не смог его достроить. Пословица «Иш кылыгыын билмеген, ит кылыгыын кёрю» – «Кто не знает состояние работы, испытает состояние собаки» используемая в конце произведения, дает понять читателю, что нельзя отказываться от дельной помощи.

Во многих карачаево-балкарских пословицах социального цикла сообщается о двух противоположностях – богатстве и бедности. Примером использования такого высказывания в сказках о животных служит паремия из теста «Къарт бла жилин» – «Старик и змея» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] «Ач уят кьоймаз» – «Голод избавит от стыда». Традиционное толкование пословицы заключается в том, что нуждающийся человек, увидев «состояние», забывает про честь и совесть. В сказке старик, воспользовавшись советом змеи, разбогател. Став состоятельным, он забыл про обещание поделиться с ней богатством. Змея же, как животное, вызывающее смесь страха и почтения, уже узнавшая о людских пороках, простила старца. Пословицей заканчивается сказка, которая своей краткой формой дает обобщение содержания данного текста.

Как известно, основная тема сказок – добро и зло, поэтому и немалое место отводится пословицам с аналогичным смыслом. В сказке «Бёрю бла жолоучу» – «Волк и прохожий» [Архив ИГИ КБНЦ РАН] устойчивое выражение «Ахшылыкь унутула эсе, аманлыгь'а унутулмайды» – «Если добро забывается, то зло не забудется» утверждает утвердившийся в народе моральный императив и используется как предупреждение.

В некоторых карачаево-балкарских сказках органически вплетены пословицы, которые в художественном контексте служат обобщением описываемого явления и утверждают народную мораль. К афористическим выражениям такого типа относятся, например, пословицы из сказки «Итле сюек ючюн нек талашадыла»: Жашауда жарашылулукь излей эсегиз – хар итни да кеси сюеги болсун, хар тиширыуну да кеси эри болсун – «Если вы ищите примирения в жизни, пусть у каждой собаки будет своя кость, а у каждой женщины свой муж» [Архив ИГИ КБНЦ РАН].

Таким образом, исследование показало, что в карачаево-балкарском фольклоре популярны пословицы на темы: добра и зла, богатства и бедности, восхваления ума, осуждения обмана. Эти выражения с глубоким смыслом, облаченным в краткую словесную форму, отражают нравы, быт, общественное сознание, традиции и обычаи, черты характера, взаимоотношения представителей данного этноса. Естественно, как это характерно для фольклора, выводы и императивы, содержащиеся в художественном контексте, выражают идеальный вариант отношений.

Но именно это делает текст сказки функционально значимым для этических и моральных умозаключений. К сожалению, сейчас многие устои наших предков уходят в прошлое, но память о них сохранена в народных изречениях. Сказка – фольклорное произведение, которое учит добру, а пословицы, встречающиеся в ней, усиливают добрые помыслы, заложенные в произведении народного творчества. Из года в год тематика пословиц становится все многообразнее, она наполняется новым смыслом, что связано с изменением жизненных и социально-экономических условий народа.

Источники и литература

1. Архивный фонд ИГИ КБНЦ РАН. Карачаево-балкарский фольклор. Папки 10. Папка 45.
2. *Ахматова М.А.* Репрезентация ментальности в карачаево-балкарских паремиях // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Абакан: Изд-во: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан), 2018. С. 168–173.
3. *Берберов Б.А.* Концепт «здоровье» в карачаево-балкарских поговорках и пословицах // Известия КБНЦ РАН. № 2 (94). 2020. С. 102–110.
4. *Глазунова И.Ю.* Пословица в сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 75–78.
5. *Гымпилова С.Д.* Пословицы, поговорки в бурятских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65). Ч. 1. С. 21–23.
6. *Джуртубаев М.Ч.* Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского (аланского) народа. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 640 с.
7. Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и коммент. М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.
8. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
9. *Кетенчиев М.Б., Геляева Ж.А.* Вербализация концептов «муж» и «жена» в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. С. 48–52.
10. *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарские поговорки и пословицы о танцах. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 36 с.
11. *Магомедов М.И.* Пословично-поговорочные фразеологизмы в аварских народных сказках // Вестник дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 160–163.
12. *Малкондоев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.
13. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.

THEMATIC DIVERSITY OF PROVERBS AND SAYINGS IN KARACHAY-BALKAR FOLK TALES ABOUT ANIMALS

Gergokova Leyla Sozakbayovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Karachay-Balkar Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

The article is devoted to the study of the ideological and thematic diversity of Proverbs and sayings in Karachay-Balkar folklore. In particular, their laconic use in folk tales about animals is considered. In the texts of oral folk art, these expressions have a certain function, depending on which part of the work they are used.

In everyday life, aphoristic expressions are actively used in the oral speech of the older generation. It is known that paroemias can be part of works, as well as used as an independent text.

These small forms of folk poetry are a link between the origins of the people and their present, reflecting their way of life, culture, and traditions. These sayings are actively used in everyday speech practice of Karachai and Balkars, and they give the language of native speakers an aphoristic character.

In this paper, referring to the phraseological features of the texts of oral folk art, analyzing the voluminous material from the archive of the IHR KBSC RAS, we concluded that the Proverbs and sayings «Nart SEZ» («the word of Nart») passed from the more ancient folklore genres to folk tales about animals. Created by the people and passed down from generation to generation by storytellers, they have preserved the traditions and national flavor of the carrier.

Keywords: fairy tales about animals, Proverbs, paroemias, aphoristic expressions, traditions, memory of the people.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-123-128

К ИСТОРИИ ЗАПИСИ И ПУБЛИКАЦИИ МАЛЫХ ЖАНРОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Гулиева (Занукова) Фаризат Хасановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gfariza37@mail.ru

Статья посвящена освещению одного из слабоисследованных сегментов карачаево-балкарского устного народного творчества – малых фольклорных жанров. Вопрос о том, что именно входит в данное понятие, в национальной фольклористике до настоящего времени не решен до конца. Основная часть ученых, не применяя обозначенный термин, представляла в своих трудах отдельно пословицы, поговорки и загадки, некоторые включали в сферу интересов благопожелания, упоминали проклятия, приметы, толкования снов и т.п., но самих текстов не давали. Анализ имеющихся публикаций по обозначенной области карачаево-балкарского фольклора показал неравномерность сбора текстов, включаемых в группу малых жанров. Так, если пословицы и поговорки всегда оставались в поле научных интересов не только фольклористов, но и лингвистов, и получили более серьезную репрезентацию, загадки в этом отношении менее представлены. Что же касается благопожеланий, проклятий, поверий и примет, их зафиксировано очень незначительное число, что крайне усложняет работу по их описанию и анализу. Вследствие этого, следует признать, что многие проблемы, связанные со сбором, публикацией и изучением малых жанров карачаево-балкарского фольклора, все еще актуальны, а их решение требует системного подхода, привлечения опыта не только фольклористов, но и лингвистов и этнографов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, малые жанры, пословицы, поговорки, загадки, благопожелания, проклятия, поверья, приметы.

Первые образцы устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, как известно, начали фиксироваться еще во второй половине XIX в. Главным образом, это были нартские сказания, сказки, легенды и предания, т.е. произведения крупных жанров. Что касается, малых жанров, то они стали собираться значительно позднее. Из дореволюционных публикаций мы можем назвать всего несколько. В 1903 г. в VI выпуске «Терского сборника» вышли «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» Н.П. Тульчинского, куда вошла подборка из 115 пословиц и поговорок на русском языке [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 284–287]. В 1909 г. в Будапеште были опубликованы «Карачаевские этюды» В. Прёле. В числе прочих жанров сюда были включены 16 пословиц, 6 загадок и 10 образцов поверий и примет [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 288, 294]. В 1916 г. тем же исследователем были изданы «Балкарские этюды», куда попали 4 пословицы и 3 загадки [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 333–334].

Особая ценность публикаций Вильгельма Прёле заключается в том, что тексты были опубликованы не только в переводе, но и на языке оригинала.

Постреволюционные годы ознаменовались ростом национального самосознания, созданием общепринятой, общедоступной письменности, первых учебников. Однако важнейшее значение для развития науки регионов имело открытие

научно-исследовательских институтов в Кабардино-Балкарии (1926) и Карачаево-Черкесии (1932). Благодаря их деятельности сбор фольклорно-этнографического материала стал проводиться более системно и последовательно. Так, в 1939 г. на базе КБНИИ под руководством профессора В.И. Филоненко была организована экспедиция, охватившая все балкарские ущелья республики (Черекское, Хуламо-Безенгийское, Баксанское и Чегемское). В ней также приняли участие профессор В.П. Сухотин, доцент Я.И. Фролов, аспирант Ленинградского университета А.М. Аппаев и писатели Ю. Либединский и В. Козин [Гулиева (Занукова) 2019: 14]. В итоге был собран значительный по объему материал, который по объективным причинам (ВОВ, депортация балкарцев в Среднюю Азию) был опубликован лишь в 1962 г. под названием «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». В числе других жанров в нем представлены 108 загадок и 32 пословицы и поговорки на языке оригинала с сохранением диалектных особенностей и в переводе на русский язык [Материалы 1962: 43–44, 55–59, 71–76, 77–79, 119–123].

В 1940 г. КЧНИИ издал сборник «*Къарачай фольклор*» – «Карачаевский фольклор» [Къарачай фольклор 1940]. Его составители Х.О. Лайпанов и М.А. Дудов включили в него также около 50 загадок и более 300 пословиц и поговорок.

В постдепортационный период вновь активизировались сбор и публикация произведений устного творчества в обеих республиках. Значительный вклад в дело формирования рукописных и фоно-архивов КБИГИ (ныне ИГИ КБНЦ РАН) и КЧИГИ, а также популяризации духовного наследия карачаевцев и балкарцев внесли ученые-филологи, журналисты и писатели А.Ю. Бозиев, А.Х. Соттаев, С.О. Шахмурзаев, С.А. Отаров, С.Ч. Алиев, Д.М. Таумурзаев, Х.И. Суюнчев, А.М. Ульбашев, А.З. Холаев, Р.А.-К. Ортабаева, С.А. Гочияева, Ф.А. Урусбиева, А.М. Тепшеев, Х.Х. Малкондуев, Т.М. Хаджиева, Т.Ш. Биттирова и мн. др. На основе собранного ими материала со второй половины XX в. до наших дней было издано значительное число сборников фольклорных текстов, как общих, так и целиком посвященных отдельным жанровым формам. Так, в вышедший в 1959 г. под грифом КБНИИ сборник «*Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле*» – «Балкарские сказки, пословицы, загадки» (составитель – А.Х. Соттаев) помимо значительного числа пословиц, поговорок и загадок вошло около 100 поверий и примет [Малкъар жомакъла... 1959: 239–266].

В 1963 г. была издана подготовленная фольклористом С.Ч. Алиевым книга «*Къарачай нарт сёзле*» – «Карачаевские пословицы и поговорки» [Къарачай нарт сёзле 1963]. Составитель издания подразделил материал на 23 тематические группы.

В 1965 г. вышел сборник «*Малкъар нарт сёзле*» – «Балкарские пословицы и поговорки» [Малкъар нарт сёзле 1965] (составители – С.А. Отаров, А.М. Ульбашев), состоящий из 9 тематических разделов, выстроенных в алфавитном порядке. Кроме того, здесь дается и небольшая подборка загадок.

В 1982 г. вышло в свет подготовленное к.ф.н. А.З. Холаевым издание «*Малкъар нарт сёзле*» – «Балкарские пословицы и поговорки» [Малкъар нарт сёзле 1982].

В 1984 г. была опубликована обстоятельная книга фольклориста С.Ч. Алиева «*Къарачай халкъны эл берген джомакълары*» – «Карачаевские народные загадки». Данное издание в ряду других, выделяется тем, что ее составитель не только предпринял успешную попытку тематической внутрижанровой классификации загадок, но также объяснил все особенности подачи материала во вступительной статье «*Эл берген джомакъла*» – «Загадки», тем самым облегчив читателю восприятие информации. Кроме того, автор дал определение жанра, раскрыл пути возникновения, описал особенности бытования, проследил трансформацию и современное состояние загадок [Алийланы 1984: 8–30]. В конце книги также даны примечания и список информаторов. Все это позволяет считать данный сборник хрестоматийным изданием, не потерявшим свою научную ценность и сегодня.

Небольшая подборка пословиц, поговорок и загадок была опубликована и в 1985 г. в сборнике Р.А.-К. Ортабаевой «Джетегейли – джети джулдуз» – «Большая медведица» [Ортабайланы 1985: 96–105].

Значительным вкладом в дело публикации и популяризации устной словесности карачаевцев и балкарцев стала и подготовленная к.ф.н. Т.М. Хаджиевой хрестоматия «Къарачай-малкъар фольклор» – «Карачаево-балкарский фольклор», один из разделов которой посвящен малым жанрам [Къарачай-малкъар фольклор 1996: 380–505]. Сюда включены 4 группы *алгышей* (благопожеланий), табу, приметы, предзнаменования, толкования снов, пословицы и поговорки, а также 5 тематических групп загадок.

В 1997 г. был опубликован сборник «Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки», подготовленный Т.Ш. Биттировой и А.Б. Габаевой для студентов педколледжа. Значительное место в нем отведено малым жанрам карачаево-балкарского фольклора [Алгышла... 1997: 232–332]. Здесь представлены пословицы, поговорки, загадки, фамильные поговорки, благопожелания, заговоры, поверья и приметы. Следует отметить, что это один из немногих сборников, где дифференцированно даются пословицы и поговорки, кроме того, составители терминологически разграничивают заговоры (*тилекле*) и благопожелания (*алгышла*), хотя в национальной фольклористике оба эти жанра традиционно обозначаются как *алгыши*. В народе же используются и такие названия, как *хыйны*, *тилек*, *дууа*, передающие значение «заговор». Насколько удачно подобран термин покажет дальнейшее, более углубленное изучение вопроса, которое не является целью данной работы.

В 1999 г. в Карачаевске под грифом КЧГПУ был издан сборник «1001 элбер» – «Тысяча и одна загадка», составленный Салпагаровым Р.А.-К. Он включает в себя 15 разделов, каждый из которых посвящен отдельным тематическим группам. Здесь следует отметить, что в книгу вошли не только загадки традиционного фольклора, но и более современные, о чем свидетельствует наличие таких тематических групп, как «Техника», «Медицина и спорт», «Огонь, электричество, свет» [Салпагъарланы 1999].

В 2005 г. вышло составленное к.ф.н. Х.Ч. Джуртубаевым издание «Къарачай-малкъар нарт сёзле» – «Карачаево-балкарские пословицы и поговорки» [Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005]. В нем все тексты подразделены на 17 тематических групп.

Пословицы и поговорки стали основой и двуязычного издания «Ёзден адет» М.Ч. Джуртубаева [Ёзден адет 2005; Джуртубаев 2009].

В 2009 г. вышел и небольшой двуязычный сборник Кудаяева М.Ч. «Карачаево-балкарские поговорки и пословицы о танцах» [Кудаяев 2009].

В 2010 г. был опубликован составленный д.ф.н., профессором А.Д. Койчуевым сборник «Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле» – «Пословицы, поговорки, прибаутки» [Нарт сёзле... 2010]. Книга делится на четыре части. Три из них включают в себя изречения о людях, о животных, различных предметах и явлениях, встречающихся в жизни, а в четвертой пословицы и поговорки даются в алфавитном порядке.

В этом же году вышла книга «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» – «Карачаево-балкарские притчи и загадки», составленная знатоком фольклора, поэтом М.М. Ольмезовым. Входящий в нее раздел, посвященный собственно загадкам, состоит из 4 подразделов, где тексты даются в алфавитном порядке: 1) традиционные загадки, 2) загадки-вопросы, 3) загадки-шутки и 4) математические загадки [Къарачай-малкъар ойберле 2010: 172–282].

Был опубликован и ряд изданий, куда вошли пословицы и поговорки карачаевцев и балкарцев в переводе на другие языки: на русском языке «Так сказали мудрецы» [Так сказали... 1965], «Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии» [Пословицы 1990] и др., на турецком языке «*Türkiye Dışındaki Türk*

Edebiyatları Antolojisi. Karaçay-Malkar Edebiyatı» – «Антология литератур тюркских народов. Карачаево-балкарская литература» [Türkiye Dışındaki 2002], «*Karaçay-Malkar atasözleri*» – «Карачаево-балкарские пословицы и поговорки» [Ufuk Tavkul 2001] и т.д. Следует отметить, что автор последнего сборника Уфук Тавкул включил в него не только переводы пословиц и поговорок из упомянутых выше изданий, но и тексты, записанные им самим в карачаево-балкарской диаспоре в Турции.

Ни один учебник родной литературы не обходится без включения в него пословиц, поговорок и загадок. Произведения этих жанров часто встречаются и на страницах детского журнала «Нюр» – «Свет», а в журнале «*Mingü-Tay*» – «Эльбрус» пословицам и поговоркам отведена постоянная рубрика. Они нашли широкое применение и в карачаево-балкарской лингвистике в качестве иллюстративного материала как в научных трудах, так и в словарях. Более того, З.К. Жарашуева, автор «Карачаево-балкарского фразеологического словаря» (Нальчик, 2001), относя пословицы и поговорки к области фразеологии, причислила их к разряду устойчивых выражений, представленных в ее работе.

Определенный интерес малые жанры представляют не только для фольклористов, но и для этнографов. Особенно это касается *алгышей* (благопожеланий), многие из которых имеют привязку к различным обрядам [Малкондуев 1996; Кучмезова 2003; Кучмезова, Шаманов 2014; Хаджиева 2014; Хатуев 2014; Шаманов 2014 и др.].

Таким образом, анализ доступных сборников фольклорных текстов показал, что не все малые жанры получили равноценное отражение в них. Лучше всего репрезентированы пословицы и поговорки, затем – загадки, *алгыши* (благопожелания).

Значительно реже встречаются приметы, поверья, табу, толкования снов. Вероятно, это объясняется тем, что они в большей степени относятся к сфере интересов этнографов, нежели фольклористов, поскольку их художественная ценность весьма незначительна.

Что касается проклятий, они вовсе не затронуты в изданиях фольклорных текстов. Данное обстоятельство обусловлено, по всей видимости тем, что вера в силу слова все еще сильна в народе: произносить проклятия, даже безадресно, «понарошку», считается нежелательным и даже греховным. Более того, среди карачаевцев и балкарцев бытует мнение, что человек, произнесший *каргыш*, не имея на то очень серьезных оснований, сам первым пострадает от собственных негативных пожеланий и навлечет беды и несчастья на своих близких. Тем не менее, справедливости ради, следует обозначить тот факт, что проклятия хоть и не издавались как отдельный жанр, все же оказались зафиксированными в составе более крупных жанровых форм. В обрядово-мифологической поэзии и прозе, нартском эпосе, сказках, преданиях, легендах, историко-героических песнях и т.п. они использовались для речевой характеристики персонажей, передачи их эмоционального состояния, для придания текстам национального колорита.

В большинстве обозначенных выше сборников материал дается без внутрижанрово-тематической классификации, в некоторых он выстроен в алфавитном порядке. Тексты различных жанров практически всегда оказывались включенными в единый комплекс (например, пословицы и поговорки; приметы, поверья, предзнаменования, толкования снов и т.п.). В изданиях же, составители которых предприняли попытку систематизировать тексты, не прослеживается общей идеи. Каждый исследователь по своему усмотрению определял количество тематических групп, их последовательность, тексты традиционного фольклора не отграничивались от более современных, возможно даже авторских произведений.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости создания труда, в котором с учетом опыта предшественников был бы обобщен и систематизирован весь накопленный материал по малым жанрам, восполнены пробелы и упущения прошлых работ.

В настоящее время сотрудниками сектора карачаево-балкарского фольклора ИГИ КБНЦ РАН готовится очередной, пятый, том двуязычной серии «Свод карачаево-балкарского фольклора», посвященный указанной области устной словесности. Поскольку не все малые жанры представлены в должной мере, работа идет с привлечением альтернативных источников (личных архивов, различных изданий фольклорных текстов), параллельно осуществляется и запись новых материалов, которые в дальнейшем будут переданы в архив Института. Издание будет сопровождаться обширными вступительными статьями на карачаево-балкарском и русском языках, в которых будет отражена история изучения, дано терминологическое определение понятия «малые жанры», предпринята попытка классификации произведений, будут выявлены специфические черты каждого из входящих в данную группу жанров, которые помогут отграничить их от смежных явлений, тексты будут сопровождаться паспортными данными с указанием места, времени, автора записи и информанта.

Таким образом, проведенное исследование показало, что малые жанры карачаево-балкарского фольклора все еще остаются актуальным направлением деятельности национальных ученых. Им предстоит не только обобщить накопленный художественный и научно-исследовательский материал, но и постараться, пока это еще возможно, зафиксировать тексты по недостаточно полно представленным жанрам.

Следует также отметить, что указанный в статье перечень трудов не претендует на всю полноту охвата изданий малых жанров карачаево-балкарского фольклора. Наша задача состояла в том, чтобы отметить основные сборники, обозначить основные тенденции эдиционной работы национальных фольклористов, выявить проблемные зоны и определить пути их решения.

Источники и литература

1. Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: Хрестоматия / жарашдыргъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1997. 344 б. (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.).

2. *Алийланы С.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары. Черкесск: Ставрополь китап басманы Къарачай-Черкес бѣлюмю, 1984. 216 б. (*Алиев С.Ч.* Карачаевские народные загадки. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд-ние, 1984. 216 с.).

3. *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 108 с.

4. *Джуртубаев М.Ч.* Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского (аланского) народа. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 640 с.

5. Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и коммент. М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.

6. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.

7. *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарские поговорки и пословицы о танцах. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 36 с.

8. *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 216 с.

9. *Кучмезова М.Ч., Шаманов И.М.* Свадьба и свадебная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 487–512.

10. Къарачай нарт сёзле / джыйгъан, джарашдыргъан да Алийланы С.Ч. Черкесск: Къарачай-Черкес китаб издательство, 1963. 484 б. (Карачаевские пословицы и поговорки / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. 484 с.).
11. Къарачай фольклор / джарашдыргъанла Х.О. Лайпанов, М.А. Дудов. Микоян-Шахар, 1940. 240 б. (Карачаевский фольклор / сост. Х.О. Лайпанов, М.А. Дудов. Микоян-Шахар, 1940. 240 с.).
12. Къарачай-малкъар ойберле бла элберле / жарашдыргъан Ёлмезланы М. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 2010. 456 б. (Карачаево-балкарские притчи и загадки / сост. М.М. Ольмезов. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.).
13. Къарачай-малкъар фольклор: Хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: «Эль-Фа» басма ара, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
14. *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.
15. Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле / жыйышдыргъан А.Х. Соттаев. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1959. 268 б. (Балкарские сказки, пословицы, загадки / сост. А.Х. Соттаев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 268 с.).
16. Малкъар нарт сёзле / жарашдыргъанла Отарланы С., Улбашланы А. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1965. 208 б. (Балкарские пословицы, поговорки и загадки / сост. С.А. Отаров, А.М. Ульбашев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965. 208 с.).
17. Малкъар нарт сёзле / китапны хазырлагъан Холаланы А. Нальчик: «Эльбрус» китаб басма, 1982. 188 б. (Балкарские пословицы и поговорки / сост. А.З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. 188 с.).
18. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Тексты. Переводы. Комментарии. Словарь / под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 200 с.
19. Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле / джыйгъан, басмагъа хазырлагъан Къойчуланы А.Д. Ставрополь–Карачаевск, 2010. 144 б. (Пословицы, поговорки, шуточные изречения / сост. А.Д. Койчуев. Ставрополь–Карачаевск, 2010. 144 с.).
20. *Ортабайланы Р.* Джетегейли – джети джудуз. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюмю, 1985. 112 б. (*Ортабаева Р.А.-К.* Большая медведица. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1985. 112 с.).
21. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии: Оригинал и перевод на русский язык. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд-ние, 1990. 368 б.
22. *Салтагъарланы Р.* 1001 элбер. Карачаевск: КъЧКъПУ, 1999. 142 б. (*Салтагаров Р.А.-К.* Тысяча и одна загадка. Карачаевск: КЧГПУ, 1999. 142 с.).
23. *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.
24. *Хатуев Р.Т.* Похоронно-поминальная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 513–521.
25. *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 453–474.
26. *Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi.* Karaçay-Malkar Edebiyatı. Ankara, 2002. 624 с. (Антология литератур тюркских народов. Карачаево-балкарская литература. Анкара, 2002. 624 с.).
27. *Ufuk Tavkul.* Karaçay-Malkar atasözleri. Ankara, 2001. 248 с. (*Уфук Тавкул.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки. Анкара, 2001. 248 с.).

TO THE HISTORY OF COLLECTION AND PUBLICATION OF SMALL GENRES OF KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna, Candidate of Philology, Senior Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gfariza37@mail.ru

The article is devoted to the coverage of one of the underdeveloped segments of karachay-balkarian oral folk art – small folklore genres. The question of what exactly is included in this concept is still not fully resolved in national folklore study. The main part of scientists, without using the designated term, presented in their works separately proverbs, sayings and riddles in their works, some included good wishes in the sphere of interests, mentioned curses, omens, dream interpretations etc., but did not give the texts themselves. Analysis of the available publications and scientific literature on the designated area of karachay-balkarian folklore showed the unevenness of the collection of texts, included in the group of small genres. So, if proverbs and sayings have always remained in the field of scientific interests of not only folklorists, but also linguists, and received a more serious representation, riddles in this regard have been less represented. As for good wishes, curses, beliefs and omens, a very small number of them are recorded, what makes it extremely difficult to describe and analyze them. As a result, it should be recognized, that many problems, associated with the collection, publication and study of small genres of karachay-balkarian folklore, are still actual, and their solution requires a systematic approach, involving the experience of not only folklorists, but also linguists, ethnographers.

Keywords: karachay-balkarian folklore, small genres, proverbs, sayings, riddles, good wishes, curses, beliefs, omens.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-129-135

СВАТОВСТВО И ЖЕНИТЬБА У АДЫГОВ ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, Старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу этнографических сведений о сватовстве и женитьбе в традициях адыгов и их отражении в таких жанрах фольклора как архаический нартский эпос, сказка и историко-героический эпос. Цель работы – установить значение и основные поэтические особенности вербального компонента в ритуалах, связанных со сватовством и женитьбой. Как общая закономерность устанавливается, что основные особенности реальных обычаев нашли в фольклоре художественное отражение. Поскольку фольклор, прежде всего это искусство, между ним, реальностью и представлениями в контексте художественных произведений могут быть и прямые параллели, и расхождения, иногда настолько явные, что фольклорные описания не могут соответствовать действительности. В разных жанрах они проявляются в соответствии со сложившейся в данной области системой художественных условностей и воспринимаются как вымысел. Так, для архаического эпоса характерно, чтобы женитьба оставалась второй сюжетной линией, хотя иногда она приближается по функции к культурному подвигу и выходит на первый план повествования. Сказка представляет большее разнообразие функций. Ближе к реальности стоит данный мотив в контексте историко-героических песен и преданий.

Ключевые слова: архаический эпос, сказка, система условностей, корреляция, сватовство, женитьба.

Женитьба как один из важных этапов жизненного цикла человека неоднократно привлекал внимание адыгских специалистов в области традиционной народной культуры. В данном плане интересны исследования С.Х. Мафедзева [Мафедзев 1979], М.А. Джандар [Джандар 1991: 15-19], Б.Х. Бгажнокова [Бгажноков 2011: 307–341] и др. Признавая всю глубину научных трудов названных авторов, надо заметить, что все они, за редким исключением, посвящены историко-этнографическому изучению явлений. Если в них и привлекаются тексты фольклорных произведений, то не иначе, как в качестве иллюстративного материала к этнологическим наблюдениям и выводам. Анализ вербального материала и вообще рассмотрение текста с точки зрения его художественных достоинств специально никем не проводились. Между тем роль песен, стихотворных тирад, народных афористических выражений и устойчивых словесных формул, приуроченных к комплексному обрядовому действию сватовства и женитьбы, отнюдь не ограничивается только служебными функциями. Своим поэтическим языком с яркими образными выражениями, четкой ритмической организацией и эстетически организованной фоникой словесная часть свадьбы как единого комплексного явления несет мощный эстетический потенциал, превращающий ритуализованное действие с первоначальной магической функцией, в театральное представление с мощными элементами секулярного искусства. В этом плане фольклор свадебного цикла имеет свою самостоятельную художественную значимость. То же самое можно сказать и о фольклорных произведениях, в основе которых лежат мотивы сватовства и женитьбы.

Такие важные этапы жизни человека как женитьба и весь цикл явлений, связанных с ней – от первоначального намерения до завершения свадебных церемоний – в фольклоре разных народов бывают широко представлены во многих жанрах фольклора, в том числе и в архаическом эпосе, и в сказках, и в преданиях, и в песнях. То же мы наблюдаем и в традиционной культуре адыгов, в частности в нартских сказаниях, событийную основу которых в большей части составляют мифологические нарративы, и в сказке с ее гораздо более раскованной фантазией, и в историко-героических циклах, более тесно связанных с исторической действительностью. Конечно же, в каждом из конкретных случаев описание сватовства и самого заключения брака подчинено закономерностям того фольклорного жанра, в котором оно представлено. Но основные моменты, такие как, например, повод отправления героя на поиски невесты, препятствия, которые должен преодолеть герой, сам момент женитьбы, некоторые эпизоды свадебного торжества, степень активности невесты и жениха или каждой из сторон вписываются тесно в общую традицию. Задача настоящей работы – с опорой на ключевые принципы историко-сравнительного метода систематизировать самые распространенные формы заключения брака на основании достоверных сведений и отметить характер их художественного отражения в некоторых жанрах адыгского фольклора. В связи с тем, что материал не просто представлен в разных жанрах фольклора, но и значителен по объему и многообразен по характеру отражения явлений, в настоящей работе мы рассматриваем наиболее общие закономерности их бытования и отражения только в героико-эпических сказаниях и сказках.

Основываясь на обширных достоверных этнографических материалах, исследователи справедливо отмечают, что наиболее распространенная и принятая за основу форма женитьбы это *официальное сватовство*. Оно предполагает следующую цепь основных и канонизированных традицией действий: предварительные условия, побуждающие к сватовству (напр., знакомство и внешние проявления взаимных симпатий между молодыми людьми, уговор между ними, и согласие родственников с обеих сторон; одной из альтернатив может быть установление контактов и договоренности между родственниками при пассивном участии самих молодых людей), отправление на переговоры в дом невесты сватов от имени самого жениха или же его фамилии, в результате – установление условий и сроков заключения брака, увоза невесты из ее родительского дома, проведение полного цикла торжественных ритуалов, непосредственно связанных со свадьбой.

Идеальным вариантом надо признать случай, когда молодые люди сами, договорившись между собой, поручали кому-либо из друзей оповестить об их намерениях родителей или же старших рода; сами они этого не делали из этических соображений. В таком случае семья девушки должна была быть в курсе того, что их дочь собираются сватать, но до определенного времени на людях не было принято раскрывать намерения сторон. Также и семья будущего жениха узнавала об ожидаемом событии (даже если не она сама была инициатором предстоящего сватовства) и соответственно готовилась к нему. Но при этом также было не принято до определенной поры заявлять о замыслах заранее и, тем более, не объявлялось имя избранницы. В случае обоюдного согласия сторон, включая самих виновников события, весь цикл предсвадебных и свадебных церемоний проводился полностью – от «дипломатических» переговоров между сторонами до последних по негласному регламенту мероприятий.

Альтернативой открытому сватовству со всеми церемониальными условностями служит *умыкание невесты*: юноша, предварительно никого не предупредив, или же поставив в известность лишь узкий круг людей, умыкает девушку и только вслед за этим гласно оповещаются как его, так и ее родственники. Это исключает целый ряд звеньев свадебного цикла, например, такие компоненты как затяжные переговоры сватов и торжественный вывоз невесты из родного дома.

Правда, при этом есть риск негативной реакции с обеих сторон, т.е. родственников как юноши, так и девушки. Однако в большинстве случаев это делается с негласного одобрения старейшин, и в таких случаях умыкание приближается к театрализованной импровизации.

Такой поступок может совершаться как по обоюдному сговору самих молодых людей, так и по инициативе только жениха или жениха вместе с компаний единомышленников. Иногда это происходило даже без учета воли не только родителей и других родственников с обеих сторон, но также и самой умыкаемой. Иногда девушка узнавала своего похитителя уже после самого похищения. Причины, по которым прибегали к данному способу, бывают разными. В одном случае это стремление влюбленных соединить свои судьбы вопреки воле родственников, не приветствующих их союза по каким-либо причинам. В другом – желание форсировать все длительные церемонии, связанные с обременительной традиционной формой сватовства и брака. В третьем (что также бывало) – элементарное желание избежать обширных материальных затрат, которые неизбежны и бывают обременительными при соблюдении всех принятых условностей. Не последней из причин было также стремление юноши поступить, как подобает настоящему рыцарю-наезднику: не сосватать себе невесту «мирным путем», а похитить ее и принести в свой дом на лихом скакуне как дорогую добычу. Все названные и разного рода иные обстоятельства привносят разнообразие в последующие действия.

В традиционном обществе брак между молодыми людьми непременно имел следствием установление родственных отношений между двумя и даже более родовыми кланами. Данное обстоятельство побуждало к признанию особой важности выбора не только для жениха и невесты, но и для всей родни, и старейшины порою весьма щепетильно относились к этому. Неудивительно, что нередким явлением было несогласие родителей и близких родственников на брак и, следовательно, на союз между кланами.

Это тоже может иметь разные причины. Во первых, по сугубо этикетным соображениям, не всегда было принято давать согласие при первом же посещении сватами дома невесты. По негласному уговору, даже при благосклонном отношении к затее, сторона невесты стремилась затянуть переговоры, не дать сразу однозначного ответа. В таких случаях сваты терпеливо приходили и повторно. Но иногда воля жениха или же обоих влюбленных шла откровенно вразрез с волей их родственников – одной из сторон или же обеих. Такова, например, отраженная в мировой художественной культуре мотивированная взаимная неприязнь между кланом жениха и кланом невесты (условно это можно называть синдромом Монтекки и Капулетти). Также важным фактором было, например, сословное несоответствие фамилий жениха и невесты. Весьма частое в сказках разных народов, в их числе и адыгов, упоминание о том, как герой из низшего сословия женится на дочери короля (на царевне, княжне, дочери хана) есть не что иное, как художественный вымысел, поскольку в действительности межсословные союзы не одобрялись и довольно строго регулировались, хотя, например, между дворянами-уорками разных степеней жесткой разделительной грани не было.

Согласно исследованиям ряда ученых, таких как М.В. Покровский [Покровский 1958: 122], В.К. Гарданов. [Гарданов 1967], Б.М. Джимов [Джимов 1986] адыгское общество имело достаточно сложную структуру, в соответствии с которой и аристократические сословия и простой народ подразделялись на достаточно строго дифференцированные категории. Идеальным вариантом считался брак между во всем равными партнерами – молодой князь искал себе невесту из княжеского рода, дворяне более низкого ранга старались родниться с теми, кто на иерархической лестнице стоит на одной ступени с ними, а иногда допускалось искать партию чуть выше или немногим ниже, вольный крестьянин женился на девушке из семьи таких же свободных крестьян.

Как пишет Султан Хан-Гирей, «брак учреждаться должен по обычаям, по равенству родов; князья берут из княжеских родов и, равномерно отдают дочерей лишь за княжеских сыновей» [Хан-Гирей 1978: 291]. Однако чуть ли не все княжеские фамилии черкесов или давно перероднились между собой, или же и вовсе имели общее происхождение. А согласно обычаю, идущему, кстати, вразрез с неписаными или законодательно закрепленными нормами у многих мусульманских народов, иудеев и некоторых ветвей христианства, у адыгов кровосмешение, а иначе – браки между родственниками по крови, решительно осуждались. В данных условиях высшая знать, т.е. представители княжеского сословия, поневоле была вынуждена искать брачных союзов за пределами своего этноязыкового круга. Это явилось одной из важных причин, по которой адыгские княжеские фамилии были связаны родственными узами через брачные отношения с крымскими, калмыцкими и ногайскими ханскими династиями, с домом кумыкских шамхалов, грузинскими княжескими фамилиями, но никак не ниже. Уместно вспомнить здесь и о хорошо известных связях с русской царствующей династией (Иван Грозный и Мария Темрюковна), с персидским шахом, турецким султаном.

За исключением княжеского сословия, в среде дворянства был даже популярен принцип, закрепленный в поговорке: «*elъbyxъ къашэ, дэIъbei et*» *Беря <невесту>, бери внизу, отдавая, <замуж>, выбери вверху*». прагматическая суть этого выражения в том, что невестка из более знатного рода захотела бы, пользуясь высоким происхождением, диктовать свою волю, поставила бы себя в доме выше других домочадцев и находила бы в этом поддержку со стороны собственной родни. Если же она из рода во всем равного или даже немного более низкого по сравнению с родом мужа, у нее уже нет опоры для навязывания в новой для нее семье привычных ей принципов, и поэтому она может стать более послушной и покладистой.

Характерным поводом взаимного неприятия для кавказского менталитета и феодальной эпохи в целом могли стать личные неприязненные отношения между родителями / родственниками жениха и невесты или же между старейшинами родов, а также такие важные с точки зрения престижа виды у родителей или всей родни на вероятное появление для своего отпрыска более выгодной партии.

Последнее обстоятельство не нашло широкого отражения ни в архаическом эпосе, ни в сказке, ни в народной афористике. Однако оно все же послужило мотивом для возникновения одного из самых популярных циклов младшего эпоса – песни и предания о Хасанше из рода Шогемоко. Как гласит предание, юноша Хасанш Шогемоко был горячо влюблен в девушку по имени Дадуса, пользовался взаимностью и рассчитывал жениться на ней. Но, не считаясь с чувствами молодых людей, родные девушки считают эту партию для себя не выгодной и выдают возлюбленную героя за знатного чужеземца, сына ногайского хана. Юноша, не желающий мириться с такой утратой, устраивает в одиночку засаду на пути свадебного поезда, увозящего его возлюбленную. Вначале он успешно отбивает невесту у целой компании, но, не сумев все же уйти от погони превосходящих сил, в схватке и сам погибает. Девушка, тронутая столь самоотверженным поступком, продиктованным любовью к ней, предпочитает умереть рядом с юношей. Однако, не выдавая сразу своего намерения, она сначала предлагает поезжанам похоронить погибшего по всем правилам, сама же вызывается опуститься в могильную яму, чтобы уложить его тело в полном соответствии с обычаем, но, оказавшись в яме, закалывается, предпочтя быть похороненной рядом со своим возлюбленным. Пораженные увиденным, участники свадебной церемонии хоронят обоих в одной могиле; со временем над нею вырастают два дерева с переплетенными стволами (в мировом фольклоре и литературе – т. н. мотив Тристана и Изольды) [НПИНА 1986: 126–133, 134–137, 138–141].

Аналогичное в общих чертах обстоятельство, взаимная неприязнь родных с обеих сторон является событийной основой еще одной лиро-эпической песни-

баллады, «Адиюх» [Къэбэрдей уэрэдхэмрэ...1948: 62–63; Адыгэ 1979: 67–68]. Она распространена по всей исторической Черкесии и представляет собой явление, переходное от подлинно героико-исторического эпоса к лирическому жанру. Предание, сопровождающее ее в развернутом повествовании до нас не дошло, и это, видимо, потому, что информативная часть песни самодостаточна и может быть понятна без специальных комментариев. Те иногда обрывочные сведения, просматривающиеся в песенном контексте позволяют воссоздать целостную картину всего происшедшего по мнению исполнителей. Песня не приурочена к реальному событию, как чаще всего бывает в циклах младшего эпоса. Она сложена от имени безымянного юноши, оплакивающего гибель возлюбленной Адиюх, которая стала жертвой неудачного похищения-побега. Влюбленные, испытывавшие горячие чувства друг к другу с малых лет, видимо, не надеются получить согласие родителей и родственников на их брак. Поэтому они решаются на умыкание или ее побег из родительского дома, договариваются о сроке и поначалу их замысел будто бы удается: юноша подъезжает к окну возлюбленной, она садится на холку его коня, и счастливый жених уносит ее на резвом скакуне. Однако, вынужденные скрываться, они скачут лесом, где неожиданно вылетевший из-под ног фазан пугает коня, тот мечется в сторону, девушка неудачно падает наземь и разбивается насмерть. Юноша остается один на один со своим горем и языком песни оплакивает погибшую, одновременно сетует на судьбу. В отличие от большинства традиционных лирических и даже лиро-эпических песен адыгов, «Песня Адиюх» имеет развернутый сюжет. Однако повествовательная канва прослаивается рефреном «Уэр си Адиюху» – «О моя Адиюх», повторяющимся после каждого стиха нарративного текста. В сочетании с минорной мелодией песни это создает атмосферу трагической причастности к суровому миру, который остро нуждается в чутком, бережном отношении к личности со всеми тонкими движениями души. Лирический герой сетует на то, что даже тело любимой ему положить некуда: отнести к себе домой – она там чужая, в ее собственном доме она проклята родителями за слушание, уложить на землю – насекомые изъедят, положить на верхушку дерева – вороны исключают. Понятно, что это художественная условность, при посредстве которой изливается во всей глубине чувство огромной утраты, осознание того, что для героя разрушился прекрасный иллюзорный мир, в который он мечтал поместить свою любимую и самому быть с ней рядом.

Образный предметный мир четко делится на явления, полные романтического флера, но все же отдаленно пробуждающие тревогу (*черный конь, распахнутое окно, через которое выходит любимая, ночная дорога, черная бурка, горячее объятие*) и откровенно трагически значимые (*окровавленное тело, смерть в объятиях возлюбленного, бессильного что-либо сделать, звери, рышущие по лесу, всеядные муравьи, черные вороны*). В тексте песни почти нет эпитетов и метафор, которые бы могли запасть в память. Вместо них мы видим обилие глаголов, которые тоже можно поделить на две группы. Первую составляют слова, обозначающие пылкую любовь: «с малых лет мы *любили*», «с малых лет я о тебе *мечтал*», «о тебе *тосковал*», «коня черного *взнуздал*», «к окну твоему *подскакал*», «ты на коня *прыгнула*», «мы в объятия *бросились*». Вторая и доминирующая группа – глаголы, имеющие в песенном контексте негативное содержание: фазан *вылетает*, конь *отлетает*, драгоценная ноша *падает, погибает, испускает дух* в объятиях. Всю несложную образную систему пронизывает фраза «Куда, куда же я тебя дену». Понятно, что речь не просто о мертвом теле, а о том, как жить с тем безысходным горем, охватившим лирического героя, если для него обрушились все мечты и надежды, о которых он мечтал с самого детства. Вот такую песню породил мотив конфликта между светлым человеческим чувством и жестокой реальностью бытия.

Особую группу образуют случаи заключения брака *без учета мнения самих молодых людей*, вовсе без их участия, а по уговору между родителями или близкими

родственниками. Этот способ, как и другие, имеет несколько различных вариантов. Пожалуй, наиболее распространенный – это волевое решение старших (отца, матери, старейшин рода и пр.) выдать свою дочь (племянницу, младшую сестру) за такого-то или женить сына (племянника, младшего брата) на такой-то. Молодые люди могли принимать душой или не принимать такое решение, но, как правило, были вынуждены повиноваться предписаниям старших. Думается, что это одна из древнейших форм заключения союза, когда брак двоих означает союз между кланами. Так, например, уже в архаическом эпосе запечатлено, как великаншамать выдает свою дочь за нарта Канжа, нисколько не интересуясь ее волей, благо, та и не противится. Но уже в замужестве она проявляет свой дикий нрав во всей полноте [Нарты 1974: 308–310]. Любопытный факт связывается с женитьбой нарта Шауея, сына того же самого Канжа и его жены-великанши: будущая невеста, переодетая в костюм мужчины-наездника, подвергает героя своеобразным испытаниям. Вначале она предлагает ему трудную задачу – содержать гостя на определенных условиях в течение длительного времени. После исполнения данного условия следует не менее суровое испытание – участие в опасном походе и бое с великанами [Нарты 1974: 313–318]. Тот же мотив переодевания девушки в связке с последующей женитьбой представлен и в другом цикле архаического эпоса: в сказании «Чачана сын Чачаны» из цикла, посвященного нарту Бадиноко / Шабатыныко, герой в поисках пропавшего отца вступает в бой и расправляется с жестокими великанами, с которыми не могла справиться сама девушка (или же ее брат), а затем удостаивается ее руки [Нартхэр 2002: 209–229, 238–240, 241–278]. В вариантах сказания имя героя варьируется, а образ невесты оказывается раздвоенным: фигурируют брат и сестра, однако в контексте девушка именуется «девушка – прекрасная богатырша» [Нартхэр 2002: 229], и это дает основание считать, что брат – персонаж вторичный, появившийся в результате раздвоения образа, по всей вероятности изначально единого.

Сюжет с переодеванием или даже перевоплощением используется и в сказке – «Прекрасная Елена и богатырь-женщина»: герой, отправившийся на поиски похищенной или сбежавшей от него жены, встречает в пути юношу, при активном содействии которого ему удастся разыскать и возвратить законную супругу. Впоследствии помощник оказывается переодетой девушкой, которая впоследствии составляет герою по-настоящему достойную партию. Но чтобы ее разыскать, а затем и заслужить ее полное расположение, герою требуется пройти новую серию испытаний [СМОМПК 1891: 51–77]. Надо заметить, что уже в архаическом нартском эпосе представлены примеры женитьбы по обоюдному согласию самих молодых людей. Так, нарт Хымыш, оказавшийся в гостях у своего новоявленного кунака из племени карликов-испов, знакомится с его дочерью, в молодых людях пробуждаются взаимные симпатии, и впоследствии они, по общему согласию, женятся [Нартхэр 1970: 16–18, 20–22, 22–23].

К числу браков *по выбору родителей* относится оригинальный обычай делать *зарубку на колыбели*: если у одного из двух друзей или же целых семей, связанных крепкой дружбой, появляется на свет мальчик, а у другого — девочка, в знак желания породниться между собой они, по обоюдному уговору, делали одинаковые зарубки на колыбелях своих новорожденных. Таким образом, судьба детей оказывалась предначертанной родителями еще с колыбели. Этот обычай мало описан в этнографических трудах, нечасто он отмечен также в фольклорных материалах, но в реальной жизни он был нередок, и это нашло отражение даже в современной художественной литературе как явление, не исчезнувшее даже в XX в., когда многие традиционные институты предавались забвению как «пережитки темного прошлого». В частности, в повести Бибберда Журтова «Неурочная весна» на этом базируется ключевой художественный конфликт [Журт 1997: 239–317].

Часто в сказках и сказаниях сватовство или поиски жены образуют сопутствующие сюжетные ходы, как, например, в упомянутом выше сказании о Чачане. То

же видим и в сюжете из цикла, посвященного нарту Ашамезу: герой отправляется мстить за кровь убитого отца, по пути совершает ряд дерзких поступков, предвещающих главный подвиг, после многих перипетий расправляется с коварным врагом и вместе со всем его добром, которое он забирает в качестве трофея, привозит к себе домой и его жену-волшебницу [СМОМПК 1891: 38–58].

В сказках нередко сватовство превращается в своего рода продолжение или же органическую часть *инициальных испытаний*. В подобных случаях образ героя представляется не только как идеал отважного наездника, хотя воинские доблести всегда стоят на первом месте. Наряду с этим в идеализированной форме внимание сказителя и аудитории концентрируется на таких качествах как ясность ума, сообразительность, знание тонкостей этикета, верность данному слову, готовность всеми силами защищать и оберегать и свой край, и свою семью, супругу, детей, собственное достоинство. Например, в основе сюжета сказки «Красавица Елена и богатырь-женщина» лежит история о том, как герой хоть и заполучил в жены прекрасную Елену, но быстро ее потерял [Фольклор адыгов 1979: 365–390]. Тем самым он оказался в положении человека, который или должен примириться с потерей и, значит, утратить былой авторитет в обществе, или же любыми способами разыскать беглянку и этим отстоять свое истинное достоинство. Тем самым он подвергается уже не явно инициальным по сути или досвадебным, а послесвадебным испытаниям. В результате герой разыскивает беглянку, чем восстанавливает свой статус. Заодно он получает право на руку по-настоящему достойной невесты. Сказка представляет собой успешную контаминацию нескольких сюжетов, объединяемых фигурой главного героя. Первый из них – *поиски невесты*, женитьба, исчезновение и возвращение супруги. Начало его это не столько художественное повествование, сколько информативный рассказ о событии. Даются общие сведения о самом герое, сообщается (но не живописуется) о том, как долго он искал невесту, как нашел ее и женился. О свадьбе тоже просто рассказывается – что на нее собралось много народу, и что длилась она несколько дней. Подробных описаний хода самой свадьбы нет. Только эпизод традиционного отправления князя в годичный поход изложен с некоторыми подробностями. Когда же в повествование вплетается новый сюжет, прибытие лукавого соблазнителя, появляются обстоятельно описываемые эпизоды, диалоги, даже рассказ о душевном состоянии героев. Следующий сюжет – *поиски новой невесты*: в нем также резонно выделить такие компоненты как поиски, сватовство, испытания, женитьба. Наконец, еще один сюжет – это своеобразное *послесвадебное испытание* героя.

В другой сказке, записанной в XIX в., «Поиски жены», авантюрный сюжет построен на том, что молодой княжеский сын твердо решил не возвращаться домой, пока он не найдет себе невесту с заданными признаками [Фольклор адыгов 1979: 304–312]. Как нетрудно понять, это не что иное, как художественный прием завязывания интриги, и он имеет место только в системе условностей сказки как жанра словесного искусства.

Упомянутый выше популярный мотив поисков пропавшей жены примечателен в сказках появлением нового героя, помощника, играющего важную роль в дальнейшем повествовании. В эпизоде схватки за Елену герой Карабатыр и его спутник проявляют одинаковое мужество и решительность. Однако для героя, как оказывается, не так важно было вернуть не любимую супругу, как нечто иное – очиститься от позора, который был неизбежен, если бы он не справился с трудной задачей. Поэтому, когда жена уже возвращена, Карабатыр с легким сердцем соглашается на то, чтобы его спутник поделил ее, как добычу, на две равные части, то есть убил бы ее. Мотивирует он такое отношение тем, что после всего случившегося «...все равно мне с ней нет житья!» [СМОМПК 1891: 61]. В качестве своеобразного вознаграждения за такую твердость духа незнакомый помощник сообщает, где и кого герой может разыскать как достойную его невесту. Однако

если это и вознаграждение, то оно выполняет некую промежуточную функцию, предполагающую новую интригу во всем повествовании, но не означает окончательного закрытия темы.

Вторая часть как бы повторяет фрагмент первой, где вновь герой ищет невесту, но уже известную ему по имени. Это уже третье по счету испытание героя, но опять-таки не последнее, потому что разыскав свою суженую, он еще должен победить соперников в состязаниях по метанию или толканию камня, а, уже привезя невесту в свой дом, он оказывается перед необходимостью доказать собственное превосходство над новой женой. Только скрытое участие в кампании наездников под предводительством переодетой жены, в которой он неожиданно для себя узнает того самого помощника-богатыря, который вместе с ним отвоевывал Елену, и очевидное доказательство своего превосходства над ней приводят к окончательному итогу: побежденная в негласном соперничестве, женщина навсегда порывает с прежним образом жизни, перестает облачаться в мужскую одежду и заниматься ратными делами и отныне полностью посвящает себя сугубо женским обязанностям.

Совсем неслучайно В.Ф. Миллер отмечает в данной сказке параллели с гомеровским эпосом, а в образе богатыря-женщины – с мировым мотивом «благодарный мертвец» [Сравнительный 1979: 144–146]; кроме того, ученый обращает внимание на мотив «деления добычи»: в иных версиях при замахе мечом над нею первая жена от испуга освобождается от вселившейся в нее нечистой силы и после этого становится верной своему супругу [СМОМПК 1891: 74], [Сравнительный 1979: 144]. А помощник, выполнивший свою функцию, исчезает, как это характерно для вариантов мотива о благодарном мертвце.

Разумеется, изложенным не исчерпывается все многообразие форм отражения интересующего нас отрезка жизненного цикла в привлекаемых жанрах фольклора. Данная тема требует гораздо более широкого рассмотрения, что предстоит сделать в будущем. Однако и проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего, надо заметить, что между достоверными сведениями о формах брака и их отражением в фольклоре налицо как совпадения, так и расхождения. Так, в реальности, в героическом эпосе и сказке представлены случаи официального *сватовства*, *предсвадебных испытаний*, *умыкания*. Но сами формы объективации могут иногда сильно различаться. В нартском эпосе это приближается к архаическому мифу о культурном подвиге (*добывание блага*; только на месте блага в мифологических нарративах здесь – *невеста*), в сказке на первый план выходят задание, исходящее или от старших, или же вызываемое обстановкой, а также собственное желание, поиски приключений.

Как и можно было ожидать, в эпосе вообще побудительный мотив более реалистический, благодаря тому, что эпические герои и события не воспринимаются как чистый вымысел. Соответственно, сватовство здесь соединяется творческой контаминацией с мотивами добывания или упорядочения пространства путем устранения носителей хаоса или всеобщего зла. Эпический герой преодолевает такого же характера трудности, что и герой мифа, приносящий людям огонь, важное орудие труда, зерна культурного растения или же упорядочивающий космос, отвоевывающий пространство у фантастических существ, олицетворяющих неупорядоченную стихию природы, тучные пастбища, волшебный источник благополучия и пр. Отсюда и нередкая вторичность по значению самого акта женитьбы. Так, Чачана вызволяет своего отца и лишь «попутно» обретает невесту, однако привозит домой отца и невесту не вместе, а порознь. Ашамез мстит за своего отца и в качестве трофея привозит к себе жену убитого им противника. В сказке сватовство и женитьба чаще бывают центральными сюжетобразующими мотивами. Условность в повествовании здесь более очевидна и она обусловлена общей для сказок разных народов закономерностью, которая сформулирована в

русском фольклоре фразой «сказка ложь, да в ней намек», указывающей на свободу сознательного вымысла (это могут быть и явно авантюрные сюжетные ходы в описании поисков и средств достижения цели, и жестокость брачных испытаний, когда неудачник лишается головы, чего в реальности не могло быть). Наконец, в историко-героическом эпосе описываемые действия более всего приближены к реальности, а условность занимает в них явно подчиненное положение и служит однозначно воспринимаемым эстетическим целям.

Есть основания заключить, что фольклор как искусство имеет свою систему условностей, базирующуюся на реальной действительности, но не повторяющую ее с фотографической точностью. Причем в каждом жанре эта система имеет такие особенности, которые коррелируют с его общими тенденциями.

Источники и литература

1. *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 1979. 204 с.
2. *Джандар М.А.* Брак и формы заключения брака // Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 143 с.
3. *Бгажноков Б.Х.* Базовые принципы и основные условия заключения брака // Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 307–341.
4. *Покровский М.В.* Адыгейские племена 18 первой половины 19 века // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 10–6. М., 1958. 122 с.
5. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 330 с.
6. *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в 19 в. Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1986. 190 с.
7. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 335 с.
8. *НПИНА 1986* – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
9. Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжхэмрэ. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапІэ, 1948. Н. 197 // Кабардинские песни, пословицы и поговорки. Нальчик: Кабардинское гос. кн. изд., 1948. 197 с. (на кабард. яз.).
10. *Адыгэ уэрэдыжхэр.* Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 // Адыгские народные песни. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 67–68 (на кабард.-черк. яз.).
11. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 416 с.
12. Нартхэр. Адыгэ эпос. Мыекьуапэ: ГУРИПП Адыгея, 2002. 319 с. // Нарты 2002. Нарты. Адыгский эпос. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2002. 319 с. (на кабар.яз.).
13. *СМОМПК 1891* – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1891. 618 с.
14. Нартхэр. Адыгэ эпос. Т. IV. Мыекьуапэ: Краснодар къэрал тхылъ тедзапІ. 1970. 311 н. / Нарты 1970: *Нарты. Адыгский эпос.* Т. IV. Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1970. 311 с. (на диалектах адыгского языка).
15. *Журт Биберд.* Гъатхэ пасэ / Журт Биберд. Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 н. // *Биберд Журтов.* Неурочная весна / Биберд Журтов. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1997. 440 с. (на кабард. яз.).
16. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай. Традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 359 с.
17. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.
18. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Ленинград: Наука, 1979. 438 с.

MATCHMAKING AND MARRIAGE OF ADYGHS ACCORDING FOLK SOURCES

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The article is devoted to the comparative analyses of ethnographic information about matchmaking and marriage in the traditions of Adyghs and their reflection in such genres of folklore as an archaic Nart epic, fairy tale and historical-heroic epic. The purpose of the work is determined by the task to establish the meaning and main poetic features of the verbal component in rituals associated with such an important stage of the life cycle as matchmaking and marriage.

As a general regularity, it is established that the main features of really existing or existing customs found in folklore artistic reflection. Since folklore is primarily an art, there can be direct parallels and divergences between traditions in real life and representations in the context of works of art, sometimes so obvious, that folklore descriptions cannot correspond to reality. In different genres, they appear in accordance with the established system of artistic conventions in this area and are perceived as fiction. So for archaic epic in some cases it is characteristic that the marriage remained the second storyline on the background of the main feat, in others – it is closer in function to the cultural feat and thus comes to the fore of the narrative. The tale presents a greater variety of functions – from the secondary motive of matchmaking and marriage to the motive of procuring the bride as an adventurous crime. The closest thing to reality is the motif in the context of historical and heroic songs and legends.

Keywords: archaic epic, fairy tale, system of conventions, correlative, matchmaking, marriage.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-136-145

**ЛУТЫЖ БОРИС И УСЫГЪЭР:
МОТИВ НЭХЪЫЩХЪЭХЭР, ЖАНРХЭР, ГЪЭПСЫКИЭР**

Хъэвжокъуэ Людмила Борис ипхъу, филологие щэныгъэхэмкIэ кандидат, Урысей ЩэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институтым къэбэрдей-шэрджэс литературэмкIэ и къудамэм и щэныгъэ лэжъакуэ нэхъыжъ, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Статьям лъабжъу хуэхъуар лъэпкъ литературэм хэлъхъэныгъэ ин хуэзыщIа Лутыж Борис и усыгъэрщ. Къэхутэныгъэм и кIуэцIкIэ щхъэхуэурэ шызэпкърыхаш усакуэм и тхыгъэхэм къыщигъэсэбэпа мотив нэхъыщхъэхэр, усыгъэм и жанрхэр зэригъэлэжъа щIыкIэхэр, усэхэмрэ сонетхэмрэ я гъэпсыкIэр. Апхуэдэ бгъэдыхъэкIэм ипкъ иткIэ убзыхуа хъуаш Лутыж Б. и усыгъэм хэлъ щхъэхуэныгъэхэр, усакуэм зыми хэмыгъуащэ усыгъэ хъэтI къызэригъэщIыжар, абыкIэ тха тхыгъэхэм адыгэ литературэм шаубыд увыпIэр. Къэхутэныгъэм кърыкуахэр литературэр щэныгъэр и лъабжъуэ зыджжхэмрэ ар курыт еджапIэхэмрэ еджапIэ ищхъэмрэ щезыгъэджжхэмрэ яхуэщхъэпэнущ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэ литературэ, усыгъэ, усэ, сонет, прозуу тха усэ, мотив, гъэпсыкIэ, жанр.

Литературэм и жанрхэм ящыщу Лутыж Борис зыхэмылэжъыхъа къэгъуэтыгъуейщ. Псом хуэмыдэу абы и гуащIэ ин ирихъэлIащ усыгъэмрэ драматургиемрэ я зыужыныгъэм. Борис зэфIэкIыу иIа псори къэдгъэлъэгъуэныр, и къалэмыпэ къыпыкIа дэтхэнэ тхыгъэри зэпкърытхыныр пщэрылъ зыщытщIыжырккъым, сыту жыпIэмэ усакуэ, тхакуэ, драматург Iэзэм и творчествэр къызэщIэкъуауэ щэныгъэр и лъабжъуэ джа щыхъуа тхылы щхъэхуэ щэныгъэлI БакIуу Хъанджэрий и Iэдакъэ къыщIэкIауэ 2010 гъэм дунейм къытехъащ [Баков 2010]. А монографие лэжыгъэм Лутыжым и зэчийм къыпкърыкIа художественнэ хъугъуэфIыгъуэхэр, абыхэм лъэпкъ литературэм увыпIэу шаубыдыр, жанрхэм зауужынымыкIэ къалэну ягъэзашIэр зыубгъуауэ икIи куууэ къыщыгъэлъэгъуэжаш. Мыбдежым шызэхэдубла къэхутэныгъэм и кIуэцIкIэ дэ дыккъызытеувыIэнур усыгъэрщ, хэхауэ къэбгъэлъагъуэмэ, зыми хэмыгъуащэ усыгъэ хъэтIырщ.

Усыгъэ жанрхэм ящыщу Лутыж Б. усэм, сонетым, балладэм шылэжъащ. Апхуэдэуи усакуэм и зэфIэкI шигъэлъэгъуащ лъэпкъ литературэм шыщIэщыгъуэ прозуу тха усэ жанрымрэ, абы пэгъунэгъуу езым къыгъэщIыжга гущIагъэщIэлъхэмрэ. Абыхэм языхэзми щхъэхуэу къытеувыIэпхъэщ.

Лутыжым и усэхэм гурыщIэ зэмылIэужыгъуэхэр лъабжъуэ яхуэхъуащ, ауэ нэхъыбэрэ абыхэм къапкърыщар фIылыагуныгъэм и плъыфэ зэхуэмыдэхэрщ – зэгукIуахэм я гурыщIэхэр, лирикэ лIыхъужыым (езы усакуэм) адэ-анэмрэ анэ-къильхухэмрэ яхуиIа гурыщIэ къабзэр, быным, хэкум, шалъхуа жылэм яхуищIа гухэлъыр, н.ку. Абыхэм языныкъуэхэр зэшыр, нэщхъеягъэр, гур зэзыгъэдзэкI гупсысэ гугъусыгъухэр шытепщэу, нэгъуэщIу жыпIэмэ элегие хъэл ядэплъагъуу гъэпсащ. Апхуэдэ усэхэм («ГукъэкIыж IэфIхэр», «Хъэху», «ПцIырыпцI дахэкIей», «БжыыхъэкIэ зэшыгъуэ», «КъэмытIэпIа насып», нэгъуэщIхэри) я лирикэ лIыхъужыыр гъащIэм кIэух зэриIэм игу хэгъэщI, зи псэр хъэршым кIуэжа Iыхылыхэм яхуозэщ е лъагуныгъэ блэкIам кIэлъбогумэщI. Къэдгъэлъэгъуа гурыщIэхэр художественнэ Iэзагъ хэлъу къыIуэтэнымыкIэ усакуэм пейзажыр

мызэ-мытIэу тегъэщIапIэ ищIащ. Ар ИупщIу щынэрылгагъуэщ, псалгэм папщIэ, «БжыхьэкIэ зэшыгъуэ» усэм:

*Къыхоццэц уэиш цIыIэр бжыхьээ пшагъуэм,
Гур ихузу дуней псыфыр цымыц.
Си гунсысэм игъуэтыжккым лгагъуэ,
Къыхутащи зэшыгъуае хьым.
Дыгъэ иным си нэхэр щIохуэпсыр,
Си псэм лгагъуныгъэм зыхуеший.
Ауэ уафэм щIеггэлъэлъ и нэпсыр, –
Си щIалэгъуэм зэщIекъуэж и бзийр.* [ИутЫж 2005: 116]

Къэтхьа шапхэм дежи, ИутЫж Б. и нэгъуэщI усэхэми къэггэпсэуныгъэ Iэмалыр нэхьыбэ дьдэрэ узыщрихьэлIэхэм ящыщ. ИщхьэкIэ зэрыщынэрылгагъуэщи, «БжыхьэкIэ зэшыгъуэ» усэм мыпхуэдэ къэггэпсэуныгъэ гъэщIэгъуэнхэр хэтщ: «уафэм щIеггэлъэлъ и нэпсыр», «щIалэгъуэм зэщIекъуэж и бзийр».

Сыт хуэдэ жанрым зримытами, ИутЫж Б. гушыIэмрэ ауанымрэ Iээу, шэрыуэу иггэлэщакIуэу щытащ. «Iужажэ» зыфIища усэм цIыху фэрыщIым, ИуитIбзитIым, мылькурэ къулыкьурэ щIэхуэпсыр «зи напэр кIапэкIэ зыщэжахэм» я образ дыхьэгъ къыщицIащ. УсакIуэм пэж дьджыр зэрыщыт дьдэм хуэдэу, нехьэкI-къехьэкI хэмыту, усэм къыщиIуэтащ. Зи гугъу тщIым и щыхьэту усэм щыщ зы пычыгъуэ къэтхьынщ:

*Нэхъыщхьэр уи цхьэм къытеувэм, –
И лгэгум гуапэу укьобзей.
Зыхубоггэцхьыр и цхьэгъусэм,
И бынхэм, и хьэм, и шэнтжсейм.* [ИутЫж 2005: 112]

УсакIуэм и псалгэхэр, еIуэкI е щIагъыбзэ хэмылгу, занщIэу езы Iужажэм зэрыхуэггэзам тхыгъэм психологие кууагъ хельхьэ, абы щIэлъ ауаным и къалэн нэхьыщхьэри – Iужажэхэм зегъэцIыхужыныр – нэхь IупщI, нэрылгагъуэ ещI.

ИутЫж Борис сонет жанрым адыгэ литературэм зыщыжыными и гуащIэ ин ирихьэлIащ. Дьзэрыщыгъуазэщи, сонетыр жыпхьэ нэхь гугъу дьдэхэм ящыщ, ар къэзыггэлэрыхуэфхэми я бжыгъэр куэд хьурккым. Ди лгэпкъ усакIуэхэм я нэхьыбэр а жыпхьэм я зэфIэкI щеплгыжу сонет зыбжанэ я Iэдакьэ къыщIэклауэ аркьудеймэ, сонет творчествэ псо зэзыггэлэщыфаи (ЩоджэнцIыкIуэ Iэдэм, ИутЫж Борис, Ацкъан Руслан), сонетым нэхьрэ куэдкIэ нэхь гугъуж сонет Iэрамэм и фащэ мыIумпIафIэр къэзыггэлэурыщIэфаи (Бемырзэ Мухьэдин, КIэщт Мухьээ, Уэрзэей Афлик, ПщыукI Латмир, н.) абыхэм яхэтщ.

ИутЫж Б. и тхыгъэ зэхуэмьдэхэр щызэхуэхьэсауэ 2005 гъэм къыдэкIа «Къудамэхэр» тхылгым сонету 65-рэ ихуащ. Абы къызэрыщыггэлэгъуамкIэ, усакIуэм сонетхэр 1998–2003 гъэхэм итхащ, нэгъуэщIу жыпIэмэ критикхэмрэ литературэдж щIэныггэлIэхэмрэ литературэм и зыужыныгъэм и напэкIуэщI щхьэхуэу къалыгтэ совет нэужь лгэхьэнэм хиубыдащ. НэгъуэщI зыми гу лыгтапхьэщ: ИутЫжым и сонетхэр щитхар литературэм и жанр зэхуэмьдэхэм щылажэу, художественнэ тхыгъэм и гъэпсыкIэ-ухуэкIэм и щэхухэм фIыуэ щыгъуазэ хьуа нэужьщ. БакIуу Хьанджэрий пэжу къызэрыхыггэщыащи, «мы жанр гугъум (сонетым. – Хь.Л.) щыпэрыувам, ИутЫжыр лыпIэ иува къудейтэккым, абы щыгъуэ Iэзагъ лгэгэ зыIэрызыггэхьа усакIуэт» [БакIуу 2017: 122].

ИутЫж Б. и сонетхэр адыгэ дуней лгагъукIэкIэ псыхьащ, лгэпкъ тхыдэм и кIапэлъапэхэр къыхэщу гъэпсащ. Абы щыгъуэми сонетым нэхь хуэщу къалыгтэ темэ нэхьыщхьэхэр (лгагъуныгъэ мотивхэр, хэку фIылгагъуныгъэр, гъащIэм и философьер) усакIуэм и IэдакьэщIэкIэхэми къапкьрыщащ.

КъызэщIэкъуауэ къэбггэлгагъуэмэ, ИутЫж Б. и сонетхэм лгэпкъыпсэ яIутщ, уеблэмэ лгагъуныгъэм щытетхыхькIи тхыггэхэм адыгэлIым и хьэл-щэн

кьапкьрош. Сонетхэм я лирикэ лыхужьыр хэкупсэщ, абы лэпкь тхыдэр узу пкьрытщ, адыгэ шэблэм и кьэкуэнуэм егьэпфейтей. «Сыту хуабжыу тхыдэм ушыпсыхэкуэдэт...» флэщыгэм шэт сонетым лирикэ лыхужьым тхыдэ кьэхужьэхэр гурэ псэклэ зэрызыхишэмрэ ахэр акьыл нахуэклэ зэрызэригьээхуэфымрэ шызэшэлэщ. Зи гугьу тцлыр ешанэ катренымрэ тхыгьэр шэзыгьэбыдэж иужьрей сатыритымрэ деж псом хуэмыдэу лупщлу шынэрылгагьущ:

*Флыкьым тхыдэтегьэр, ауэ нэгу шлэклахэм
Дерс хэзымых лэпкьыр куэуэрэ – мэклуэд...
Адыгэ жылаклэу дунейм цыкьухьахэм
Дэ кьытцлоджэ нобэ лыхужьыпсэ куэд:*

*«Маржэ хужьыххэнхэ, зыхэвгьэлэ ди лыгьэр!
Ауэ лыгьэм япэ ирырещ лущыгьэр!» [Лутыж 2005: 119]*

Кьэтхьа пычыгьуэм кьызэрыхэщци, иужьрей сатыритлыр кьыхуеджэныгьэу гьэпсащ, а хьэлыр усакуэуэм и лэдакьэщлэклэ нэгьуэщлэ сонетхэми ядыболгагьу. Псалгэм папщлэ, «Тхыдэ-лыжь кхьахэр уанэтемыхци...» сонетри кьыхуеджэныгьэклэ еух:

*Зыхэдывгьалхьы цымыла лыгьэ,
Дыкьышлэвгьэклэ зэрамыгьуэу!» [Лутыж 2005: 118]*

Мыпхуэдэ ухуэклэм Лутыж Б. и сонетхэр гимным пэгьунэгьу ящл.

Лутыжым и сонет творчествэм и шхьэхуэныгьэ нэхьышхьэр зыщылгагьупхьэр, кьэбэрдей литературэм шыяпэу, усакуэуэм а жыпхьэмклэ тхыдэ, жылагьуэуэ Луэхугьуэхэр кьызэригьэлэгьуарщ. Ишхьэклэ зи цлэ кьытлуа Баклуу Хьанджэрий пэжу гу зэрылытащи, «тхаклуэм и кьалэн нэхьышхьэхэм ящыщ зыщ зэманым, зытепсэлыхь лэхьэнэм ифлри и фейри кьэгьэлэгьуэныр. Лэхьэнэ кьэс илэжщ и дамыгьэхэр. «Историзмэр» зэман пыухыклар флэщхуэныгьэ хэлбу кьызэрагьэлгагьуэ лэмал хьарзынэщ. Лутыж Борис ар кьыщигьэлэгьуащ и драмэхэм, новеллэхэм, публицистикэм. Сонет жанрми абы кьыщехуэлащ совет лэхьэнэм иужь ди псэуклэм зэхуэкыныгьэу игьуэтахэр. Псалгэ гуэр (концепт) усакуэуэм кьещгэри, ар символым хуэщэ, «цыкьуэклым хуэдэу» гупсысэхэр кьытreshьр» [Баклуу 2017: 124].

«Цыху цыкьлур шохьур нэхьри нэхь цыкьлуж...» сонетым шлэлэ гупсысэ нэхьышхьэр гьащлэм сыт шыгьуи кьыдеклуэкла мылькуклэ зэхуэмыдэныгьэмрэ иужьрей лэхьэнэм цыхухэр псэклэ кьулейсыз хьу зэпыту, цыхугьэр, напэр, шлыхьыр лэщлыб ящлу кьызэреклуэклымрэщ. Нэхь шынагьуэжращи, цыху хьэклэпычхэмрэ нэмысыншэхэмрэ иджырей гьащлэм шытепщэ хьуащ. Аращ усакуэр зыгьэпфейтей Луэхугьуэ нэхьышхьэу зи гугьу тцлы сонетым кьыщилуатэр:

*Цыху цыкьлур шохьур нэхьри нэхь цыкьлуж
Дунейкьутэжым шхьэщыхьа мы гьащлэм.
«Сылла нэужьклэ – удз кьремыкьыж!»
Жызылэхэм дунейр зыкьзыщхьэ ящлыр. [Лутыж 2005: 127]*

Кьэдгьэлэгьуа едзыгьуэм шлэлэ гупсысэхэм сонетым и кьыкьлэлыкьлуэ лыхьэхэм зыщаубгьу икьли клэлуэны эзытыж сатыритлым деж лирикэ лыхужьыр мыпхуэдэ философии куум хуоклуэ:

*Нэхьуейм икьла дунейм ирегьэзагьэ
И хабзи-бзытхьы кьэунэхуа хьагьэм. [Лутыж 2005: 127]*

«Зыми имыщлысу псоми дэфыщлэихэм...», «Пщы» зыфлэпщым «пщылл» кьыпфлешьр...» сонетхэр ди кьэралым шьлэ жылагьуэ зэхэтыклэм, политикэ

щытыкIэм тегъэпсыхьащ. УсакIуэм абыхэм дуней псор зи IэмыщIэ изыльхьэ-ну хущIэкъухэм я образ дыхьэгъхэр кыщигъэщIащ. Абы ехьэлIауэ ИутЫжым и творчествэр кызэщIэкъуауэ зыджа БакIуу Хь. етх: «ИутЫж Борис сонетыр басням пэгъунэгъу хуищIащ ауан Iэмалыр зэрыхигъэхьамкIэ. Апхуэдэ зиIэ яхэт-кыым адрей адыгэ усакIуэхэм» [БакIуу 2017: 124]. ЩIэныгъэлIым и еплъыкIэм арэзы утемыхьуэнкIэ Iэмал иIэкъым, сыту жыпIэмэ сонетым гушыIэмрэ ауаныр хэхуэнэныр ди литературэм щыщIэщыгъуэщ. Абы щыгъуэми зы сонетым и кIуэцIкIэ мотив зэхуэмыдэхэр (лъагъуныгъэ, философии, ауан, гушыIэ, н.) щэзэхгъэшыпсыхьауэ урохьэлIэ. Псалъэм папщIэ, «Дунейр – бэмплэгъуэкIэ гъэнщIауэ...» сонетым деж иджырей жылагъуэ зэхэтыкIэм мыхьумыщIагъуэ хильагъуэр кызыриIуэтэну усакIуэм кыхуэнэжыр зы Iэмалщ – гушыIэрщ. Абы щыгъуэми тхыгъэм щIэлъ гупсысэ нэхъыщхьэр зыхуэунэтIар цIыхур гъэдыхьэш-хыныр аракъым, атIэ зегъэщIэжынырщ, и щыуагъэхэм гу лъегъэтэжынырщ. Сонетым и етIуанэ, ещанэ катренхэм дыкыщоджэ:

*Дахагъэм ЩIыгур кыхьумэным
Уцыгугъыныр цхьэгъэщIэжыщ...
Зэгур номиным дыхуэкIуэну
Жиламэ Дарвин, – ар нэхъ пэжт.*

*А пэжыр мис-тIэ: цIыхур щIылъэм
И тецIуэ Тхьэшхуэм кыгъэщIам,
АрцхьэкIэ homo-хьэщхьэвыльгэ*
Лъэпкыгъуэм яуфэбгъу: «Vivat!...». [ИутЫж 2005: 131]*

«Ухуеймэ гъащIэр тыншу епхьэкIыну...», «Уи жагъуэгъум кыпхуипсэль-хэм...», «Накыгъэ мазэм зызэпигъазэщ...», «Ей, мы Жыгъэри мыр!...», «Лъагъу-ныгъэр банэ папщIэм...» жыхуиIэ сонетхэми гушыIэмрэ ауаныр хэхуэнащ.

ИутЫж Б. и сонетхэм я нэхъыбэм философии икIи психологие кууагъ ящIэлъщ: усакIуэм гъащIэмрэ ажалымрэ зэгухьыпIэ имыIэу зэрызэпхар кьегъэлъагъуэ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, «ГъащIэр зэрыкIэщIым теухуауэ...», «УтекIыфкъым натIэм кьритхам...», «ГъащIэр зэман-жыгым кыпытIысхьэ пцIащхуэщ...», «Мэкъугъыр хьэр. Мэкъугъ емызэшыжу...», «Зэгурым нэху щыщынущ мы дуней...», н.

Дызэрыщыгъуазэщи, сонетым и тхыкIэ хабзэ, и фащэ ухуэкIэ (сатыр пщыкIуплIу зэхэту) иIэжщ. ИутЫж Борис и сонетхэр инджылыз фащэм иту гъэпсащ: катрену щырэ кIэIунэ езытыж сатыритIу зэхэтщ, мыпхуэдэ рифмэ ухуэкIэм тетщ: *abab cdcd efef gg*, цIыхухьу рифмэхэмрэ цIыхубз рифмэхэмрэ чэ-зууэрэ щызэкIэльыхьащ. КъызэщIэкъуауэ кьэбгъэлъагъуэмэ, ИутЫжым и сонет гъэпсыкIэр жанрым и хабзэхэм сыт и лъэныкыуэкIи йозагъэ, тхыгъэхэм я нэхъы-бэр сонетым нэхъ хуэщу кьалытэ ямб жыпхьэмкIэ (стопа бжыгъэр зэхуэмыдэурэ) тхащ. Борис и IэдакыщIэкIэхэм яхэтщ жанрым нэхъыфI дыдэу хуэкIуэу кьалытэ жыпхьэ – стопаитху е стопаих хьу ямбымкIэ – тха сонетхэри. «Ухуеймэ гъащIэр тыншу епхьэкIыну...» сонетыр и кIыхьагъкIэ стопаитхуу зэхэт ямбкIэ тхащ:

*Ухуеймэ гъащIэр тыншу епхьэкIыну,
Абы уримыхьукI уэ гупсысэх:→
Псалъэжъым тету – а псы узыхьыным,
УнэцIэмыту, зыдрегъэхьэх. [ИутЫж 2005: 133]*

U – / U – / U – / U U / U – / U → → *пир. 8 пыч.***
U – / U U / U – / U U / U – → → *пир. 4, 8 пыч.*
U – / U – / U U / U U / U – / U → → *пир. 6, 8 пыч.*
U U / U – / U U / U U / U – → → *пир. 2, 6, 8 пыч.*

* homo (цIыху) + хьэщхьэвыльгэ (мифологием щыщ персонаж).

** Пиррихиер 8-нэ пычыгъуэм тоувэ.

«Теорие шыIэщ бжыгээр хуэкIуэу флаггым...» фIэщыггэм щIэт сонетыр сто-
паихыу зэхэт ямбкIэ тхаш:

*Теорие шыIэщ бжыгээр хуэкIуэу флаггым,
Ауэ цыIху гьащIэм ещI ар фIэщыггэуей:
Илгэс кьэдгэщIхэр хьууэрэ зьIаггэ,
Ухыггэ эшафотым дыдокIуей. [ИутIыж 2005: 145]*

U – / U – / U – / U – / U – / U
U U / U – / U – / U U / U – → → *пир. 2, 8 пьч.*
U U / U – / U – / U U / U – / U → → *пир. 2, 8 пьч.*
U U / U U / U – / U U / U – → → *пир. 2, 4, 8 пьч.*

ИутIыж Б. и сонетхэр художественнэ бзэ кьулейкIэ тхаш, абы щIэх-щIэхыурэ псалъэжхэмрэ псалгэ шэрыуэхэмрэ уащрохьэлIэ. Абы шыггэуэми ахэр зэрыщыт дьдэм хуэдэу кьэггэсэбэпакгым, атIэ контекстым зэрыхуэкIуэ, зэрыхуэфашэу хэувахэщ. мис, псалгэм папщIэ, шапхэ зыбжанэ: «*Напэ нэхьрэ – кIапэ!*» (мыб-дежми адэки кьыхэзыггэщар дэращ. – *Хь.Л.*) *жызыIахэм / Нэхь Iуц цымыIауэ кьыщIокIыж*» [ИутIыж 2005: 128]; «*Псалъэжгым тету – а псы узыхьынуум, / УпэцIэмыту, зыдреггэхьх*» [ИутIыж 2005: 133]; «*Зедггэсат фIы тцIэфу цыIхухэм ад-дэ пасэу, / Ауэ «псым хэддзэфу» зи зытхуемыггэсэ»* [ИутIыж 2005: 136]; «*Дыхьмыныпэу и лгэхьумбыщIэр / Кьытлгысу цытмэ, дыццогуфIыкI...*» [ИутIыж 2005: 138]; «*Пцы» зыфIэпцым «пцылI» кьыпIеуцыр жалэу / Ижь-ижьыжгым лгандэрэ кьокIуэкI»* [ИутIыж 2005: 142], н. ИщхьэкIэ кьыщытхьа шапхээхэм адыгэ псалъэжхэр хэухуэна, зэрынэрыльаггэуши, абыхэм текстым кьызэ-резэггэу зэхьуэкIыныггэ зыггэуэтай яхэтщ.

Псалъэжхэмрэ псалгэ шэрыуэхэмрэ пэггунэггэуэ езы усакIуэм кьиггэщIыжа Iушыггэхэри ИутIыжым и сонетхэм куэду яхьболгэаггэуэ. Псалгэм папщIэ, «Гум гуггэпIэ лгэпкь кьыхуэггэуэтыжкьым...» сонетыр апхуэдэ IушыггэхэмкIэ, фило-софие гупсысэ куухэмкIэ ггэнцIащ. Зи гуггэу тцIыр нэхь гурыIуэггэуэ хьун папщIэ, сонетым щыщ зы катрен кьэтхьынщ:

*ЦыIху насытыр напIэзыпIэрыбжэщ.
Кьытхуэлыду – куэдэж гьуэбжэггэуэщыц.
ГьащIэр – цымыIа ямыггэуэтыжхэм
ЩенцIыхьыжжу шыггэушытсынIэ жэщыц... [ИутIыж 2005: 140]*

Мы едзыггэуэми, ар кьызыхэтха сонетыр зэрыщыту кьапщтэми, ИутIыж Бо-рис и сонет творчествэм кьызэщIэкьуауэ ухэплгэми, нэрыльаггэу мэхьу усакIуэм и IэдакгэщIэкIхэр купщIафIэу зэрыщытым кьыдэкIуэуи, ахэр зыми хэмыггэу-ашэ хьэтIкIэ зэрытхар. Псом хуэмыдэжу щIэщыггэуэщ усакIуэм гьащIэр шыггэушытсынIэ жэщым зэрыриггэпщэр. Апхуэдэ художественнэ Iэмал ггэщIэггэуэнхэм ИутIыжым и тхыггэхэм куэдрэ уащрохьэлIэ.

«Прозэу тха усэ»-кIэ* зэджэ жанрыр ди литературэм япэу шызыггэлэжьар, абы и зуужьыныггэм зи гуащIэ нэхьыбэ езыхьэллар ИутIыж Борису жытIэмэ, дыщыуэ-нукьым. Литературэм и теорием зэрыщыубзыхуамкIэ, апхуэдэ усэ лгэужьыггэуэм ггэлпсыкIэ щхьэхуэныггэ зыбжанэ иIэщ. Я фашэкIэ усэм и хьэл-щэн (ритмикэ, рифмэ, строфикэ) яхэмылгэми, я купщIэкIэ поэзие лгэгэ япкьрыль хабзэщ; кIэщIу, сюжетыншэу, миниатюрэ теплгэ яIэу ухуащ. Прозэу тха усэхэм я идее нэхьыщ-хьэр зы теплгэуэ, шытыкIэ гуэрым теггэщIащ, абыхэм зызыужь, зызыхьуэж кьэхьуггэхэм ущрихьэлIэ хабзэкьым [Стихотворение в прозе...].

ИутIыж Б. прозэу тха и усэхэм философии гупсысэхэр я лгэабжэщ. УсакIуэм абыхэм гьащIэмрэ ажалымрэ, гьащIэм и мыхьэнэм, лгэагуныггэр зыщIысым, н.

* Стихи в прозе.

ехъэлIауэ езым иIа еплъыкIэхэр, кыызэщIэкъуауэ жьпIэмэ езым и щхъэзакъуэ художественнэ дуней лъагъукIэр яхильхъащ. Прозэу тхами, абыхэм поэзием и нэщэнэхэр IупщIу къахощ, уеблэмэ языныкъуэхэм я фIэщыгъэ къудейхэми усыгъэм и гъэпсыкIэ хабзэхэр (образ гуэр къыщыгъэщIауэ, гурыщIэ зэмылIэужьыгъуэхэр хэлъу) яхыболагъуэ. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ, «Телъыджалъэ», «Дыгъэм кIэрыщIыхъа абгъуэ», «ГъащIэр псысэм хобжьахъуэ», «ФIэщхъуныгъэ дахэ» жыхуиIэхэр, нэгъуэщI зыбжани.

Прозэу тха усэхэм психологизм лъэщи, лирикэ щаби ящIэлъщ. Апхуэдэу гъэпсащ «СощIэ» фIэщыгъэм щIэт тхыгъэр. Ар кIэщI дьдэщ, ауэ гурыщIэ куу къыхэщу тхащ: «*СощIэ, Уэ утетщ мы дунейм. Си гупсысэхэм уазэрыхэтым ещхьыркъэпсу. Удахэу. Укъабзэу. Угуапэу. Уи цIэр сымыщIэм, Уэ нэхъ нэлуасэ симылэу. Махуэм я нэхъ щIыIэм си гур уи хуабэм къигъэплъу. Псалъэхэр сIыпхьурэ усэ къасхухэщIыкIыу... Уэ утетщ апхуэдэу си дунейм... Сьпхуэмызами. Узмылгъэгуаами. Укъамылъхуаами*» [ИутЫж 2005: 191].

ИутЫжым прозэу тха и усэхэм «парцелляцэ»-кIэ зэджэ Iэмалыр куэдрэ къыщыгъэсэбэпащ. Ар ищхъэкIэ къыщытхъа щапхъэми къыхощ («*Удахэу. Укъабзэу. Угуапэу*»; «*Сьпхуэмызами. Узмылгъэгуаами. Укъамылъхуаами*»), апхуэдэуи «*Сурэт дахащэ*» тхыгъэм и пэщIэдзэми къыщыгъэсэбэпащ: «*Жэщц. Щымыц. Мамыриц. Дахэц...*» [ИутЫж 2005: 191]. Парцелляцэм тхыгъэм щIэлъ психологизмыр нэхъ куу ещI, абы усакIуэм псалъэкIэ къыщыгъэщI художественнэ дунейр щIэджыкIакIуэм зыхегъэщIэнымкIэ къалэн пыухыкIахэр егъэзащIэ.

Прозэу тха усэ жанрым пэгъунэгъуэщ ИутЫж Б. езым къигъэщIыжа гущIагъщIэлъхэри. Ахэр кIэщIу тхащ (уеблэмэ прозэу тха усэхэм нэхърэ нэхъ кIэщIыжщ), ауэ, япэрейхэм (прозэу тха усэхэм) миниатюрэ хъэл яхэлъу теплъэгъуэ е щытыкIэ гуэр къыщыгъэлъэгъуамэ, гущIагъщIэлъхэм зы Iуэхугъуэ е къэхъугъэ щхъэхуэм ехъэлIауэ усакIуэм и еплъыкIэ-гупсысэкIэр (рассуждение) къыщыIуэтащ, философии куукIэ гъэнщIащ, афоризмым и хъэл гуэрхэри дэпльагъуу гъэпсащ. Прозэу тха усэхэм къащхъэщыкIыу, гущIагъщIэлъхэм фIэщыгъэ яIэкъым, атIэ усакIуэм и гъащIэм гуэхьпIэ имылэу епха гупсысэ кIапэлъапэхэурэ зэхэтщ. Щапхъэ зыбжанэ къэтхьыщ:

* * *

Сыту укъабзэ уэ, цIыху! А уи къабзагъэр мыхъуамэ, и дзыхъ къуигъэзу, уэ Тхъэр акъылкIэ къыпхуэупсэнтэкъым.

Сыту уфIей уэ, цIыху! А уи фIеягъэр мыхъуамэ, Тхъэм къуита а тыгъэ лъанIэр уэ шейтIаным хуэбгъэлэжьэнтэкъым [ИутЫж 2005: 222].

* * *

Уэ сэ укъысхуигъэщIащ. Сэ уэ сыкъыпхуигъэщIащ. Ар псоми я фIэщ цысщIыну утыку дэтхэнэми сихъэну сыхъэзырт. Ауэ укъысхуэгъуэткъым. Сыкъыпхуэгъуэткъым. Нобэми. Ныжэбэми [ИутЫж 2005: 235].

* * *

Пэжкъым! Сыарэзыкъым! Си фIэщ зэрыпхуэщIыны щыIэкъым сэ зыми сримыщIысу. Ауэ сытми цхъэ бжыгъэу дунейм сыкъытехъуауэ. Сыкъызэрытехъуам ещхьыркъабзэуи – лъэужьыниэу сытекIыжыну... СытекIыжынууи. Къытехъуауэ абы темыкIыж щыIэкъым. Ауэ сэ сщыщу дунейм къытенэнууи си бамIэ гызхэр. Си гугъэ къутахуэхэр. ГъащIэм гуэсцэну сызыхэта си псысэ-цIэинхэр. Iэ пхъаиэ куэдым яукъеуэ, гу пхъаиэ куэдым дыхъэшхэн яцIа си щыгуагъэ IэфIхэр... Щрепсэу ахэр сэ сыщымытсэуфа мы дунейм. Зи IэфIым сылгъэмыIэса мы дуней дахэхуэм [ИутЫж 2005: 238].

ИутЫж Борис лъэужьыфIэ хъуахэм, мыкIуэдыжын Iэужь дахэ къызэзынэкIахэм ящыщ. УсакIуэ, тхакIуэ, драматург, щIэныгъэлI щэджащэр ноби и IэрыкIхэм

щопсэу, анэдэльхубзэр Гурьлгу зы цыху закьуэ нэхь мыхьуми дунейм тетыхуклэ абы и художественнэ, публицистикэ, критикэ, щцэныгъэ щцэин телгыджэр щыцэнуш, лъэпкъым хуэщхьэпэуэ. Ди кьэхутэныгъэм кьызэригъэлъэгъуащи, абы и фыгъэклэ сонетым, прозэу тха усэ жанрым, апхуэдэуи езы усаклуэм «гушцагъщцэлъхэр» зыфцища жанр фашэм адыгэ литературэм зыужьыныгъэ пыухыкла шагъуэташ.

Тегъэщцанлэ хьуа литературэр

1. *Баклуу Хь.И.* Адыгэ сонетым хэлъ гъэщцэгъуэнагъхэр // Адыгэ (кьэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. Ещанэ тхыль / Тпымыжь Хь.Т. и редакцэм щцэту. Налшык: Гуманитар кьэхутэныгъэхэмклэ институтым и тхыль тедзаплэ кьудамэ, 2017. Н. 91–135.

2. *Баков Х.И.* Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 376 с.

3. Стихотворение в прозе // Словари и энциклопедии на Академике // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4405/%D0%A1%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 08.09.2020).

4. *Гутыжь Б.Къу.* Кьудамэхэр: Новеллэхэр, псысэхэр, усэхэр, сонетхэр, прозэу тха усэхэр, гушцагъщцэлъхэр, пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. 400 н.

ПОЭЗИЯ БОРИСА УТИЖЕВА: ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ, ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА, ПОЭТИКА

Хавжокова Людмила Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Статья посвящена исследованию поэтического творчества кабардинского автора Бориса Утижева. В ходе исследования выявлены основные мотивы поэзии Б. Утижева, рассмотрена жанровая специфика, изучена поэтика стихов и сонетов. Отдельное внимание уделено индивидуальному стилю и художественному мастерству автора, определены роль и место его поэтического наследия в общем контексте эволюции адыгской литературы. В работе использован метод художественного и структурного анализа. Результаты исследования могут быть полезны исследователям литературы, преподавателям средних и высших учебных заведений в составлении и преподавании спецкурсов по национальной литературе.

Ключевые слова: адыгская литература, поэзия, стихи, сонет, стихи в прозе, мотив, поэтика, жанр.

BORIS UTIZHEV'S POETRY: MAIN MOTIVES, GENRE SPECIFICATIONS, POETICS

Khavzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

The article is devoted to the study of the poetic creativity of the Kabardian author Boris Utizhev. In the course of the research, the main motives of B. Utizhev's poetry were revealed, genre specificity was considered, the poetics of poems and sonnets were studied. Special attention is paid to the individual style and artistic skill of the author, the role and place of his poetic

heritage in the general context of the evolution of the Adygeyan literature are determined. The work uses the method of artistic and structural analysis. The research results can be useful for literature researchers, teachers of secondary and higher educational institutions in the preparation and teaching of special courses on national literature.

Keywords: Adyghe literature, poetry, poetry, sonnet, prose poetry, motive, poetics, genre.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-146-153

Светлой памяти Лейлы Абубекировны Бекизовой

ЧЕРКЕССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Л.А. БЕКИЗОВОЙ

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

В предлагаемой статье на материале научных трудов Л.А. Бекизовой представлен анализ художественной литературы адыгских писателей КЧР и КБР раннего, военного и послевоенного периодов. Исследованы особенности художественной репрезентации в различных литературных жанрах адыгских авторов. Л.А. Бекизова представляет подробную научную интерпретацию мифо-фольклорного наследия черкесов, их жанровой системы, жанровых характеристик, особенностей поэтики, непосредственную связь с литературным методом. Автором излагается представление о феномене фольклоризма в национальной литературе. Отдельно рассматривается влияние нартского эпоса, адыгских просветителей, классической русской литературы на формирование литературного метода. Представлено влияние писателей КЧР и КБР обозначенных периодов на национальный литературный процесс.

Ключевые слова: черкесское литературоведение, фольклор, фольклоризм, нартский эпос, просветительство, литературный метод, индивидуальное творчество.

К 60-м годам XX века в адыгском литературоведении сложились относительно устойчивые направления и тенденции, обозначенные и разработанные несколькими поколениями литературоведов. К ним можно отнести труды по адыгскому просветительству (Р.Х. Хашхожевой, А.Х. Хакуашева, Х.Х. Хапсирокова, З.М. Налоева и др), генезису и становлению молодой кабардинской литературы (З.М. Налоева, Л.А. Бекизовой, А.Х. Мусукаевой, Ю.М. Тхагазитова и др.), проблеме национального своеобразия литературы (Х.Х. Хапсирокова, Х.И. Бакова), проблеме развития жанров кабардинской прозы (А.Х. Мусукаевой, Ю.М. Тхагазитова), развитию жанра очерка (Б.М. Курашинова, З.М. Налоева, Х.Х. Кауфова, П.Ж. Шевлокова, М.Г. Сокурова), дальнейшему развитию индивидуального творческого наследия, в частности, Али Шогенцукова (А.Х. Хакуашева, З.М. Налоева, Ю.М. Тхагазитова) и др.

Одним из первых исследователей, предпринявших попытку научного фундаментального литературоведческого анализа эволюции молодой черкесской литературы, выявления генетической связи между фольклором и литературой, их корреляции, определения роли и значения мифо-фольклорного культурного пласта для формирования национальной литературы, была Лейла Абубекировна Бекизова. В 1964 году вышла ее первая обобщающая литературоведческая работа по истории черкесской литературы «Черкесская советская литература (становление и развитие)» [Бекизова 1964]. Прослеживая становление письменной литературы черкесского народа, автор обращался к фольклорным истокам и мотивам, выделяя прежде всего те из них, которые получили творческое развитие в письменной литературе. Большинство фольклорных ценностей (нартский эпос, сказки, героико-исторические и лирические песни) имеют непреходящее значение

для национальной культуры. Автор уделяет наибольшее внимание значимым художественным произведениям, которые определили своеобразие общего литературного процесса.

Устное народное творчество, по мнению Л.А. Бекизовой, непосредственно отражало весь художественный опыт черкесов и в поэтическом преломлении выражало мировоззрение его создателей. Рассматривая закономерности перехода от устного творчества к письменной литературе, автор пытается выявить его истоки и традиции. Так же, как устное народное творчество, этот культурный пласт у черкесов идеологически неоднороден.

Одним из доминантных вопросов, освещенных в рассматриваемой книге, явилась проблема типичных конфликтов героев адыгской Нартиады: борьба со злом, несправедливостью, таинственными силами природы, что стало непосредственным отражением основных жизненных конфликтов реальной народной жизни. Л.А. Бекизова посвящает страницы монографического исследования главным персонажам нартского эпоса – Сосруко, Сатаней, Бадиноко, Шхацфице, Адиух, Тлепшу. Кроме того, автор останавливается на таких фольклорных жанрах как песни, в том числе трудовые, историко-героические, гыбза, хохи, сказки.

Кратко отмечено значение института джегуако для устного народного творчества, упомянуты имена наиболее выдающихся народных сказителей адыгских субэтносов.

Автор прослеживает путь зарождения и развития черкесской письменной литературы. Одну из важных миссий в деле просвещения и развития письменной культуры сыграли такие известные российские ученые как Шегрен, Люлье, Берже, Услар, Лопатинский. Примером значительного культурного влияния является сфера деятельности просветителей черкесского происхождения, воспитанных и образованных в России: Шоры Ногмова, Умара Берсея, Кази Атажукина, Талиба Кашежева и других.

В своей монографии Л.А. Бекизова касается творчества первых писателей – таких, как М. Дышеков, Х. Гашоков, И. Амироков, С. Темиров оценивает значение их творческого наследия для развития молодой черкесской литературы. В предвоенные годы, резюмирует автор монографии, черкесские литераторы достигли некоторых успехов в овладении жанром прозы. Несмотря на то, что эти прозаические произведения были еще несовершенны в результате естественных издержек жанровой эволюции, обозначилась отчетливая тенденция развития.

В монографии Л. Бекизовой рассматривается блок черкесской литературы 60-х годов XX века. Ее тематической доминантой стала тема человека новой эпохи, особенно среди писателей младшего поколения. Автор касается творчества А. Ханфенова, В. Абитова и др.

В 1974 году вышла вторая монография Л.А. Бекизовой «От богатырского эпоса к роману». Она явилась результатом пристального научного изучения эволюции адыгской литературы на всех этапах – зарождения, развития, становления. Автор рассматривает тесную генетическую связь литературы с народным фольклором, пытается выявить разные степени и формы его влияния на молодую национальную литературу. «Достижения так называемых младописьменных литераторов, – пишет автор, – стали общим достоянием многонациональной советской литературы, выражая духовное единство советского народа – новой исторической общности людей. Выравнивание уровней культурного развития отнюдь не означает нивелирования младописьменных литератур, утраты их национального своеобразия...» [Бекизова 1974: 6].

Исторические взаимосвязи литературы и фольклора – двух разновидностей художественного мышления – существенная закономерность развития мировой литературы. Без верного понимания всей совокупности проблем фольклоризма в литературе, трудно понять такие важные ее аспекты как традиция и новаторство,

национальная самобытность и народность, проблемы преемственности исторического прошлого и настоящего и т.д. Без исследования художественных традиций устного поэтического творчества не может быть решена и такая важнейшая проблема как поступательное развитие художественного мышления.

Первую главу «Национальные истоки повествовательных жанров адыгских литератур» Л.А. Бекизова предваряет общей характеристикой адыгского фольклора, который является общим культурным достоянием адыгов. Исследователь отмечает, что его характерной чертой является преобладание эпических жанров. Это обусловлено особенностями истории, социального склада, своеобразием народного быта.

Автор останавливается на особенностях разных фольклорных жанров: легенды, предания, хабара, притчи, таурых, в частности, рассматривает эпические средства и принципы образо- и сюжетостроения в героическом эпосе адыгов.

В монографии представлена жанровая характеристика адыгских народных песен. В частности, приводятся жанровые разновидности историко-героических песен (по С. Хан-Гирею):

1. жизнеописательные;
2. описание быта;
3. плачевные песни;
4. песни наезднические.

Опираясь на научные разработки предшественников, Л.А. Бекизова приводит жанровый состав адыгских песен, разработанный М. Талпой, одним из первых советских исследователей адыгского фольклора. Он выделял песни исторические, обрядовые, бытовые, колыбельные, поминальные. «Для нас, – пишет Л. Бекизова, – представляет особый интерес замечание М. Талпы о том, что «ни в одном из этих жанров песня не отдифференцировалась в чистую лирику. Большую роль в ней играет повествование в виде или прямого сообщения, или воспоминания. Чувствителен первичный синкретизм песни: наличие в ней моментов драматизации, выражающихся или в диалогах (чаще всего воспоминания о чьих-то словах), или в описании жестов, выражающих данную эмоцию... Историческая песнь – наиболее эпический из указанных жанров – обязательно включает в себя лирический момент» [Талпа 1935: 198–199].

Л.А. Бекизова дает краткую характеристику особенностей, характерную для каждой из разновидностей песенного жанра. Кроме того, автор касается способов социального обобщения действительности и характеристики человека в устной прозе адыгов. В этой связи особое место занимает сказка, которая по определению – «один из самых динамических жанров; она находится в постоянном развитии». Исследователь характеризует все жанры адыгской сказки, в том числе волшебную, сказку о животных, бытовую и др.

Характеризуя в общих чертах адыгский сказочный эпос, автор монографии упоминает об анекдотах и небылицах, которые расцениваются как малый жанр сказки. Л.А. Бекизова подчеркивает острую социальную направленность данного фольклорного жанра. Но наиболее полное и яркое отражение социальные отношения нашли в жанрах хабара (новеллы) и таурыха (повести).

В монографии рассматриваются такие категории как эстетический идеал и эволюция образа героя в фольклоре. На протяжении истории адыгского фольклора образ положительного героя претерпел значительную эволюцию. В хабарах, например, обязательным в характеристике героя становится определение его как представителя всех угнетенных, образ-символ, который воспринимается слушателями как выразитель их интересов, противоположных интересам господствующего класса.

Л.А. Бекизова прослеживает пути развития разных форм и методов фольклорного заимствования в национальной литературе. Центральной проблемой,

принятой к рассмотрению в монографии «От богатырского эпоса к роману», является влияние фольклорной традиции на становление и развитие повествовательных жанров в национальной литературе. В связи с этим автор исследует особенности фольклорного влияния в прозе адыгских писателей-просветителей XIX века. Опыт литераторов XIX века – Казы-Гирея, Хан-Гирея, Каламбия и Ахметукова, плодотворно использовавших демократические традиции фольклора, свидетельствует о том, что в их творчестве было и прямое заимствование сюжетов, образов, мотивов устной народной поэзии, и идеологическая их «обработка» для выражения новых, просветительских взглядов. Воспринимая фольклорную традицию, эти авторы выделяли в ней прогрессивное, демократическое начало, развивали его, приводя в конфликт с реакционными элементами той же традиции. На основе переосмысления «старого» фольклорного идеала они создавали идеал новый, литературный. Бесспорной заслугой писателей-просветителей является и то, что в их творчестве была проведена социальная дифференциация абречества.

Фольклор и литература, полагает Л.А. Бекизова, являются двумя разновидностями искусства слова, между которыми нет незыблемой границы. Фольклору свойствен устный характер бытования, особая природа воздействия на слушателя. Литература имеет свои художественные средства, с помощью которых она вызывает интерес читателя и также дает ему импульс не только к сопереживанию, но и к своеобразному поэтическому соучастию. На заре своего развития литература непосредственно использует выработанные в фольклоре средства разговора с читателем, привлечения его к совместному разговору. В силу этого господствующее место в литературе занимает поэтика фольклора.

Л.А. Бекизова одновременно акцентирует внимание на непосредственной зависимости молодой литературы от индивидуальной одаренности писателя, силы творческой интуиции, степени усвоения литературных традиций развитых литератур. Лишь там, где эти факторы подсказывали творческий подход к традиции, фольклорный багаж становился подспорьем, входил важной составной частью в фундамент нового, социалистического искусства, принося в него самобытный колорит и подлинно народный дух.

Автор монографии связывает формирование новых жанровых форм с именами первых кабардинских прозаиков – Ж. Налоева, С. Кожаева, П. Шекихачева, М. Афаунова и т.д. Л.А. Бекизова определяет существенные особенности других кабардинских прозаиков этой первой плеяды, таких как А. Пшиноков, Т. Борукаев, П. Шекихачев, З. Максидов, поднимавших важные темы прошлого и настоящего, обозначает своеобразие индивидуального стиля более молодых писателей – А. Шогенцукова, Т. Керашева, А. Кешокова, Х. Теунова. Автор анализирует становление и развитие первых художественных произведений юной черкесской литературы, таких как рассказы «Хищники» и «Люди и волки» М. Дышекова «Покushение» Х. Карданова, повесть «Радостная жизнь» С. Темирова.

В монографии прослеживается динамика формирования адыгской прозы, в частности, в повести С. Кожаева «Новь», в которой можно видеть первую попытку изображения положительного героя не с помощью готовых фольклорных изобразительных средств, а посредством реалистических деталей. От выработанных фольклором приемов фиксации отдельных, преимущественно пластических «примет» обстановки автор переходит к ее всестороннему воссозданию. Он умело соотносит нужную деталь с образом главного героя, с его поведением и настроением. Исследователь соглашается с мнением А. Шортанова о том, что С. Кожаевым были заложены основы реалистической кабардинской прозы.

Именно опыт наблюдения над действительностью, над историческим процессом, полагает Л.А. Бекизова, повлиял на реализм художественного повествования, окрасил его в неповторимые национальные тона. Это особенно прослеживается, например, в рассказах и первом романе Т. Керашева «Шамбуль», в которых

взаимодействуют очерковая беллетристика с художественно-этнографическим повествованием. Автор сопоставляет общие черты изображения героического поведения героев в литературных произведениях Т. Керашева и старом эпосе. Наряду с общими гуманистическими чертами в изображении главных героев литературы и фольклора, новым явилось то, что литературных героев адыгские писатели стали наделять способностью к внутренней жизни.

Отдельная глава в монографии посвящена творческому развитию фольклорной эстетики и поискам новых путей к жанру. Обостренный интерес к историческому прошлому, особенно у писателей бесписьменных народов, повлияли на возникновение жанра исторического романа. Определяются основные «силовые линии», которые оказали существенное влияние на развитие молодой национальной литературы: с одной стороны, это нартский эпос, исторические предания, легенды и сказания, с другой, – традиции историко-героических песен и хабаров. Они стали источником народных идей и образов в произведениях адыгских писателей, обратившихся к исторической и историко-революционной проблеме.

В главе «От фольклорной героики к героике современной жизни» рассматриваются основные тенденции формирования литературного процесса, усложнение раннего «прямолинейного» фольклорного влияния на молодую литературу. Эти тенденции просматриваются достаточно отчетливо на примере повести С. Кожаева «Новь» и Дж. Налоева «Начало», которые отразили наметившуюся к тому времени во всех адыгских литературах тенденцию параллельного осмысления темы прошлого и настоящего. Писатели познавали прошлое, осмысливали настоящее, предугадывали будущее. В предшествующие годы эти генеральные темы раскрывались лишь в малых жанрах – очерках и рассказах. Наметившиеся литературные тенденции просматривались в творчестве П. Шекихачева, З. Аксирова, А. Пшинокова, западно-черкесских писателей – Т. Табулова, И. Амирокова.

Возникновение и развитие литературных жанров с точки зрения Л.А. Бекизовой обусловлено историческим процессом. Первые образцы эпических жанров адыгских литератур: рассказы, очерки и повести, а затем роман отмечены тесной связью с устно-поэтическими традициями народа. Жанр романа не был известен фольклору: в отличие от рассказа, имевшего в фольклоре родственные формы, он не мог возникнуть из фольклорной поэтики. Романная форма в адыгских литературах есть результат историко-культурных преобразований в жизни народа. Сюжетно-тематической основой первых национальных романов, таких как «Камбот и Ляца» А. Шогенцукова, «Шамбуль» Т. Керашева, «Зарево» М. Дышекова, явились ключевые моменты истории народа, в частности, предреволюционная и революционная эпохи. Первые романисты начали разрабатывать народно-героические темы в широком социальном, политическом и нравственном аспектах. Авторы связывали воедино большие события с судьбами героев, наметили движение характеров, их связь с обстоятельствами. Романная форма позволяла отойти от статичности, характера деяний к воссозданию коллективного подвига народа. Роман позволил поставить более глубоко и объемно «семейную» тему. Все это обогатило способы воссоздания национального характера.

В 1978 году вышла монография «Жизнь, герой, литература», в которой получили отражение научные дискурсы некоторых ведущих литературоведов КЧР. Композиция научного произведения была преимущественно подчинена проблемам становления и развития образа положительного героя в черкесской, абазинской, карачаевской литературах. Во введении и первой главе «Человек, преобразующий мир» под авторством В.Б. Тугова представлен анализ основных произведений периода соцреализма абазинской литературы. Части «Нравственные истоки подвига», «Духовный мир современника» (авторы – Л.А. Бекизова и В.Б. Тугов) посвящены становлению и развитию черкесской литературы того же периода. Основные тенденции в развитии карачаевской литературы эпохи социализма

проанализированы А.И. Караевой в главе «Герои вымышленные и невымышленные». Материал по становлению и развитию черкесской литературы под авторством Л.А. Бекизовой преимущественно базируется на материале предыдущих изданий.

Подводя итоги исследования, важно отметить высокий профессионализм Л.А. Бекизовой и ее неоценимый вклад в развитие национальной культуры и литературы, что подтверждается многочисленными монографическими и другими трудами исследователя.

Источники и литература

1. *Бекизова Л.А.* Черкесская советская литература. Ставрополь, 1964.
2. *Бекизова Л.А.* От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974.
3. *Талин М.Е.* Устное творчество кабардинцев // Литературный критик. М., 1935. № 12.

CHERKESSKIE LITERARY STUDIES AND LITERARY CRITICISM IN THE SCIENTIFIC WORKS OF L.A. BEKIZOVA

Khakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

In this article, based on the scientific works of L.A. Bekizova presents an analysis of the fiction of the Adyghe writers of the KChR and KBR of the early, war and post-war periods. The features of artistic representation in various literary genres of Adyghe authors are investigated. L.A. Bekizova presents a detailed scientific interpretation of the mythical and folklore heritage of the Circassians, their genre system, genre characteristics, peculiarities of poetics, a direct connection with the literary method. The author presents an idea of the phenomenon of folklorism in national literature. The influence of the Nart epic, Adyghe enlighteners, classical Russian literature on the formation of the literary method is considered separately. The influence of the writers of the KCR and KBR of the designated periods on the national literary process is presented.

Keywords: Circassian literary criticism, folklore, folklorism, Nart epic, enlightenment, literary method, individual creativity.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-154-159

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-160-169

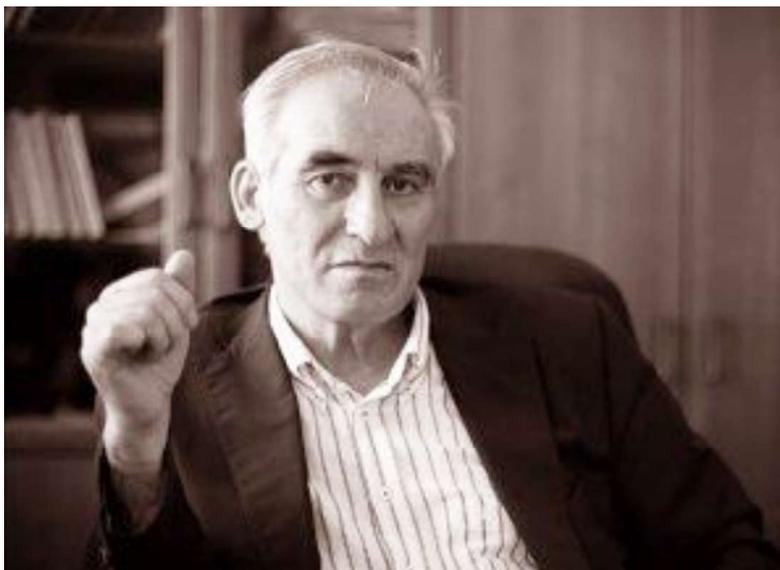
ПАМЯТИ БАРАСБИ ХАЧИМОВИЧА БГАЖНОКОВА

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), fva2005@gmail.com

В статье кратко рассмотрены основные жизненные вехи и проблематика научного творчества выдающегося отечественного этнолога, доктора исторических наук, «Заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской республики» Барасби Хачимовича Бгажнокова. Б.Х. Бгажноков был многогранно талантливым и принципиальным ученым. Его жизнь была посвящена науке о Кавказе. Наиболее значительный вклад Барасби Хачимович внес в изучение национально-культурной специфики общения, моральной философии культуры, гуманистических оснований этнологии. Им была обоснована актуальность нового направления историко-этнологических исследований – этнологии общения. Особенно значителен вклад Барасби Хачимовича в изучение культуры общения адыгов.

В научном творчестве Б.Х. Бгажнокова особое значение имели вопросы этногенеза, этнической истории, археологии народов Кавказа и сопредельных регионов.

Ключевые слова: Барасби Хачимович Бгажноков, биографические данные, проблематика научного творчества, национально-культурная специфика общения, народы Кавказа, культура общения адыгов, моральная философия культуры, гуманистические основания этнологии, этногенез, этническая история, археология.

**Бгажноков Барасби Хачимович
(1947–2020)**

8 декабря 2020 года ушел из жизни Барасби Хачимович Бгажноков, доктор исторических наук, ученый-кавказовед, редкий знаток этнологии общения, этнической истории адыгов, проблем нравственной экологии. Автор более 180 научных работ, в том числе 12 монографий. Кавалер высшего ордена Абхазии «Ахъз-Апъша» («Честь и слава») II степени.

Барасби Хачимович Бгажноков родился 1 ноября 1947 г. в городе Баксан (в то время селение Старая крепость). Его отец, Хачим (Хагим) Гумарович Бгажноков, был одним из партийно-хозяйственных руководителей Баксанского района Кабардино-Балкарии [Бгажноков Х.Г. 1986]. Родным братом Барасби Хачимовича является Заурбек Хачимович Бгажноков, известный художник-график [Художники Кабардино-Балкарской республики: 26–27].

Своим родным селом Барасби Хачимович всегда считал Зауково. О его детстве известно мало. Сам Барасби Хачимович об этом периоде жизни, совпавшем с трудными послевоенными годами, почти не рассказывал.

Барасби Хачимович хорошо учился. Особенно его тяга к знаниям проявилась в годы учебы в Кабардино-Балкарском государственном университете. В 1970 г. Б.Х. Бгажноков закончил обучение в ВУЗе по специальности «Русский язык и литература». Затем поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР в Москве.

В 1973 г. Барасби Хачимович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Психолингвистические проблемы речевого общения (лично и социально ориентированное речевое общение)» [Бгажноков 1973]. Довольно часто и почти до конца своих дней Барасби Хачимович с большой теплотой вспоминал своего научного наставника, крупного специалиста в области филологии и психологии Алексея Алексеевича Леонтьева [Бгажноков 2016].

В 1984 г. в Институте этнографии Академии наук СССР Б.Х. Бгажноковым была защищена докторская диссертация «Культура общения и этнос (на материале культуры общения адыгских народов)» [Бгажноков 1984].

Начало трудовой научной и преподавательской деятельности Барасби Хачимовича связано с Кабардино-Балкарским государственным университетом. В 1974–1985 гг. он работал ассистентом, старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры педагогики и психологии КБГУ. Позже Б.Х. Бгажноков длительное время работал в составе диссертационного совета при КБГУ по историческим наукам.

Б.Х. Бгажноков в 80-х гг.

С 1985 г. до ухода из жизни Б.Х. Бгажноков работал в Кабардино-Балкарском НИИ (ныне Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук):

- в 1985–1988 гг. – старший научный сотрудник сектора этнографии,
- в 1988–1998 гг. – заведующий сектором общих проблем,
- в 1998–2003 гг. – заведующий сектором этнологии,
- в 2003–2005 гг. – ведущий научный сотрудник того же сектора,
- в 2005–2007 гг. – ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора,
- с 2007 по 2014 гг. – директор Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН,
- с 2014 г. руководил отделом археологии, этнологии и этнографии, а с 2016 г. сектором древней истории и археологии.

Основные научные достижения Б.Х. Бгажнокова связаны с изучением национально-культурной специфики общения, моральной философии культуры, гуманистических оснований этнологии.

Барасби Хачимович обосновал актуальность нового направления историко-этнографических исследований – этнографии (этнологии) общения. Он активно разрабатывал эту проблематику, используя материалы многих народов мира, особенно материалы культуры общения адыгов.

Широко известны монографии Б.Х. Бгажнокова: «Адыгский этикет» (1978), «Очерки этнографии общения адыгов» (1983), «Культура общения и этнос» (1985), «Черкесское игрище» (1991), «Адыгская этика» (1999).

В последние десятилетия его работы были посвящены теоретическим вопросам этнологии, специфике этнического мироощущения и бытия, условиям, которые воспроизводят целостность этнических систем (монография «Основания гуманистической этнологии», 2003).

В тесной связи с гуманистической и позитивной этнологией находятся исследования Б.Х. Бгажнокова, посвященные вопросам культурной истории и моральной философии: монографии «Антропология морали» (2009), «Отрицание зла в адыгских тостах» (2010).

Большую ценность имеют введенные Б.Х. Бгажноковым в научный оборот понятия: культура эмпатии, идеология среды, позитивная этнология, коммуникация морали, экофутуризм и др.

*Б.Х. Бгажноков с коллегами-этнографами:
С.А. Арутюновым, Л.К. Тохчуковой и В.А. Тишковым*

В своих научных поисках и научно-организационной работе Барасби Хачимович всегда советовался с руководством и сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН: С.А. Арутюновым, В.А. Тишковым, Ю.Д. Анчабадзе и другими коллегами.

Б.Х. Бгажноков на заседании в Кабардино-Балкарском научном центре РАН

Научные достижения Б.Х. Бгажнокова высоко ценили и в родной Кабардино-Балкарии, и в соседних регионах Северного Кавказа.

9 декабря этого года на своей странице сайта facebook.com профессор КБГУ М.А. Текуева отметила большое значение первой книги Б.Х. Бгажнокова «Адыгский этикет». Эта книга, как пишет Мадина Анатольевна, стала научным бестселлером, изменившим сознание студенческой молодежи. «В ней с уважением и научным обоснованием реабилитировалась наша культура. Весь Кавказ воспринял эту книгу как потерянный ключ к варварски заколоченной двери в историческое прошлое. ... В результате сформировались новые подходы в изучении традиционной культуры, новые интерпретации в трактовании ее развития. Уже никогда больше не говорили о кавказской традиции в прежнем высокомерном тоне» [Текуева 2020].

Известный российский этнолог академик В.А. Тишков на странице сайта facebook.com поделился своими очень теплыми воспоминаниями о Барасби Хачимовиче: «Барасби любил науку, именно российскую науку, т.к. не очень читал иностранную литературу и не ездил часто за рубеж. ... Барасби был патриотом-националистом, но его патриотизм и национализм имели общеадыгский характер. Не случайно, он в начале 1990-х гг. отправился добровольцем в Абхазию и реально воевал на стороне абхазов в их конфликте с грузинами. Позднее он сотрудничал с Международной черкесской организацией (МЧА). Но это был интеллектуальный этнонационализм, воспевавший черкесскую историю и культуру. Он знал и любил русскую культуру ...» [Тишков 2020].

Автор блога на сайте радио «Эхо Москвы» историк С.Н. Жемухов также написал свои воспоминания и размышления о значении личности Б.Х. Бгажнокова: «Бгажноков был удивительно разносторонним человеком. В начале 1990-х годов он выступал с политической трибуны, как один из лидеров кабардинского национального движения и организаторов борьбы за независимость Абхазии.

В последующие десятилетия он посвятил себя науке, возглавил институт гуманитарных исследований (2007–2014). ... Насыщенная жизнь и плодотворная деятельность Барасби Бгажнокова стали ответом на кризис адыгской идентичности. Пройдя через горнила коммунистического тоталитаризма и постсоветского идеологического вакуума, его идеи сформировали поколения молодых людей в эпохи застоя, перестройки и национального возрождения. Его именем будут названы улицы и площади. Об этом выдающемся человеке будут написаны диссертации и книги. Нам еще предстоит осознать, как труды Бгажнокова стали концептуальной основой современной адыгской национальной идентичности, построенной во многом на бгажноковском этикете и этике» [Жемухов 2020].

Замечательные, душевные слова о Б.Х. Бгажнокове и его научном творчестве написала историк Н.А. Нефляшева: «Барасбий Бгажноков практически первым из советских ученых-адыговедов вышел за унылые рамки простой описательности и не только сделал адыгский этикет объектом самостоятельного исследования, но и препарировал его виртуозно и филигранно. И очень бережно. И очень системно. Так с материалом может работать только великий Мастер. Казалось бы, эти сюжеты были всем знакомы, но только Бгажноков придал им академический блеск. В своей первой книге «Адыгский этикет» Б. Бгажноков показал, что адыгский этикет, Хабзэ – это не механический набор поведенческих ритуалов и практик, это цельная, законченная, рациональная, живая система. Система, подобная бесконечному Космосу, отвечающая на ключевые вопросы бытия, идеально встраивающая человека в социум, помогая тонко преодолевать свое эго. Именно Б. Бгажноков деконструировал для нас, читателей, эту систему во всей ее красоте, мудрости, силе и символической мощи. Тщательно регламентированные правила черкесского повседневного поведения и строгие ритуалы – все это несло не только прагматические, но и символические смыслы. Тайный язык черкесских всадников, рыцарский кодекс Уорк Хабзэ, непростая лаконичная простота черкесского быта, особый статус детей, женщин, гостей и стариков в черкесском обществе – обо всем этом и многом другом Б. Бгажноков впервые в кавказоведении заговорил языком академической науки. Потом были и другие книги и статьи. Но «Адыгский этикет» был настоящим прорывом, академической революцией и по своим методологическим подходам, и по уровню источниковой базы, и по структурной подаче [Нефляшева 2020].

Б.Х. Бгажноков всегда особое значение придавал вопросам этнической истории и археологии народов Кавказа. Он с интересом и радушием встречал приезжающих в Нальчик отечественных и зарубежных археологов.

Б.Х. Бгажноков с археологами из Германского археологического института в научном архиве ИГИ КБНЦ РАН обсуждают предстоящую публикацию каталога находок нальчикской подкурганной гробницы. Фото 2012 г.

Археологи из Москвы обсуждают с Б.Х. Бгажноковым вопросы организации раскопок памятников у сел. Заюково. Весна 2014 г.

Барсби Хачимович регулярно (особенно в последнее десятилетие) публиковал статьи со своим личным взглядом на вопросы археологии, древней и средневековой истории Кавказа, юга Восточной Европы, Малой Азии и других регионов.

Во время историко-этнографических и фольклорных экспедиций посещал археологические памятники Кабардино-Балкарии и собирал о них информацию у местных жителей.

Б.Х. Бгажноков и краевед Х.З. Гедгафов у культового камня в долине Баксана. Поездка к местности Махуагапс. Август 2013 г.

Барасби Хачимовичу были очень близки проблемы изучения историко-культурного ландшафта Кабардино-Балкарии и сохранения археологического наследия народов республики.

В ноябре 2016 г. под руководством Б.Х. Бгажнокова была проведена историко-этнологическая экспедиция в результате которой было зафиксировано современное состояние крупного археологического и исторического памятника - Урванского курганного поля, включающего три больших урванских кургана: Ошхакилиса, Ошхаца и Ошхаджафа. Также об этих объектах культурного наследия народов Кабардино-Балкарии был собран исторический и фольклорный материал.

Общий вид кургана Гуацхъацэ в ноябре 2016 г.

Б.Х. Бгажноков и М.Ф. Бухуров на фоне кургана Гуацхъацэ в ноябре 2016 г.

Барасби Хачимович был одним из инициаторов проведения в ИГИ КБНЦ РАН круглого стола «Актуальные проблемы сохранения историко-культурного наследия на территории Кабардино-Балкарской республики». В работе круглого стола приняли участие представители Парламента КБР, общественных организаций республики, руководитель Управления по государственной охране объектов культурного наследия КБР, глава администрации селения Урвань, краеведы. В результате обсуждения ряда важнейших вопросов охраны, изучения и использования

историко-культурного наследия народов Кабардино-Балкарии была принята резолюция, содержащая общую характеристику ситуации, конкретные предложения, пожелания и рекомендации. После этого сугубо научного мероприятия был осуществлен сбор подписей под обращением с просьбой остановить раскопки (фактический снос) уникального исторического памятника Ыуашхьацэ (Лесистый или Лохматый курган) на окраине селения Урвань. Об этом огромном кургане писал еще Ш.Б. Ногмов в своей знаменитой книге «История адыгейского народа».

Выступление Б.Х. Бгажнокова во время проведения круглого стола «Актуальные проблемы сохранения историко-культурного наследия на территории Кабардино-Балкарской республики». Фото 2017 г.

Последние несколько лет Барасби Хачимович работал над монографией «Черкесы. Этногенез и этническая история». Уже будучи тяжелобольным он прилагал все усилия, чтобы завершить рукопись. Однако не смог этого сделать. Жизнь его прервалась не внезапно, но, безусловно, стремительно.

Б.Х. Бгажноков был редактором и членом редколлегий многих изданий Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Например, являлся научным редактором академического издания «История многовекового содружества» (Нальчик, 2007). С 2012 по 2020 год под его научной редакцией вышли 10 выпусков тематического сборника статей «Археология и этнология Северного Кавказа».

В течении ряда лет Б.Х. Бгажноков был членом экспертного совета Российского фонда фундаментальных исследований.

Под руководством Барасби Хачимовича были подготовлены кандидатские и докторская диссертации.

За плодотворную научную деятельность Барасби Хачимович был награжден Почетной грамотой Президиума Российской академии наук (1999 г.), Почетной грамотой Кабардино-Балкарской республики (2013 г.).

В 2016 г. вклад Б.Х. Бгажнокова в развитие отечественной гуманитарной науки был отмечен присвоением ему почетного звания «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской республики».

Коллеги и друзья знали Барасби Хачимовича как замечательного и принципиального ученого, как интересного и скромного человека. 70-летие Б.Х. Бгажнокова, по его просьбе, прошло почти незаметно. Смыслом его жизни был труд во благо науки о Кавказе.

Со смертью Барасби Хачимовича отечественная этнология и региональная историческая наука потеряли талантливую ученого, всю свою жизнь посвятившего науке и успевшего многое для нее сделать.

Список монографий Б.Х. Бгажнокова

1. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
2. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
3. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991.
4. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.
5. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М., 2003.
6. Бгажноков Б.Х. Нравственная экология и культурная политика. М., 2008.
7. Бгажноков Б.Х. Канжальская битва. Нальчик, 2008.
8. Бгажноков Б.Х. Антропология морали. Нальчик, 2009.
9. Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи. Нальчик, 2010.
10. Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик, 2010.
11. Бгажноков Б.Х. Черкесы (адыги). Тбилиси, 2010.
12. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик, 2011.

Литература о Б.Х. Бгажнокове

- Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 899.
- КБИГИ 1926-2016: наука в лицах. Юбилейное издание. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 27.
- КБИГИ 75 лет. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. С. 110–111.
- Решетов А.М. Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. V). СПб.: Наука, 2012. С. 93.

Источники и литература

1. *Бгажноков Б.Х.* Культура общения и этнос (на материале культуры общения адыгских народов): Автореф. дисс. ... доктора истор. наук / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1984. 40 с.
2. *Бгажноков Б.Х.* Психолингвистические проблемы речевого общения (лично-социально ориентированное речевое общение): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973. 191 с.
3. *Бгажноков Б.Х.* Ученый-романтик // Вопросы психолингвистики. М., 2016. №1 (27). С. 25–27.
4. *Бгажноков Х.Г.* Самое сокровенное. Воспоминания ветерана колхозного движения Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1986. 108 с. ил.
5. *Жемухов С.Н.* О Барасби Бгажнокове // Электронный ресурс: <https://echo.msk.ru/blog/word/2756672-echo/>. Дата обращения 16.12.2020.
6. *Нефляшева Н.А.* Не стало Барасби Бгажнокова // Электронный ресурс: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/46246>. Дата обращения 16.12.2020.
7. *Текуева М.А.* Умер Барасби Бгажноков // Электронный ресурс: <https://www.facebook.com/dina.tekueva>. Дата обращения 11.12.2020.
8. *Тишков В.А.* Умер Барасби Бгажноков // Электронный ресурс: <https://www.facebook.com/ValeryTishkovRAN>. Дата обращения 9.12.2020.
9. Художники Кабардино-Балкарской республики. Нальчик: Эльбрус, 1998. 136 с.

IN MEMORY OF BARASBI KHACHIMOVICH BGAZHNOKOV

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Ancient History and Archeology Sector of the Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), fva2005@gmail.com

The article briefly examines the main milestones and problems of scientific creativity of the outstanding national ethnologist, doctor of historical sciences, «Honored Scientist of the Kabardino-Balkarian Republic» Barasbi Khachimovich Bgazhnokov. B.Kh. Bgazhnokov was

a multifaceted talented and principled scientist. His life was devoted to the science of the Caucasus. The most significant contribution of Barasbi Khachimovich made to the study of the national-cultural specifics of communication, the moral philosophy of culture, the humanistic foundations of ethnology. He substantiated the relevance of a new direction of historical and ethnological research – the ethnology of communication. The contribution of Barasbi Khachimovich to the study of the culture of communication of the Circassians is especially significant.

In the scientific work of B.Kh. Bgazhnokov issues of ethnogenesis, ethnic history, archeology of the peoples of the Caucasus and adjacent regions were of particular importance.

Keywords: Barasbi Khachimovich Bgazhnokov, biographical data, problems of scientific creativity, ethnic and cultural specifics of communication, peoples of the Caucasus, culture of communication of the Circassians. moral philosophy of culture, humanistic foundations of ethnology, ethnogenesis, ethnic history, archeology.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-160-169

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
  - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
  - сведения об авторе;
  - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
  - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заклучение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и коректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *v* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961]

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

2. *АП* – Адыгэ псалъальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Къыцокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ нур.* Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.

5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/ueм/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асоруна «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.

12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
14,2

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 267

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*